

Конфуций Суждения и беседы filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Конфуций

Суждения и беседы

Настоящее введение представляет собой обобщение трех лекций, прочитанных в Университете Колорадо (США) и Российском Университете Дружбы Народов.]

«Самое главное не увидеть глазами, только сердце зорко».

С. Экзюпери. «Маленький принц»

Конфуций и конфуцианство

Его называют Символом китайской нации и Учителем учителей. Наверняка, именно его образ придет на память любому при упоминании культуры и философии Китая. Ему возведены памятники во многих странах Восточной Азии, где? как считается, сложилась уникальная культурная общность – конфуцианский культурный регион, формировавшийся под влиянием идей Великого Учителя. Он превратился в «визитную карточку» Китая – обложки многих книг о Китае украшены изображениями великого наставника, он растиражирован на календарях, плакатах и рекламах. Культ Конфуция был объявлен императорским, правители совершали моления в храмах Конфуция, на его родине? в местечке Цюйфу, а в провинции Шаньдун возведен огромный храмовый комплекс, ныне превращенный в роскошный музей, куда съезжаются туристы из всех стран мира.

Сегодня во всём мире вряд ли найдется человек, не слышавший о конфуцианстве и его знаменитом основателе – Конфуции (551–479 гг. до н. э.), имя которого по-китайски звучит как Кун-цзы или Кун-фу-цзы (Мудрец Кун). В большинстве случаев Конфуций упоминается не под именем собственным, а под иероглифом «цзы» – «Учитель», выступая тем самым как фигура, скорее, знаковая, нежели как индивидуальный человек. Но читателю сразу становится ясно, что речь идёт о великом наставнике, который стал нравственным идеалом сотен миллионов людей. На высказывания Конфуция ссылаются философы, политики и учёные всего мира, а фразы из «Лунь юя» сегодня можно услышать даже от малограмотного китайского крестьянина.

Более того, все нравственное развитие китайцев всегда представлялось как изучение и воплощение наследия, завещанного Конфуцием: тем его бесед с учениками, наставлений правителям, стремлений к идеалу «благородного мужа».

В отличие от многих полуполюгендарных наставников Китая, например Лао-цзы и Хуан-ди, он является абсолютно реальным персонажем – персонажем вполне «живым», переживающим, нередко сомневающимся, плачущим и торжествующим, наставляющим и негодующим. Но во всем этом многообразии чувств и эмоций он удивительно целостен. «Мой Путь – все пронзает Единым», – говорит он своему ученику (XV, 4). [2 – Здесь и далее в скобках дается ссылка на соответствующие параграфы «Лунь юя». Их перевод может не совпадать с переводом П. Попова, приведенным в этой книге, – развитие наших знаний о древнекитайской культуре иногда заставляет по-иному расставлять акценты в словах Конфуция. Один из наиболее полных, точных и комментированных современных переводов Конфуция можно посмотреть, в частности, в книге: Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. М.: «Восточная литература», 2002.]

Самый сложный вопрос – почему именно он стал Учителем учителей и превратился в символ Китая? Что он сказал или сделал такого, чего не удавалось никому ни до, ни после него? На первый взгляд, он вполне повседневно, и именно в этой повседневной житейской мудрости проступает его трансцендентное величие. Он не отстранен от мира чувств и эмоций, как буддист, не чудесен в своих историях, как Чжуан-цзы, не обладает сверхъестественными способностями, как даосские маги. Он – такой, как все. И все же он значительно более мистичен, чем десятки других духовных наставников Древнего Китая.

Понять его очень просто – он никогда не говорит о вещах трансцендентных, потаенных, мистических. С учениками и правителями, с аристократами и простолюдинами он в равной степени говорит просто и доступно. И поэтому в его речах даже сегодня любой человек может найти источник как житейских советов, так и духовных откровений.

Понять его нелегко. За кажущейся простотой скрывается такая глубина традиции, аллюзий и полунамёков, что не всякий китайский знаток сможет уловить эти тонкости.

Прочтение образа Конфуция зависит от того, на какой точке зрения мы изначально стоим – про Конфуция и традиционное конфуцианство сегодня известно столько, что весьма затруднительно подходить к этому образу непредвзято. Понимание самого Конфуция – как дословно-текстовое, так и постижение глубинной драмы его образа – зависит чаще всего от изначального подхода к его личности. Если мы допускаем, что в Древнем Китае существовала развитая «философия», то перед нами образ чрезвычайно педантичного, тщательного философа. Но стоит нам лишь допустить, что Конфуций являлся посвященным духовным наставником, соприкасающимся с самыми глубинными мистическими традициями Древнего Китая, то приходит иное понимание его образа. Перед нами предстает духовный учитель, перенявший древнейшие магические ритуалы и образы и ныне стремящийся при помощи этих знаний установить гармоничное правление в царствах на Центральной равнине Китая. Но он не только носитель этой духовной традиции – он ее десакрализатор. Он сообщает о ней открыто, позволяет записывать за собой и – самое главное – видит свою миссию в служении правителям и образовании людей, а не в уединенном отшельническом подвижничестве.

Конфуцианство считают величайшим китайским философским и духовным наследием, что отчасти верно. И все же суть конфуцианства лежит глубже, это даже не национальная идея – это национальная психология. И описывать ее функционирование следует скорее в терминах этнологии и этнопсихологии, нежели философии.

Существует несколько слоев конфуцианства. Есть официальная традиция восприятия конфуцианства, которая в основном навеяна неоконфуцианскими трактовками, развивавшимися в XI–XIII вв. Тогда же и было дано основное толкование всех ключевых терминов, которые использовали Конфуций и его великий последователь Мэн-цзы (III в. до н. э.) в своих проповедях: «ритуал» (ли), «человеколюбие» (жэнь), «справедливость» (и), «почитание старших» (сяо), «искренность» (синь), «преданность» (чжун) и многих других.

Несмотря на всю свою морально-этическую терминологию, происхождением которой мы обязаны в основном попыткам «преобразовать» китайские реалии в христианизированный лексикон Запада, конфуцианство, равно как и вся китайская традиция, не морально, оно – прагматично. Именно это и составляет ядро китайской цивилизации, и это открывается и в политической культуре, и поведенческих стереотипах, и в особенностях мышления.

Конфуцианство, в отличие от индивидуального учения самого Конфуция, не целостное учение, не стройная система взглядов, представлений, политических доктрин и морально-этических установок. Это политическая идея, объединяющая Китай. Это и абсолютный слепок национального характера китайской нации. Зачастую в китайской экзегетике представляется, что конфуцианство повлияло на весь облик современного Китая, на психологию и поведение всего населения Поднебесной, начиная от императора и заканчивая простолюдином. Но кажется, в реальности дело обстояло абсолютно противоположным образом: конфуцианство само явилось лишь слепком с уже сложившегося стереотипа поведения и мышления. И здесь оно удивительным образом из «матрицы идеального китайца» и благородного мужа превращается лишь в констатацию уже существующего стереотипа.

Конфуцианство – гносеологическая абстракция, абсолютный объем, который может быть наполнен практически любым содержанием. Нередко китаец, как бы сканируя свои мысли, стереотипы и особенности поведения, говорит: «Вот это и есть конфуцианство». Итак, конфуцианство – не то, что должно быть, а то, что уже сложилось, уже живет и развивается. Оно не корректирует поведение, а оправдывает его. Так выглядит некая великая символическая идея, вмещающая все что угодно.

Символизм «слова Конфуциева» прослеживается практически во всех высказываниях учителя. Следует заметить, что еще никем не доказано, что записи слов Учителя велись с ходу, т. е. записывались в момент его наставлений или вскоре после этого. Возможно, это воспоминания, впечатления, записанные (и, разумеется, додуманные) через весьма продолжительный период времени. И писали уже не столько слова Конфуция или о Конфуции, сколько в анналы вносились слова Идеального Учителя, который становился символом наставничества и правильного поведения в соответствии с ритуалом.

Стало привычным именовать Конфуция «величайшим мудрецом», но в действительности очень сложно объяснить, почему история выделила именно его из созвездия блестящих философов и значительно более удачливых администраторов, которые жили на одном временном отрезке с ним. Кажется, в отличие от многих своих современников, Конфуций оказался как раз не возвышен, а максимально приземлен, практичен, он рассуждал о вещах «посюсторонних», удивительным образом сводя всякое священное ритуальное начало к каждодневной деятельности, например об урожае, о болезнях, о приеме пищи, о правильном сне.

О Конфуции написано, пожалуй, слишком много, и сегодня уже вряд ли возможно отделить реальный образ этого мудрого старца от многочисленных агиографий, «выправление» образа Конфуция под нужды государственной доктрины в разные периоды. Само же учение Конфуция настолько оказалось скрыто за многочисленными комментариями последующих эпох, что многие ученые абсолютно разумно решили разделять само учение Конфуция от последующего конфуцианства – социально-политической теории и государственной доктрины Китая. К последней Конфуций имел весьма косвенное отношение и никакого «государственного учения» не создавал.

Конфуцианство, в отличие от вполне конкретного учения Конфуция, – скорее лозунг, нежели учение, гибкий и трансформирующийся тезис о том, что должно считаться «сделанным по ритуалу», от отношений с соседями до приема пищи и управления уездом. Само же конфуцианство – совершенно особое мировосприятие, поэтому не стоит ждать однозначного ответа на вопрос: стало ли оно религией Китая или просто этическим учением? Но очевидно, что конфуцианство выполняло в Китае практически все функции религии и, таким образом, превратилось в национальную квазирелигию. Во всяком случае, другого типа религиозного сознания Дальний Восток не знал.

Мы же будем говорить здесь не о конфуцианстве, а о Конфуции.

Человек и миф

В отличие от многих других мудрецов и духовных наставников Древнего Китая, о Конфуции, на первый взгляд, известно очень многое. Прежде всего, он обладает настоящей биографией – хроники донесли до нас и даты его жизни, и описания странствий по Китаю от двора одного правителя к другому; по записям его учеников можно увидеть и характер Конфуция – строгого ментора и тонкого наставника, человека страдающего и твердого, чувствительного и непоколебимого. И именно за счет этой кажущейся противоречивости и драматичности жизни этот человек, живший две с половиной тысячи лет назад, оказывается чрезвычайно обаятелен.

Не меньший драматизм образу Конфуция добавляет сама история его жизни, которая, на первый взгляд, кажется абсолютно тривиальной для книжных людей того времени. В сущности, он был одним из многих служивых людей – ши, происходивших в основном из числа «малых домов», разорившихся аристократических семей, некогда славных, но ныне не обладавших ни особой властью, ни тем более богатством. Знаком их

жизни становится само служение, причем смена господина, переезд от двора одного правителя к другому считались нормой этого служения.

О себе Конфуций не любил рассказывать и свой жизненный путь сумел описать в нескольких строках: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учёбе. В тридцать лет я обрёл самостоятельность. В сорок – сумел освободиться от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю Неба. В шестьдесят лет научился отличать правду от лжи. В семьдесят лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала».

В этом высказывании – весь Конфуций как человек и как идеал традиции. Его путь от учёбы через познание «воли Неба» к свободному следованию «желаниям сердца» и добровольному соблюдению норм поведения, которые он считал священными, «небесными», стал нравственным ориентиром всей китайской традиции. Его учение весьма многогранно: оно включает в себя совокупность духовных и социальных норм, которые передавались из поколения в поколение на протяжении почти 2,5 тысяч лет. Правила эти касались воспитания человека, определяли его поведение в семье, на службе и в обществе, устанавливали способ мышления. До сих пор именно конфуцианство служит тем источником, из которого исходит огромный духовный заряд, свойственный всей китайской нации.

Один из крупных западных ученых, пытаясь дать ответ на вопрос о причинах возвышенного одиночества и величия Конфуция, пришел к парадоксальному выводу: он был крайне несчастен с женой (что можно прочитать меж строк некоторых его высказываний), а поэтому отправился в странствия со своими учениками, посвятив себя наставлениям и обучению. Разумеется, можно и так объяснить величие Учителя, но если бы именно неудачливая женитьба была причиной рождения всякого мудреца, то Конфуций затерялся бы в толпе миллионов себе подобных неудачников-философов.

Порою мы бессильны логически объяснить успешность проповеди Конфуция, ее удивительную витальную силу. И, как мы покажем, ответ на этот вопрос заключен не в том, что говорил Конфуций, а скорее в том, о чем он отказывался говорить.

Култ Конфуция создавался уже после его смерти – при жизни он не был особо почитаем и ценим. На месте его рождения был сначала воздвигнут небольшой алтарь, через много веков превратившийся в огромный храмовый комплекс. Однако впервые китайский император совершил на этом месте поклонение Учителю лишь в 195 г. до н. э., т. е. лишь через три века после его ухода из жизни, когда Конфуций стал уже превращаться в легенду. В 37 г. н. э. императорским указом его впервые жалуют посмертными титулами и чинами, т. е. по сути награждают не его, а задабривают духа предка, стараясь правильно договориться с ним и перевести в разряд духа-защитника и покровителя. Наконец, в 58 г. ханьский император Мин-ди, прославившийся своими предпочтениями к конфуцианским трудам, открывает особые школы, где изучались наставления учителя, а на следующий год приказывает совершать по всей стране жертвоприношения в честь Конфуция – скромный чиновник из Лу окончательно превратился в духа предка. Вскоре он действительно объявляется центральным духом государственного культа. Уже после своей смерти Конфуций стал продвигаться по китайской иерархической лестнице. Императорскими указами он был пожалован многочисленными высокими титулами, а в 1106 г. его стали даже именовать «правителем». В 1008 г. император Чжэнь-цзун совершает пышный обряд поклонения Конфуцию, а через два года повелевает построить храмы Конфуция во всех городах и округах по всей стране. Он оказался обожествлен и как небожитель – «Старый наставник абсолютной мудрости», что поставило его в один ряд с даосскими бессмертными небожителями и народными героями.

Несложно заметить, что речь идет уже не столько о человеке Конфуции, сколько о том особом духовном существе, которое занимает место предка-защитника всей китайской нации. Обедневший аристократ Кун Цюй из царства Лу столь же связан с обликом «мудрец Куна», сколь и отличен от него.

Существует вполне стандартное изложение основных взглядов, что проповедовал Конфуций. Это изложение его взглядов частично вытекает из трактовки сборника его высказываний «Лунь юй», но в большей мере – из значительно более позднего понимания роли Конфуция, суть которой была услужливо представлена более поздним поколением, прежде всего группой философов-неоконфуцианцев. Безусловно, самой значимой фигурой в трактовке версии «Конфуций-философ» явился блестящий ученый Чжу Си (XIII в.), составивший пространные комментарии на каждый параграф «Лунь юя», и именно на эти комментарии, на менторские посылы о том, как надо понимать

Учителя, и опирались все последующие поколения китайских ученых-книжников, западных переводчиков и европейских исследователей. Постепенно самой политической культурой Китая Конфуций методично был превращен из духовного наставника узкой школы в социально-политического мыслителя.

Что может служить источниками знаний о жизни великого Учителя? Если отложить в сторону многочисленные биографии, написанные через сотни, а то и тысячи лет после смерти Конфуция, и еще более многочисленные легенды, то таких источников немного. Большинство историй о Конфуции носят довольно поздний характер. Естественно, это прежде всего сборник его речений и поступков «Лунь юй» (обычно переводимый как «Суждения и беседы»). «Лунь юй», однако, не представляет собой систематического и подробного изложения событий из жизни Конфуция. Много эпизодов можно почерпнуть из «Цзо чжуань» – «Хроник Цзо», подробных, но, как всегда, фрагментарных родовых записей из истории царства Лу, точнее – области Цзо, где родился и жил Конфуций. Часть историй и высказываний Конфуция вошла в большой компендиум «Ли цзи» – «Записки о ритуале», по своему содержанию частично повторяющие высказывания «Лунь юя».

Таким образом, число записей, непосредственно примыкающих к жизни Конфуция, невелико, а поэтому детальность его биографии лишь кажущаяся. Учитывая, что многие первичные источники переписывались, дополнялись и подправлялись, а образ Конфуция постепенно корректировался в соответствии с государственными запросами, то точность его биографии вообще должна вызывать большие сомнения. Впрочем, то же самое и порою даже в большей степени относится ко всем китайским духовным наставникам древности.

Немало преданий о Конфуции передает его последователь Мэн-цзы, причем по своему содержанию (хотя и не текстуально) они совпадают с «Лунь юем». На первый взгляд, весьма подробную биографию предоставляет нам историк Сыма Цянь в его «Исторических записках» («Ши цзи», I в. до н. э.), но все же он скорее передает устные предания, которые по прошествии нескольких столетий с эпохи жизни Конфуция оказывались весьма неточны. Вообще, Сыма Цянь излагает не столько точные факты, сколько комплекс преданий и мифов, рассказывающих о Конфуции именно как о наставнике и образчике для подражания.

Время великих наставников

Что такое Китай времен Конфуция? Прежде всего – это страна, раздираемая распрями, расколота на множество царств. Царства заключают между собой союзы против других царств, союзы эти быстро распадаются, прежние друзья превращаются в противников. Все это свидетельствовало о том, что «Поднебесная утратила гармонию» и, как считал сам Конфуций, золотой век «высокой древности» остался в прошлом. Идеал его – идеал возвращения к стабильности прошлых веков, поиск идеального правителя, подобного мудрецам давних лет, которые «жили в соответствии с Небом». По сути это поиск правителя-мага, находящегося в неразрывной связи с Небом и транслирующего на землю небесную благодать. Это и призыв к каждому человеку соблюдать определенный набор ритуальных правил и даже определенный характер мыслей, которые позволяют постоянно поддерживать небесно-земную связь.

В конце III – начале II тыс. до н. э. на территории Центральной равнины Китая начали складываться прото-государства, которые в то время представляли собой по сути племенные союзы. Этот период принято называть эпохой Шан-Инь – по названию племенного объединения, которое развивалось в среднем течении Хуанхэ, в основном на территории современной провинции хэнань. Параллельно шанской цивилизации существовало еще несколько центров, например в центральной части Китая, в провинции Сычуань, или на юге Китая, где сложилось гигантское и аморфное царство Чу, на территории которого вплоть до начала I тысячелетия н. э. процветала культура шаманизма и медиумизма. Одно из племенных объединений – Чжоу, существовавшее в рамках шанской цивилизации, в результате нескольких военных столкновений приходит к власти, кладя начало одному из самых долгих, противоречивых и интересных периодов в истории Китая – Чжоу (XI–III вв. до н. э.).

Эпоха Чжоу распадается на два отдельных периода, традиционно называемых

Западная, или Ранняя, Чжоу (XI в. – 771 г. до н. э.) и Восточная, или Поздняя, Чжоу (771–246 г. до н. э.). В свою очередь Позднюю Чжоу принято разделять на два периода: Чуньцю – «Весен и Осеней» (770–476 до н. э.) и период Чжаньго – «Сражающихся царств» (475–331 до н. э.). Первый период получил такое название по имени летописи «Чуньцю» – «Весны и Осени», приписываемой Конфуцию, которая описывает события, происходящие в домене Чжоу. Период «Сражающихся царств», как несложно догадаться из его названия, оказался связан с непрекращающимися военными и политическими столкновениями между десятками крупных и мелких царств, возникших тогда на территории Срединной равнины.

Чжоуские лидеры не сумели, да и не стремились объединить все территории Китая под своей властью, к тому же само Чжоу постепенно превратилось в одно из многочисленных царств на Центральной равнине. Большинство этих царств некогда были наследственными владениями, выделенными правителем Чжоу (ваном) своим родственникам или ближайшим сподвижникам. Однако постепенно они начали обособляться, не признавать над собой власть вана и вести борьбу за гегемонию. Сам же домен Чжоу постепенно превращается в небольшое, хотя и развитое в культурном отношении царство. Некоторые лидеры царств формально признавали власть домена Чжоу, хотя ему не подчинялись, большинство же открыто игнорировало его. Царства дробились и враждовали между собой, вступали в стратегические союзы, которые быстро распадались. Ряд этих царств, располагавшихся на Центральной равнине, принято объединять под названием Срединные царства, или Чжунго (сегодня – именно таково самоназвание Китая), где постепенно сложился костяк китайского этноса – этническая общность хуася. В некоторые периоды число таких царств достигало нескольких сотен, наиболее же влиятельными считались чуть более десятка царств, среди которых выделялись «семь гегемонов» – «семь сильнейших» (ци сюн): Цинь, Чу, Ци, Хань, Чжао, Вэй и Янь.

Существовал ещё целый ряд мелких царств, например Чжоу, Сун, Лу (откуда происходил конфуций), Се и другие. Многие государства оказались поглощены более сильными соседями. Так, царство Лу, где родился Конфуций, попало под власть мощного царства Чу. Масштаб царства отнюдь не находился в прямой зависимости от его культурного развития. Например, наиболее высокоразвитое в этом отношении царство Чжоу, столицей которого был город Лои (ныне город Лоян в провинции хэнань), являлось одним из самых мелких царств. Однако именно здесь были сосредоточены многие архивы, сюда стекались знатоки ритуала из соседних царств и именно здесь, как утверждает предание, произошла встреча между Лао-цзы и Конфуцием.

Страна, раздробленная на противоборствующие владения, вела долгие, изнурительные и бесполезные войны. В начале эпохи Поздняя Чжоу на территории центральной равнины оказалось около 140 мелких и крупных царств. Не проходило и года, чтобы между ними не возникали стычки. Сложилась даже особая категория бродячих мудрецов, особых служивых мужей (ши), которые, переходя из одного государства в другое, пытались уладить конфликты между правителями.

И именно в этот период позднего Чжоу начали закладываться основы практически всех духовных школ и мистических учений Китая, многие из которых дошли до сегодняшнего дня, в том числе и учение Конфуция. Для этого были две основные причины. Прежде всего – причина внешняя, социальная и очевидная. Она заключается в поисках объяснения того хаоса, который сложился в царствах на Центральной равнине, разрушений традиционных общин и статусов.

Издrevле китайская социальная система была чётко поделена на уровни, каждому из которых предписывались свои строжайшие нормы поведения, причём эти предписания порой касались даже мелочей. Существовал принцип: «кто знатен – тот богат». Незнатный не мог быть не только богатым, но даже зажиточным. Например, было точно известно, в каких одеждах кому ходить, какую пищу есть, какие обряды совершать. Высшая аристократия так и называлась – «те, кто ест мясную пищу», в то время как на столе простолудинов мясо не появлялось, и не потому, что его не хватало на всех, – причина заключалась в ритуальных предписаниях.

Несколькими веками ранее в обиходе появилось железо. Это нарушило гармонию общественных отношений, позволив людям, не обладающим знатностью, богатеть за счёт обработки новых земель. В результате возникли так называемые «сильные дома». Казалось, золотой век китайской государственности остался позади, в страну приходят «смута и хаос». Нет уже великих мудрецов древности – Яо, Шуня,

Хуан-ди, Чжоу-гуна, способных возратить Китай в лоно вселенской гармонии. Да разве найдётся сегодня тот, кто передаст правление не по наследству, а по заслугам – самому достойному, как великий правитель древности Яо, передавший трон Шуню? Нет, нравы измельчали, все власть предрежащие заботятся лишь о собственном достатке и страдают неумеренными амбициями.

Китай раскололся на множество мелких царств, непрестанно враждовавших между собой.

Не это ли – знак утраты гармонии в Поднебесной, о которой говорил Конфуций? Среди духовных учителей и служивых мужей идет мучительный поиск способов того, как восстановить утраченное равновесие, и основной мыслью Конфуция станет идея возвращения старых правил и ритуалов, и – что самое главное – того состояния сознания гармонии с Небом, которое было присуще правителям прошлых эпох. При этом все резче и резче проявляется дисперсность культуры на территории Китая – страна оказывается расколота не столько на царства, сколько на множество самостоятельных в культурном плане регионов.

В китайской истории ранний период правления Чжоу считается едва ли не идеальным временем в жизни людей и государства, когда все жили в достатке и каждый «знал своё место». Как сказал бы Конфуций, «правитель был правителем, а подданный – подданным».

Основатель Чжоу – Чжоу-гун представлялся мужественным, трудолюбивым и добродетельным человеком. Он выгодно отличался от своего неудачливого предшественника, последнего правителя династии Инь, который погряз в разврате. Именно Чжоу-гуну история приписывает лозунг: «Уважать добродетель и оберегать народ». Многие мудрецы, в том числе и Конфуций, называли его образцом лучших нравственных качеств, подтверждённых временем. Учитель ставил Чжоу-гуна выше всех правителей древности, указывая на то, что он «полностью овладел культурным началом», а значит, и «ритуальными» нормами поведения, в которых Конфуций видел основу вселенской гармонии.

Вторая причина почти единовременного появления (точнее – проявления) десятков духовно-философских школ значительно менее очевидна, но не менее важна. По сути, то, что проповедуют философы «ста школ» (бай цзя), то есть многочисленных интеллектуальных групп, складывающихся вокруг духовных наставников, является переработкой неких мистических культов и идей, вынесенных «на люди», окультуренных, приведенных в относительное логическое единство. Жизнь этих людей – разрыв со старым медиумизмом и оккультной практикой, из которой они выросли, их проповедь – переложение идеи мистического единения с Небом и духами на язык светского служения государству и обществу. Для Конфуция формой такого единения является сложный набор форм поведения и состояний сознания, который он обозначал как ли – ритуал или правила.

Сильнейшие социальные и духовные кризисы, разрушение идей архаического оккультизма и потеря веры в духов – всё это способствовало рождению совсем иного типа философии. Итак, вторая причина заключена в десакрализации мистической традиции, выводе ее на уровень широкой проповеди.

В этой проповеди высший небесный дух-правитель шанди постепенно уступает место другому началу – Дао (Путь), не имеющему антропоморфного воплощения и не требующему никакого поклонения. Происходит постепенный отрыв от раннеархаической традиции предыдущего периода Шан-Инь (XVI–XI вв. до н. э.) с её верой в многочисленных духов и антропоморфными представлениями о Небе. В Китае в этот период формируются все основные философские и духовные школы, лидерами которых становятся Конфуций, Лао-цзы, Ян Чжу, Чжуан-цзы, Мэн-цзы, Хань Фэй-цзы и другие. Кто-то оставляет после себя обширные труды, записи бесед с учениками, как, например, Конфуций или Хань Фэй-цзы, высказывания же других, таких как Ян Чжу, встречаются лишь во вторичных источниках, и мы не можем с уверенностью сказать, насколько они точно передают слова мудреца.

Для многих духовных наставников, воспитанных в традициях магической практики, дробление царств означало дробление благодатной силы (дэ) правителя. По представлениям, характерным для Древнего Китая, правитель обладал огромной духовной мощью, которая дарована ему Небом, а основная функция такого правителя – опосредовать связь между Небом и Землей, передавать благодатную энергию подданным. Представление о ней сложилось ещё в глубокой древности, когда мир

понимался как место встречи людей с духами и поэтому был пропитан особой энергией. Именно благодать правителя стала позже одним из ключевых моментов учения Конфуция о государстве и роли в нём правителя. Безраздельная власть требовала одновременно и особой нравственной чистоты, добродетельности, личного духовного совершенства вана, к чему и призывал Конфуций.

Что-то разладилось в Поднебесной... Разрушился стержень взаимоотношений между людьми. Неужели великую страну ожидают хаос и смута?

Именно в этот момент многие мудрецы, философы и мистики, страшась «великой смуты в Поднебесной», размышляли над способами, которые могли бы привести страну к покою и процветанию. На этой волне возникло множество духовных, философских и политических учений. Некоторые из них угасли за несколько столетий или даже десятилетий; другие – такие как конфуцианство, легизм, даосизм – настолько внедрились в культуру Китая, что китайская цивилизация сегодня просто немыслима без них.

Казалось, духи, которым поклонялся Китай, оказались не способны привести страну к гармонии. Наступил кризис архаического сознания, духообщение уже не давало человеку полноты истины, а человек стремился именно к ней, его больше не устраивало просто спасение от бед и несчастий. Не случайно Конфуций однажды заметил, что «если утром постигнешь истину, то к вечеру можно и умереть».

Путь Учителя

Практически каждый эпизод жизни великого учителя описан достаточно подробно, хотя, естественно, большая часть этих подробностей – мифологическая.

Конфуций появился на свет в царстве Лу на территории современной провинции Шаньдун, в местечке Цюй-фу, где сегодня разбит огромный музейный и храмовый комплекс, посвященный «учителю учителей».

В его жизни много необычного и знакового. Уже само его рождение оказалось окруженным слухами и преданиями. Великий мудрец родился от связи, которую называли «странной», «варварской», «нарушающей правила» и даже «противозаконной и развратной». Его отец Шулян хэ, которому уже минуло 70 лет, вступил в связь с очень юной девушкой из рода Янь. Не очень понятно, что подразумевал Сыма Цянь, называя в своих «Исторических записках» эту связь «странной» или «развратной» (се цзяо). Возможно, что Шулян хэ и девица Янь Чжи отнюдь не состояли в официальном браке, а лишь сожительствовали; возможно, что при бракосочетании не были соблюдены все обряды, которым в те времена необходимо было строго следовать; может быть, многие были недовольны тем, что разница в возрасте «молодых» была почти в 40 лет. Могли ли такие слухи не отразиться на юном Конфуции? Сын благородных родителей, знавший славную историю своего рода и ратные подвиги отца, он вряд ли мог забыть об обстоятельствах своего появления на свет.

И вечно должен был своим примером доказывать, что свойства людей одинаковы независимо от их рождения, что важно другое – способна ли душа человека следовать древним канонам, может ли он неустанно воспитывать себя, изгонять из себя неискренность и злобу, пестуя в своём сердце человеколюбие.

Высказывались даже предположения, что сам Конфуций был незаконнорожденным, он не получал всей полноты той аристократической власти, которая полагалась бы ему по закону, – а отсюда многие обиды, которые пришлось ему претерпеть в детстве. Но возможно, это лишь домыслы. Так или иначе, предания в «Исторических записках» рассказывают, что Шулян хэ, который уже имел несколько дочерей, в возрасте 63 лет решил взять наложницу, которая наконец родила ему сына. Но и здесь неудача – сын оказался хромоногим. Шулян хэ в отчаянии начал искать себе новую спутницу, и внезапно совсем юная девушка из города Цюйфу, представительница знатного рода Янь, согласилась связать свою жизнь со старым воином. Эта женщина и подарила миру 27 августа 551 г. до н. э. великого мудреца – Конфуция. При рождении ему дали имя Чжун Ни. «Они пошли и вознесли молитвы на холме Ницуй, и после этого она понесла Кун-цзы. На двадцать второй год правления луского властителя Сян-гуна на свет появился Кун-цзы. Родился он с бугорком на голове, а, поэтому

дали ему имя Цюй – „холмистый“. Его второе имя цзы было Чжун-ни, а его клановое имя – Кун» (11, 1905).

По-китайски цюй – это округлый холм с небольшой ложбиной посередине. По преданиям, именно такой формы голова была у Конфуция и таким он предстает на многих более поздних канонических изображениях. Кажется, что Сыма Цянь передает нам на самом деле не одну, а сразу две легенды, которые он смешивает воедино: мудреца называли Цюй то ли из-за моления его родителей на холме, то ли из-за странной формы головы. Сыма Цянь по своей традиции никогда не комментирует записываемые им предания, нам же может быть интересно понять суть такого странного прозвища.

Достоверно неизвестно, была ли у Конфуция действительно голова столь необычной формы. Хорошо известно другое: все великие мудрецы Древнего Китая обладали каким-то характерным признаком, неким физическим недостатком, который явно указывал на их чудесность и необычность. Так, мудрец Фуси, принесший людям иероглифическую письменность, приготовление пищи и вообще многое из того, что мы называем культурой, также изображался в виде странного вида человека либо с небольшими рожками на голове, либо с впадинкой посреди головы (что, в сущности, одно и то же). «Бугристой» головой отличался легендарный первоправитель Китая «Желтый император» – Хуан-ди, так иногда изображался другой священный правитель, основатель земледелия Шэнь-нун, в более поздние эпохи так представляли даосские маги (например, Чжан Саньфэн в XIII в.).

Семья будущего великого наставника принадлежала к так называемым «малым домам» – некогда славным, а ныне разорившимся аристократическим семьям, не имевшим большого влияния на политику и не располагавшим ни большими земельными наделами, ни заметным количеством подданных. В известной степени это отразилось и на психологии молодого Кун-цзы, который считал, что происходит разрушение древних обычаев, когда «все находилось на своих местах» – когда людям воздавали по их положению, званию и, конечно же, мудрости и преданности правителю. Теперь же, когда при дворе «служат недостойные», многие представители «малых домов», типа Конфуция, вынуждены быть на малых должностях, а то и, оставив их, отправляться на чужбину.

Многие предания указывали, что Конфуций происходил не только из аристократической семьи, но из царского рода, причем эту линию тянули из глубокой древности. По преданиям, известный аристократ из царства Лу Мэн Сицзы (два его сына стали учениками Конфуция) лишь перед смертью поведал, что Конфуций происходил из линии Фу Фухэ, который был старшим сыном правителя Мин-гуна из царства Сун. Он уступил свое право на правление своему младшему брату Ли-гуну (IX в. до н. э.). Затем через несколько поколений наследование перешло к Чэн Као-фу, который служил трем правителям царства Сун в 799–729 гг. и прославился своим уважительным отношением к своим господам. Как сочли китайские комментаторы, другим именем Чэн Каофу и было Кун Фуцзя (12, гл. «Чжао-гун», 44.166–17а).

Собственно, как нам пытаются показать китайские историки и прежде всего Сыма Цянь, именно Кун Фу, или Кун Фуцзя, и был прямым основателем рода Кунов. В 710 г. видный аристократ Хуа Ду казнит Кун Фуцзя, занимает вместо него пост советника в царстве. По преданию, причина этого была весьма тривиальна – Хуа Ду «увидел красоту его жены Кун Фу и обрадовался».

Упоминаний об отце Конфуция – Шулян хэ мы не встречаем ни в каких ранних источниках, непосредственно не связанных с самим Конфуцием. лишь местные хроники «Цзо чжуань» упоминают некоего Шу хэ из области Цзоу, возможно, он и был отцом великого Учителя. Прославился этот Шу хэ своими воинскими доблестями и невероятной силой. Когда триста воинов отряда, которым он руководил в борьбе против царства Ци, прорывались в город Биян и уже начали входить в ворота, противник начал опускать тяжелые ворота, рассекая атакующих надвое. И тогда могучий Шу хэ, подставив предплечья, сумел удержать ворота и дать пройти своему отряду (12, гл. «Сян-гун», 31.36). И хотя в этом рассказе ничего непосредственно не указывает на Шу хэ именно как на отца Конфуция, уже Сыма Цянь в исторических записках пересказывает эту историю, используя имя Шулян хэ. Так за счет небольших «косметических» под-правлений Конфуций получал свою славную предысторию. А это очень важно для того, кто столь трепетно проповедовал прежде всего уважение к предкам.

Шулян хэ был представителем четвертого поколения рода Кунов. С ним происходит какая-то странная история, суть которой сегодня уже не дано нам понять. Странность заключалась в том, что, будучи столь славным воином, он не получает ни званий, ни наград, ни официальных должностей. После войны он возвращается в родное местечко Цзоу (по некоторым предположениям, он получает его во владение в качестве признания заслуг), когда ему исполнилось уже 63 года.

Конфуций был беден и, вероятно, страдал от этого. В одной из бесед он упоминает: «В молодости я был беден, поэтому я освоил многие презренные занятия» (IX, 6). Карьера великого наставника начинается весьма обыденно и скромно. Он занимал невысокий и не очень значимый пост, вел хозяйственные записи – занимался учетом скота. «Все, за что я отвечал, чтобы овцы и коровы росли сильными и здоровыми» («Мэн-цзы», Vб,5). В общем, его первые шаги были весьма характерны для потомков обедневшей аристократии его времени.

С юности жизнь учила Конфуция немало мужеству. Ему ещё не исполнилось и семнадцати, как умерла его мать.

Его не приглашали на пиры, которые устраивались знатными родами в царстве Лу, потому что его род, хотя и благородного происхождения, был из числа «малых домов» – бедных и маловлиятельных. Не раз Конфуцию приходилось испытывать и публичные унижения, презрительные взгляды богатых вельмож... Не тогда ли он понял, что «благородный муж может быть огорчен лишь тем, что не обладает способностями, но не беспокоится о том, что люди не знают его»? Невзгоды не ожесточили его сердце – наоборот, он увидел в них средство самовоспитания, обнаружил в своей душе ту удивительную любовь к людям, которой впоследствии учил других.

В 525 г. Конфуций, занимавший тогда невысокий чиновничий пост, был представлен наместнику Тану во время его визита в Лу. По рассказам, Конфуций имел честь рассказать ему о том, как в прошлом официальные присутствия назывались по названиям птиц (12, гл. «Чжао-гун», 48, 3б-9а). Он вообще с молодых лет подпадает под обаяние уложений прошлых эпох – тех, где остался идеал правления, когда еще не была нарушена связь между людьми и духами.

Постепенно его начинают считать знатоком ритуалов прошлого, к нему обращаются правители и видные сановники за советами по поводу проведения церемониалов. Более того, уже в относительно молодые годы к нему приходят первые ученики. По традиции, двумя первыми учениками считаются два сына видного луского аристократа Мэн Сицзы, который в 518 г., прямо перед своим уходом из жизни, завещает своим детям изучать у Конфуция смысл ритуалов. В ту пору Кун-цзы было лишь 33 года – очень ранний, почти невероятный возраст для наставников. Несомненно, он обладал не только знаниями, но и удивительным обаянием своей проповеди. С той поры число его учеников начинает расти, в конце концов переваливая за сотню человек, которые так или иначе получали от него наставления в разные эпохи. И постепенно именно наставническая, проповедническая деятельность захватывает его все больше, он чувствует, что именно на этом поприще он должен приложить свои знания.

Какие знания? Пожалуй, это самый загадочный вопрос, чему и как обучался сам Конфуций? Кто был его наставником, как проходило его обучение? Примечательно, что источники практически ничего не говорят об этом. Целый период жизни будущего великого наставника приблизительно до его тридцатилетия таинственным образом выпадает из поля зрения комментаторов и историков. Естественно, существует множество более поздних версий, но они опираются даже не на устные версии, а на предположения, изложенные в рамках становления идеального образа учителя и мудреца.

Такое «выпадение» в биографии человека, который определил развитие характера китайской цивилизации на тысячи лет вперед, не может не показаться странным, равно как и не может быть просто случайностью.

Как же мы можем понять, чему и как обучался Конфуций? Саму его проповедь, суть наставлений, которые он передает ученикам, можно считать очевидными, хотя и косвенными указателями на суть его обучения. Обратим внимание – всю свою дальнейшую жизнь он выступает знатоком именно внутренней сути ритуалов, при этом во всех тонкостях разбираясь как в самой технике проведения церемониалов, так и

в методиках настройки сознания на духовное соприкосновение с высшими силами. Он рассуждает о мудрецах прошлого, например о Яо, Шуне, Чжао-гуне, которые являлись по своим функциям и по своей сути магами и медиумами (5).

Таким образом, он получает систематическое образование именно как священнослужитель, в чьи функции входит сбережение изначального смысла ритуалов. Но его роль в обществе уже невелика, время столь щепетильных последователей ритуальной целостности уже проходит, многие не понимают сути этого и тем более не чувствуют экстатического слияния с духами. Время архаического слияния с духами уже безвозвратно прошло.

Кун-цзы не может и не хочет понять этого. Все это вызывает у него грусть и недоумение. И поэтому он все время говорит о цзюньцзы (т. н. «благородном муже») – идеале человека прошлого, который пребывает в состоянии радения, ритуального соприкосновения с духами прошлых поколений и напитывается ими.

Он был блестящим знатоком именно жертвенных ритуалов, известных под названием ди. Впервые, как можно судить по хроникам, в качестве «мастера ритуалов» он приглашается на церемониал жертвоприношений в 517 г., когда ему едва исполняется 34 года. Это – явное свидетельство его посвященности, указание на то, что перед нами – не просто мелкий чиновник, но священнослужитель, прошедший специальную подготовку и наделенный магическими знаниями. Тогда исполнялся ритуал жертвоприношений и поклонения духам в присутствии Сян-гуна, правителя царства Лу. Основное количество людей, исполняющих ритуальные танцы, было специально приглашено из известного аристократического рода Цзи, из семьи Цзи Пинцзы, который, вероятно, и был хранителем этих техник. (12, 51, 17a). Но, как оказалось, то ли случайно, то ли намеренно была допущена, на первый взгляд, небольшая неточность в исполнении ритуала. Танцоры построились в восемь рядов, что обычно полагалось при исполнении танцев перед Сыном Неба, то есть правителем всей страны. А перед правителем царства надо было строиться лишь в шесть рядов. Род Цзи, стараясь польстить правителю царства, исполняет перед ним ритуал, достойный лишь одного Сына Неба! Этим хаосом в ритуалах, этим смешением сущностей и сакральных сил Конфуций страшно возмущен: «Восемь рядов танцуют в храме. Если такое можно вытерпеть, то чего же вытерпеть нельзя?» (III, 1). И Конфуций не боится показать своего недовольства – причем в том числе и недовольства правителем, ведь тот принял ритуал, который ему по чину не предназначался.

Порою он кажется невыносим в своих требованиях соблюдать все тонкости ритуала и не случайно оказывается часто гоним, не понят и как был «излишен» в ту эпоху, когда правителей больше занимают выгодные политические союзы, нежели ритуальная казуистика.

Магическая роль Конфуция ярко видна в его придирчивости к точности ритуала жертвоприношений. Конфуций как-то узнает, что некий дафу (один из высших сановников, обычно правитель области) собирается совершить жертвоприношение на горе Тайшань – самой священной вершине Китая, где издревле располагались жертвенные капища. Это место, где земля соприкасается с Небом, где духи спускаются на землю, и лишь правитель страны имел право совершать там обряд жертвоприношения духам. Дафу не имеет священного права делать этого, его энергетики недостаточно, чтобы соприкоснуться с самыми сильными духами. И Конфуций обращается к своему ученику Жань Ю с вопросом: «Можешь ли ты помешать ему?» «Не могу», – отвечает Жань Ю. Тогда Конфуций замечает: «Стоило ли предполагать, что гора Тайшань будет страдать от этого так же, как лить фаном (человек, который спрашивал у Конфуция о ритуалах, проявив при этом немалое беспокойство и озабоченность. – А. М.)». Он уверен, что незаконное жертвоприношение будет отторгнуто небом (III, 6).

Следующий период жизни Конфуция связан с многочисленными странствиями, в которых его сопровождают некоторые ученики. В 517 г. он впервые на короткое время отправляется в соседнее царство Ци. Около 502 г. он получает административную должность сы-коу в родном царстве Лу, соответствующую уездному секретарю, но либо администратором Конфуций оказался не очень удачным, либо был слишком требователен и строг по отношению к окружающим, не способным выдержать его ритуальные требования.

Около 492 г. он решает надолго покинуть родное царство и теперь уже надолго отправляется в странствия. В этот период своей жизни Конфуций оказывается гоним

и непривечаем. Вообще, его жизнь не оказалась отмечена ни торжеством его учения, ни всеобщим признанием. Его весьма невысокий социальный статус не позволял Конфуцию нигде закрепиться, а по-видимому, нелегкий характер, выражавшийся в строжайших ритуальных требованиях, не позволял ему долго задерживаться при дворах разных правителей.

Он не переносит, когда его воспринимают неправильно, не по статусу мудреца. Он готов сразу же покинуть царство, если его принимают просто за советчика, которые в большом числе странствовали в ту пору от царства к царству в поисках должности. Как-то лин-гун из царства Вэй спросил Конфуция о тонкостях управления войсками. Кун-цзы резко отвечает: «Я слышан о делах, связанных с жертвенной утварью (т. е. с исполнением ритуалов. – А. М.), что же касается построения войск, то я это не изучал» (XV, 1). На следующий день Конфуций покидает царство Вэй. Вероятно, он считает, что не о чем говорить с человеком, который принимает его – мудреца и посвященного наставника – за некоего мелкого военного стратега без армии. Вопрос задан не о том и не тому. Посвященно мудрец может поведать о тонкостях общения с миром духов предков, он может восстановить связь с миром прошлых поколений, а у него вопрошают о вполне земных делах управления войсками. Как-то он сам дает ученикам совет: «Не дружи с тем, кто тебе не ровня» (I, 8).

После ряда неудач в царствах Вэй и родном Лу Конфуций покидает эти пределы и отправляется в дальнейшие странствия. Опять начинается его жизнь мудреца-странника, в которой он чувствовал себя, вероятно, наиболее адекватно своему статусу. Поразительно, но «Лунь юй» очень скупое говорит об этом периоде его жизни, не исключено, что его ученики намеренно упустили какие-то неприятные подробности из жизни своего наставника. В основном это было время неудач, каких-то преследований, спорадических должностей. В «Мэн-цзы» упоминается: «В ту пору многие несчастья обрушились на Конфуция» (VA, 8), причем, как считал сам автор «Мэн-цзы», было это связано прежде всего с тем, что в этих царствах у него не было друзей – «тех, кто мог бы поддержать его». Частично отголоски неприятностей, которые стали обрушиваться на Конфуция, мы можем встретить в значительно более позднем описании в «Мэн-цзы», которое, скорее всего, представляет собой запись устного предания. Судя по рассказу в «Мэн-цзы», Конфуций сначала отправляется в царство Вэй, где с ним происходят какие-то неприятности, а затем – в царство Чэнь, где получает какой-то пост у властителя Чэнь. Чтобы проехать из Вэй в Чэнь, Конфуций должен был пересечь царство Сун. Там происходит некий инцидент с Хуань Сыма (Хуань Туй) из царства Сун, который «намеревался подстеречь и убить его, а поэтому вынужден он [Конфуций] был странствовать через царство Сун тайно». Суть инцидента так и останется тайной для нас, однако нам достаточно понять, что конфликты, происходившие вокруг Конфуция, были весьма серьезными, если речь шла о возможности убийства учителя. Однако Кун-цзы не только не устрашает все эти угрозы, но, более того, он считает себя неуязвимым благодаря небесной благодати, что пребывает в нем: «Небо одарило меня благодатью, так что же мне может сделать Хуань Туй?» (VII, 23). В царстве Чэнь невзгоды Конфуция и его учеников продолжились – у них кончилось продовольствие, и многие, изнуренные голодом, даже не могли подняться. Среди учеников растет раздражение и непонимание, Конфуций же и здесь продолжает наставлять учеников своим личным примером.

Его ближайший ученик Цзы Лу раздраженно спрашивает:

«– Может ли благородный муж оказаться в безвыходном положении?»

Учитель ответил:

– Благородный муж, оказавшись в безвыходном положении, проявляет стойкость, а маленький же человек в безвыходном положении становится безрассудным» (XV, 2).

После царства Чэнь Конфуций отправляется в удел Цай, что лежал к юго-западу от Вэй. Цай в ту пору был частью южного царства Чу. Это было тяжелое путешествие, закончившееся, в том числе, по-видимому, и отпадением от него ряда учеников, и потерей друзей. Не случайно Конфуций сам признался: «Из сопровождавших меня в Чэнь и Цай никто уже не входит в мои ворота» (XI, 2).

После долгих странствий во время своего последнего визита в царство Вэй Конфуций возвращается в 484 г. в родное Лу. Тринадцать лет он не был в родных местах. Здесь он много беседует с правителем царства Лу Ай-гуном и министром Ци Кан-цзы.

Предположительно Конфуций был назначен советником одной из нижних категорий. Из странствий он возвращается другим – разочаровавшимся, но по-прежнему полным желаний воплотить в жизнь принцип соответствия каждого человека и вещи подобающему их месту. Кажется, он становится еще более суров: он требует от правителя Ай-гуна немедленно послать карательную экспедицию против аристократа соседнего царства Ци, который составил заговор и убил своего правителя. Конфуций считает, что именно так следует поступать «благородному мужу», что стремится восстановить древние ритуальные порядки взаимоотношений правителей и подданных. Он получает отказ как от самого Ай-гуна, так и от всех его лидеров аристократических семей: ритуальная суровость Конфуция в тот момент не соответствовала политическим интересам царства Ци, и нецелесообразным советам такого непростого человека, как Конфуций, правитель решает не следовать. Политическая миссия наставника при его жизни не удалась.

Как-то во время охоты люди повстречали странное животное. Конфуций сумел в нем разглядеть единорога-цилина. Он воспринимает это как явный знак – возможно, последний знак, явленный ему. Плохой знак – появление единорога по китайским поверьям было предвестником грандиозных несчастий.

...Старость потребовала от Конфуция не меньшего мужества, чем молодость. Нет, никто не подвергал его насмешкам, как когда-то в юности. Он был окружен уважением правителей, поклонением простых людей и почитанием учеников. Но вот в 482 г. до н. э. у 70-летнего Конфуция умирает сын, не доживший до 50 лет. Через год умирает его лучший ученик Янь Хуэй, которому Конфуций, по преданиям, хотел передать школу.

Последний год жизни Конфуций посвящает исключительно беседам с учениками. Успел ли он передать всё, что знал, сумел ли показать своим ученикам прямой путь общения с Небом через внутреннее, непосредственное ощущение, до конца ли раскрыл для них идеал древности – наверное, эти вопросы мучили 73-летнего учителя.

Однажды мудрец, не говоря ни слова, прошёл к себе в дом и лёг на постель. Шесть дней пролежал он не вставая, а на седьмой день мир потерял великого Учителя. Но он оставил учение, оставил свое Слово – и, читая его, люди вновь и вновь встречаются с Конфуцием.

Наставлял он в ритуалах и музыке

Прочтение Конфуция зависит от того, на какой изначальной точке зрения стоит читатель. Если он априорно уверен, что Конфуций является философом, то весь текст может показаться морализаторскими наставлениями и описанием жизни мудрого учителя. Но если предположить, что Конфуций был продолжателем очень древней традиции мистиков, то становится очевидным, что «Лунь юй» рассказывает о жизни одной, конкретно взятой школы и о ее лидере.

Мы также постараемся взглянуть на Конфуция именно как на представителя мистической традиции и лидера впоследствии очень влиятельной школы, которая постепенно сумела распространить свое идеологическое влияние на двор правителя, а затем и на формирование всей политической культуры Китая.

Чаще всего Конфуция рассматривают именно как традиционного китайского философа, основателя своего направления, базирующегося на относительно стройной системе постулатов и правил. Как следствие, выделяют философские категории, используемые в школе Конфуция, например «ритуал (правила)», «добродетель», «долг», «сыновья почтительность». В известной степени это, безусловно, правильно, но, увы, полная переживаний, драматизма и противоречивости проповедь Конфуция навсегда теряет свою жизненность, привлекательность и становится чем-то скучновато-высохшим, годным лишь для школярного изучения, но никак не для практического воплощения.

Конфуций-философ – частично это дань китайским ученым, стремившимся в первой половине XX в. обнаружить в своей истории «философию» и подравнять свое развитие с западной традицией. Частично – это отголоски раннего. К тому же Конфуций как философ понятен и относительно прост для изучения. Конфуций же как мистик-медиум, как духовный наставник сложен, многогранен и с трудом понимаем. Хотя, впрочем, именно этим он поразительно интересен и именно в этом заключается

Конфуций Суждения и беседы filosoff.org
разгадка витальности его учения.

Ни одно философское учение, преподаваемое нам даже самыми блестящими мудрецами Запада от Аристотеля и Сенеки до Гегеля, Ницше и Кьеркегора, никогда не становилось ни государственной доктриной, ни смыслом жизни многих поколений. Через несколько веков, а то и значительно раньше эти школы философии оставляли после себя не школы последователей, а лишь ученых-схоластов, методично штудирующих труды прошлых поколений. На плечах философских исследований на Западе возникали университеты и академии, но никак не государственные общности.

Философ Запада – всегда яркий индивидуал, воплощающий личностное, индивидуальное видение мира. Конфуций намеренно подчеркивает, что лишь «передает, но не создает». Он выносит древние магические знания, в том числе и формы трактовок смысла ритуала, на свет, в бранный мир, он учит жить по ритуалу, размышлять по правилам, управлять страной в соответствии с «велениями Неба». Ничего философского, кроме неизбывного желания превратить его в философа, в нем нет.

Очевидно, он не философ в классическом понимании этого слова. Тогда кто же он такой? Чему он учил?

Как ни странно, ответить на этот вопрос не так просто, как может показаться, исходя из прочтения «Лунь юя» и многочисленных биографий Конфуция. Великий учитель нигде не излагает самого учения – у него нет теории и предписаний. Он намеренно отказывается выступать ментором – ведь он «не создает нового», он «лишь передает» знание своим поведением, поступками, своим настроением мыслей. Он сам и есть – воплощенное Учение, выраженное через образ человека, а не через его поучения.

Так в чем же Конфуций наставлял своих учеников? Сыма Цянь утверждает, что весь процесс основывался на четырех «дисциплинах», а точнее – на четырех темах, о которых беседовал учитель. Прежде всего, это вэнь – древние писания, в которых благородные мужи должны черпать импульс к творчеству, сверяя себя с идеалом минувших веков. Второе – син («поступки» или «действия»): то, как должен действовать благородный муж, воплощая идеал древних канонов. Третье – чжун («преданность»). Здесь речь шла о преданности как учению, так и государю, и своим учителям – как реальным, так и мистическим. И наконец, последнее – синь («вера» или «искренность»).

Сыма Цянь формулирует суть учения Конфуция так: «Конфуций наставлял в «Каноне песнопений», в «Каноне истории», в ритуалах и музыке» (11, гл. «Кунцзы чжуань», с. 1938). Это, безусловно, верно и точно – Учитель Кун действительно постоянно апеллировал и к сборнику ритуальных песнопений «Ши цзину» («Канону песнопений»), и к собранию древнейших полумифологических преданий, в том числе и о великих правителях прошлого, «Шу цзину» («Канону истории»), советуя своим ученикам именно с них начинать свое совершенствование. Много говорил о ритуале, высоко ценил воздействие музыки, но все же сводить всю мысль Конфуция именно к этому, казалось бы, несколько нелепо. И все же Сыма Цянь в главе «Жизнеописания Конфуция» своих «Исторических записок» заостряет наше внимание именно на этом аспекте. В этом нет ничего странного – сам Конфуций еще не был канонизирован, не превратился в символ традиционного наставничества и тем более не стал частью императорского культа, как это произойдет впоследствии. А вот его роль как собирателя и ретранслятора древнейших мистических знаний уже либо была забыта, либо не казалась столь важной. И поэтому он в I в. до н. э. выступает именно как наставник древнейших уложений, ритуалов и музыки. И апелляция к духам и героям древности, и специфические ритуальные действия, и особые музыкальные композиции составляют основу практики древних медиумов и священнослужителей. Именно на этом базировался Конфуций, и в своих наставлениях он меньше всего был философом и значительно больше – интерпретатором «велений Неба».

Все китайские духовные учения, зародившиеся в эпоху Чжоу и дошедшие до сегодняшнего дня, отличает одна характерная черта: по своей внутренней сути они построены как медиумные и оккультные учения. Они учат тому, как «общаться» с окружающим миром, как устанавливать гармонию в обществе, как воспринимать и трактовать «веления Неба». И, в отличие от классической греческой традиции, Конфуция, равно как и подавляющее число наставников его эпохи, нимало не интересовало ни происхождение мира, ни происхождение человека. Он не задавался вопросом, как устроен мир, откуда произошли вещи, окружающие нас. Конфуций

намеренно далёк от таких рассуждений. Существуют вещи, непостижимые для нашего сознания. Размышления, например, о космогонии и познаваемости мира лишь отдаляют от более насущных проблем. И Учитель говорил о другом: не о том, откуда произошли люди, но о том, какими они должны быть, об их моральных и этических качествах. Он думал не о происхождении Неба и Земли, а о том, как человек может понять их «волю» и не противоречить ей. Учение Конфуция – это прежде всего знания о человеческом в каждой личности, и в этом смысле Вселенная для него антропоцентрична, т. е. человек в ней – центр воплощения импульсов Неба и велений духов.

Но должен быть и некий образец истинного человека. Конфуций называет его благородным мужем – цзюньцзы, воплотившим в себе все благодатные свойства – мужество и гуманность, искренность и человеколюбие, умеренность в желаниях и преданность, чувство долга и справедливость.

Добродетель падшего феникса

Скорее всего, он был из той категории культовых служителей, которые имели способности напрямую общаться с духами, получать от них указания, знаки и откровения. Именно поэтому Конфуций постоянно призывает «следовать Небу», «слушать Небо». Конечно, он не философ – он не философствует, не размышляет, не пытается построить выдуманной теории. Он лишь отражает, рефлектирует на том высочайшем уровне духовного откровения, который может быть доступен лишь высочайшему магу и посвященному.

Он поразительным образом старается десакрализовать свой путь, вольно или невольно раскрывая своим ученикам мысль о том, что магический путь доступен каждому при соблюдении определенных правил в обучении и самосовершенствовании.

Конфуций принадлежал к тому типу учителей, которые, получив древние магические ритуалы служения духам и предкам, решили вынести их на уровень государственного служения. Конфуций – посвященный, «знающий», и он сам это неоднократно подчеркивает. Он мистик, отказывающийся говорить о тайном, дабы не увести людей от конкретных дел. На людях он не рассуждает о вещах сокровенных; более того, он старается всячески уйти от абстрактных рассуждений о тайном. Не случайно то обстоятельство, что, в отличие от Лао-цзы, который рассуждал и о «тайно-утонченном», и о «темно-сокровенном» (сюань), Конфуций ни разу даже не обмолвился об этом, что дало повод многим интеллектуалам последующих эпох считать, что именно Кун-цзы воистину знал о «тайном» и «сокровенном». И именно поэтому, постигнув их суть, оказавшись посвященным в Знание, он отказывался говорить о них.

В какое учение, какое знание оказывается посвящен Кун-цзы? Это сложно описать в двух словах, однако достаточно даже бегло прочитать «Лунь юй», как перед нами открываются общие контуры того великого учения, которое нес в себе Конфуций.

Прежде всего, он не создатель этого учения – он лишь его передаточное звено, что сам неоднократно подчеркивает в своих речениях и беседах. Его заслуга в том, что об этом Знании он начинает говорить открыто, выносит на уровень обсуждений, споров и даже записей – вещь невероятная для более ранних магов. Это – мистик, попытавшийся стать государственным советником и создавший, в общем, общедоступную школу.

Да и наставником может стать лишь тот, кто способен, преломив древние знания, воплотить их в новой конкретной ситуации. «Тот, кто, повторяя старое, способен найти новое, может стать наставником» (II, 11). Эти слова – отнюдь не абстрактное наставление, но абсолютно конкретный совет: достижение Знания происходит через изучение традиционных правил, песнопений и заклинаний. И такой человек, овладевший именно этой – тайной и сакральной частью бытия, может считаться наставником.

У него есть лишь два постулата, на основе которых можно постичь Знание. Прежде всего, это «любовь к древности», во-вторых – это методичное обучение. «Я обладаю знаниями не от рождения. Я приобрел их лишь благодаря любви к древности и настойчивости в учебе» (VII, 20). Нет ничего «врожденного» – и в этом Конфуций

отличается от архаичных медиумов, многие из которых обладали врожденными способностями к ощущениям. Но какую «древность» призывает постигать Конфуций? Быть настойчивым в обучении каким предметам, каким знаниям?

И ответ на этот вопрос не столь очевиден.

Как видим, его учение не содержит прямых морализаторских призывов, не является проповедью нравственного и добродетельного как неких абстракций «правильной жизни». Конфуций очень конкретен и утилитарен в своей проповеди, призыв к соблюдению строгости духа и дисциплины тела, диетологических предписаний и правил повседневной жизни – все это лишь подготовка тела и психики для возможности открытого и безболезненного общения с высшими силами. Не «правила» ради морали и гармоничной жизни, а гармония внутри ради самораскрытия духовным силам.

На место врожденных свойств, соматического экстаза старого поколения магов и медиумов Конфуций ставит постоянную тренировку своих чувств и свойств, постоянную работу над своими мыслями и устремлениями. Он действительно создает систему – систему внеэкстатического общения с духовными силами, которую, собственно, и стали затем принимать за некую «конфуцианскую философию». Мы же должны различать устремления самого Конфуция, суть его личной проповеди от более поздних трактовок его фраз и идей, вписанных в общую ткань социально-политической культуры Китая.

О себе Конфуций отзывался критически, и, думается, не из-за наигранной скромности, а потому, что очень ясно осознает тот путь, по которому идет. Он ни разу не назвал себя благородным мужем, считая это состояние недостижимым пределом стремлений. Конфуций говорил: «У благородного мужа три пути. Но ни по одному из них я не смог пройти до конца: человеколюбивый не беспокоится, знающий не сомневается, смелый не боится». Перед нами три пути – отшельника и одинокого подвижника (человеколюбие), чиновника (знание) и военного (смелость). Но Конфуций действительно не стал ни одним из них – он стал светским проповедником.

Он ничего не скрывает – поразительным образом в нем нет ничего сокрытого, утаенного, есть лишь непонятое его учениками, которые, вероятно, воспринимали его именно как ментора, но не как носителя тайного знания. Однажды он открыто говорит: «Вы, ученики, полагаете, что я что-то скрываю от вас. Я ничего не скрываю от вас. Я ничего не делаю без вас. Таков я» (VII, 24). Он действительно стремится учить своим примером, той энергетикой, которую несет вокруг себя – и нередко сталкивается с непониманием, ведь многие привыкли именно к устным наставлениям. И он наставляет – иногда монотонно-долго, но чаще кратко, точно и афористично.

Вероятно, именно из-за отхода от традиции закрытости школы на Конфуция постоянно обрушивалась критика. Более того, как можно судить из ряда высказываний, записанных его учениками, выпады эти исходили не столько от власть предержащих, которые как раз с радостью привечали мудреца, но от последователей других школ. Вот один такой эпизод:

«Чань Цзюй и Цзе Ни вместе пахали. Кун-цзы, проезжая мимо, послал Цзы Лу (одного из своих лучших учеников. – А. М.) разузнать о переправе. Чан Цзюй спросил:

– А кто это правит, сидя на повозке?

Цзы Лу ответил:

– Это Кун Цю.

И услышал вопрос:

– Не луский ли это Кун Цю?

– Да, это он, – ответил Цзы Лу.

– Так этот сам знает, где находится переправа».

Уже в этом ответе звучит тонкая издевка над Конфуцием, который сам учил людей, как совершенствовать себя, – не случайно «переправа» стала синонимом спасения,

Конфуций Суждения и беседы filosoff.org
самосовершенствования. Но далее Чжан Цзюй и Цзе Ни еще жестче высказываются в отношении Конфуция, обращаясь к его ученику Цзы Лу:

«Посмотри, что творится! Вся Поднебесная бушует и вышла из берегов. С кем ты хочешь добиться перемен? Ты следуешь за тем, кто избегает плохих людей! Не лучше ли последовать за теми, кто избегает этот мир?» (XVIII, 6).

«Те, кто избегает этот мир», – типичное обозначение мистика-отшельника, человека «сокровенных знаний», идеального образа носителя Истины. Конфуций в глазах встречных, как видно, к таковым не относится. Он слишком социален, открыт для того, чтобы быть мистическим учителем. Он «избегает плохих людей» – излишняя морализация никогда не была чертой тайной традиции. И он уже отпал от нее.

А вот другой эпизод:

«Чуский безумец Цзе Юй, проходя мимо Кун-цзы, пропел:

– О феникс, феникс! Как упала твоя благодать! Нельзя осуждать за то, что было, а то, что будет, еще будет. Брось все! Ныне опасно участвовать в управлении!» (XVIII, 5).

Это предупреждение Конфуцию значительно серьезнее, чем то, о котором сказано выше. Почему? Для этого прежде всего постараемся понять, кем мог быть «чуский безумец». Почему безумец? Почему именно из царства Чу?

Он называет Конфуция «фениксом» – это символ магического могущества, а в ранних культурах это еще и посредник между миром мертвых и миром живых, подобно дракону и некоторым другим птицам. Этот чуский маг обращается к Конфуцию как представителю той традиции магов и медиумов, к которой принадлежит сам. Но тут же открыто и при учениках обвиняет Конфуция в том, что по сути он перестал быть частью той традиции, в которой воспитывался. Его магическая сила – «благодать» – уменьшилась. Он стал использовать свои знания не для магического управления силами, но для общества. Конфуций пошел на службу к правителям и занялся делами управления, сколь бы ничтожными эти усилия не были. Но он давал советы, пытался правителей и чиновников наставлять на истинный путь и, самое главное, открыто проповедовал перед людьми непосвященными.

Примечательно и то, что происходит дальше: «Конфуций сошел с повозки, намереваясь побеседовать с ним, однако тот быстро удалился, и Кун-цзы не смог с ним побеседовать». Конфуций, как и в первый раз, пытается объясниться, пояснить суть своих поступков. Но, увы, с ним не хотят говорить – он уже оказывается «не вхож» в это сообщество.

Записи его учеников, обобщенные в «Лунь юе», открывают нам настоящую драму жизни великого наставника – человека, который стремился с помощью магических знаний привнести порядок в общество. Но он оказывается отторгнут как самими мистиками, так и некоторыми правителями, которые очень редко по-настоящему пользовались его советами.

Радости Конфуция

И все же Конфуций не был именно абстрактным любителем и поклонником древности – для него важны были души тех людей, которые жили в этой древности. Он любил не абстрактное время, а поклонялся конкретным духам прошлого, у которых молил об удаче.

Не случайно Конфуций первой же фразой «Лунь юй» подчеркивает: «Изучать и своевременно повторять изученное (в другой трактовке «и претворять в жизнь». – А. М.) – не в этом ли радость?» Обычно эта сентенция понимается как стремление изучать древность, заветы предков и первоправителей, «Канон песнопений» и «Канон перемен». Но возможно, к этому следует прибавить еще и изучение методов и смыслов древних магических учений?

Эта фраза, произнесенная великим наставником, справедливо считается одной из центральных идей его проповеди – живя внутри традиции, постоянно обращаться к

ней, «повторять изученное». Она многократно цитировалась и комментировалась, и, несмотря на некоторые разночтения, все комментаторы сходились на том, что Конфуций призывает обращаться к уже сказанному или свершенному великими мудрецами. Чжу Си в XIII в., на чьи комментарии и на чье понимание опирались все дальнейшие переводчики, также считал, что понятие «учиться» здесь равносильно понятию «подражать».

Первый переводчик «Лунь юя» на русский язык П.С. Попов (1910), опираясь на средневековый комментарий Чжу Си, дает здесь абсолютно традиционную трактовку, вошедшую с небольшими вариациями в большинство последующих переводов: «учиться и упражняться». Грамматически этот перевод абсолютно точен, но где-то внутри фразы существует некий ускользающий контекст, который может явиться определяющим для всей проповеди Конфуция. Учиться – чему? Упражняться – в чем? Ведь в этой первой фразе – суть всего учения, возможно, разгадка тайны многовековой устойчивости учения Конфуция. Если Конфуция воспринимать как некоего абстрактного мудреца, занимающегося праздными экзистенциальными рассуждениями, характерными для западной философии, то такое понимание будет, безусловно, верным. Но, как можно видеть из всего контекста жизни Кун-цзы, он был человеком абсолютно конкретных действий и ясно сформулированных мыслей. Поразительным образом Конфуций очень утилитарен, прагматичен в своей мудрости, и в этом, думается, заключена одна из причин «долгожительства» конфуцианства вообще. И значит, перед нами – не просто общее рассуждение, а вполне конкретный совет или указание.

Кажется, существует еще один смысл, который подразумевал Конфуций и который значительно точнее соответствует мистико-магическому настрою конфуциевой проповеди. Он связан с тем понятием, которое обычно переводится как призыв Конфуция «повторять изученное» (си). Иероглиф си в древних текстах в основном действительно обозначал «повторять». Но не только «изученное», а повторять второй раз моление или вопрошение к духам в практике медиумов. Семантически иероглиф си восходил к другому значению – «птица, летающая много раз», изображаемый в виде двух «крыльев» сверху и графемы «солнце» снизу. Повторение вопрошения к духам делалось для того, чтобы уточнить предсказание духов, и считается, что гадатели обычно дважды повторяли свой вопрос, например во время предсказаний на основе методики «Канона перемен» («И цзин»). В частности, именно в этом смысле и используется иероглиф си в «Каноне перемен», причем существует предположение, что для предсказания результата происходящего события использовались три вопроса, или три гексаграммы. Это и было «повторять вопрошение к духам». Даже сегодня многие китайские гадатели, соблюдая древние традиции, считают, что у духов следует вопрошать по крайней мере дважды.

И тогда вся фраза Конфуция приобретает совсем иное звучание: «Изучать (сказанное духами) и вопрошать у них вновь – не в этом ли радость». Это – сентенция, вполне достойная древнего мистика, очевидно, ни в малой степени не выбивающаяся из общего контекста той эпохи.

Дополнительный ключ к первой фразе мы можем встретить буквально через несколько абзацев. Один из лучших учеников Конфуция Цзэн-цзы говорит: «Я ежедневно трижды вопрошаю себя: отдал ли все свои душевные и физические силы тому, кому советовал в делах? Не был ли в обращении с другом неискренен? Повторял ли то, что передано?» (I, 4). Речь здесь идет именно о повторном вопрошении (си) того, что передано самой традицией (чжуань).

Но все же ключевое слово здесь не «изучение и повторение», как может показаться на первый взгляд. Вчитаемся еще раз в первую фразу «Лунь юя», понимая, что зачин собрания духовных наставлений Учителя не может быть случайным: «Изучать и вопрошать вновь – не в этом ли радость? Вот друг приехал издалека – разве не в этом ликование?» «Радость» – вот что является здесь центром переживания, ключевым словом во всей этой фразе. Это не только радостное возбуждение, свойственное обычному человеку, это затаенное ликование от чувства соприкосновения с высшими силами. Именно как «великую радость», в частности, переживал даос свое озарение, и именно так стало обозначаться просветление в буддизме. Это – не чувство, это достижение особого состояния. Вот почему записи слов Конфуция начинаются именно с этой фразы: в ней описывается, от чего можно испытать озарение.

От чего еще Конфуций испытывает радость, ликование, наслаждение? От музыки и от чтения древних песнопений. Когда Конфуций говорит о «радости», для него это понятие наполнено именно ритуальным смыслом, переживательным, священным. Это не

просто хорошее настроение и не легкость ощущения бытия – в этом плане Конфуций не подвержен обыденным эмоциям. Это ликование души, возвышенное состояние от слияния с высшими силами – духами предков. Он испытывает «радость от музыки», когда, услышав ритуальную мелодию, на три месяца перестает чувствовать вкус пищи (VII, 14), а в другой раз его «веселит» одно из песнопений «Ши цзина» (III, 20).

Становится понятным и то удивительное почтение, которое испытывал Конфуций к сборнику древних песнопений «Ши цзин» («Канон песнопений»). Он неоднократно цитировал «Ши цзин», советовал своим ученикам начинать собственное воспитание именно с чтения этого канона. В сущности, там не много говорится собственно о форме ритуалов, зато немало внимания уделено именно связям с духами предков, опосредованию мира земного и мира духовного, молениям. Не менее уважительное отношение Конфуций проявлял и к «Канону исторических преданий» («Шу цзин») – обширной компиляции различных событий, охватывающей период с XXIV по VIII вв. до н. э. и рассказывающей о деяниях идеальных мудрецов-правителей, что жили в гармонии с Небесными силами.

Все это дает нам возможность несколько по-иному осознать название труда, в котором собраны высказывания Конфуция – «Лунь юй», обычно переводимого как «Беседы и суждения». Однако в древности лунь также обозначало дощечку, на которой записывались вопросы к духам, и таким образом оригинальное название труда Конфуция могло восприниматься как «Вопросы к духам и ответы на них», которые и передавались через самого Конфуция.

Из диалогов Конфуция следует, что Учитель, безусловно, осознавал некую миссию, лежащую на нем. Она, по-видимому, заключалась в реконструкции идеальной гармонии прошлого. Все его поклонение сводилось к культу идеальных предков, как реальных, так и полумифологических. Предметом его восхищения были взнь-ван, его сын Чжоу-гун, он видел их по ночам, обращался к ним за советами. Конфуций даже учился исполнять мелодии на музыкальных инструментах не для того, чтобы, скажем, постичь эстетику музыки, а стремясь «узреть волосы на бровях» у того, кто когда-то сочинил эту древнюю мелодию. И в этом плане Учитель был чрезвычайно мистичен – он не просто страшно стремился к абстрактному прошлому, но желал соприкоснуться с духами предков, например с Чжоу-гу-ном, с Юем, вступить с ними в духовный контакт.

«Учитель не рассуждал о духах»

Обычно, говоря об отношении Конфуция к миру духов, приводят фразу о том, что «Учитель не говорил о чудесах, физической силе хаосе и духах» (VII, 21) – именно так она звучит в одном из русских переводов. Из нее может сложиться впечатление, что Конфуций сторонился всякого мистицизма и отрицал основные понятия магического мировоззрения Древнего Китая: во-первых, хаос, который рассматривался как изначальное состояние мира, во-вторых, духов, которые так или иначе являлись частью Космоса древних китайцев. И здесь Конфуций может показаться рационалистом или, по крайней мере, философом, что преодолел архаическую традицию постоянного общения с духами.

Важно, что в тексте «Лунь Юя» речь идет не о духах вообще, а о духах-шэнь. А вот о духах типа гуй, которые в ту пору понимались именно как духи предков, Конфуций не только говорил, но и предостерегал: «Приносить жертвы духам-гуй не своих предков является подобострастием» (II, 21).

Но почему же Конфуций «не говорил о духах-шэнь»? Думается, прежде всего потому, что вся ритуальная жизнь для Конфуция есть прямое, непосредственное духообщение. Да, действительно, он «не говорил о духах-шэнь». Но лишь потому, что мог находиться с ними в постоянном контакте. Известно, что он «совершал жертвоприношение предкам, будто они были живые; совершал жертвоприношение духам-шэнь, будто они находились рядом» (III, 12). Для Конфуция с его вечным ритуальным радением контакт с духами шэнь представлял собой хотя и возвышенную, но в известной мере повседневную и, более того, обязательную часть жизни. О духах он не говорил, ибо знал о них, общался с ними, находился в контакте. Конфуций вообще не говорил о самых важных вещах, связанных прежде всего с магической техникой и переживанием. Здесь достаточно вспомнить, что он не только не беседовал со своими учениками о чудесах, духах, но и редко говорил, например,

Конфуций Суждения и беседы filosoff.org
о судьбе (мин), о человеколюбии (жэнь).

Хотя сам Конфуций не только верил в духов, но и неоднократно апеллировал к ним, по-видимому, он считал, что человеку не подготовленному, не обладающему специальными знаниями, лучше сторониться такого прямого общения с потусторонним миром. Более того, он советовал, чтобы «народ почитал духов и души умерших, но держался при этом от них подальше». И именно такое поведение Конфуций именуется «весьма мудрым». Главным же он считал процесс выявления в себе «человека культурного» на основе почитания древности. Излишнее поклонение духам (что было свойственно раннему китайскому оккультизму) только сбивает человека с истинного пути. Вообще же, как сказано в «Лунь юе»: «Учитель не говорил о необычных вещах, использовании силы, беспорядках и духах».

И тем не менее, внутренний мир Конфуция наполнен духами и молитвами к ним. Когда Конфуций заболел, его ученик Цзы Лу попросил его обратиться с молитвой к духам. Конфуций спросил:

«– А поступают ли так?»

Поступают, – ответил Цзы Лу, – ведь в «Молитвенных наставлениях» сказано: «Молись духам Земли и Неба».

– Тогда я уже давно молюсь, – ответил учитель» (VII, 35).

Эпизод этот очень показателен – оказывается, Конфуций «давно молится», а его ученик даже не знает об этом. Значит, Конфуций молится внутри себя, молчаливо общаясь с духами и, более того, постоянно пребывая вместе с ними.

Конфуций вообще редко упоминал о вещах значимых, существенных – ведь чем больше толковать о них, тем сильнее становится неприятие речей со стороны учеников. Рассуждения о судьбе, о предначертании чужды Конфуцию. Человеку не дано познать свою судьбу, так что же говорить о ней? Зачем рассуждать о том, что людям недоступно, например о «сокровенном», о Дао, о пустоте, об истоках всего сущего, как это делали даосы? Учение Конфуция как бы намеренно заземлено на практическую жизнь. И здесь отразилось характерное китайское мировосприятие: цивилизация, породившая одно из самых глубоких мистических течений, живёт весьма прагматично, «не рассуждает о выгоде», но постоянно следует ей так же, как любой китаец стремится даже из мелочи извлечь свой интерес.

Как-то у известного мистика Ван Би (III в. н. э.), одного из создателей школы «Учение о сокровенном», спросили:

«– Небытие – это воистину исток всех вещей, но мудрец (Конфуций) не желает обсуждать это. Так почему же Лао-цзы постоянно рассуждал об этом?»

– Конфуций, – ответил Ван Би, – воплощал собой небытие, а о небытии невозможно рассказать. Вот почему мудрец даже не рассуждал о нём. А вот Лао-цзы принадлежал к миру бытия и постоянно говорил о его недостаточности».

Сколь необычный поворот мысли! Конфуций молчал о небытии, о потустороннем именно потому, что знал об этом! А вот Лао-цзы лишь «слышал», сам до конца не понимая, поэтому и пускался в пространные рассуждения о том, что такое Дао, небытие, или «сокровенное начало». Если Лао-цзы и ранние даосы пытались обыграть ощущение мистического пространства, то Конфуций принципиально отказывается говорить о его содержимом, он лишь указывает на то, как пройти по нему, не ошибаясь.

Для другого представителя школы «Учения о сокровенном» Го Сяна мудрецом был тот, кто «мудр внутри и любезен снаружи», кто способен странствовать одновременно и в трансцендентном, и в профанном мирах. Следуя этим неодаосам, Лао-цзы и Чжуан-цзы пребывали своим сознанием лишь в трансцендентном мире, в то время как Конфуций был способен объединить оба эти мира.

Конфуций говорит, на первый взгляд, о вещах прикладных, посясторонних. И здесь молчание Конфуция о «сакральном» обращается доказательством того, что он воистину знает о нём. Не случайно сам Учитель как-то обмолвился: «Небо же не говорит. Но мы понимаем его».

Да, действительно, Конфуций никогда не говорит о «сокровенном» – невидимом и потаенном. Он отказывается рассуждать о вещах эзотерических, очевидно, понимая, что все эти рассуждения лишь создают иллюзию общности к тайному знанию. Воспитание, постоянное самопреодоление (кэцзы) – вот, что воистину существенно. Именно это может подвести человека к раскрытию сокровенного.

Не говоря ничего о «потаенной» стороне бытия, Конфуций постоянно оперирует особым лексиконом сакрального пространства. Его излюбленные рассуждения касаются «высокой древности», когда все шло по правилам, ритуал не нарушался, дети почитали отцов, а идеальные правители типа Чжоу-гуна с человеколюбием управляли людьми. И в этом случае Конфуций ничего не доказывает и даже не указывает на точное время, оперируя временем мифологическим, не имеющим точного «размещения» в пространстве прошлого. Он лишь постулирует, используя прошлое как доказательство, в общем никогда не задаваясь вопросом, происходило ли это в действительности. Догмат «высокой древности» абсолютным образом соответствует глобальной мифологеме *illud tempus* – некоего «священного доисторического времени», когда жизнь была идеальной, не случайно конфуцианцы именно к тому времени относили существование всех основных понятий, например абсолютной гармонии (хэ), «великого единения» (да тун). Нарушение законов *illud tempus* есть отпадение от первоначального рая. И в этом плане мифологема «высокой древности» ни в малой степени не отличается от иудео-христианских представлений об «утраченном рае». Впрочем, разница существует: христианство говорит о грехе, связанном с уходом из Эдема, формируя вечно невротический комплекс вины и ужаса совершить ошибку, необходимость бесконечного искупления. Конфуцианство видит в древности предмет восхищения и идеал подражания. Даже бюрократический рационализм Конфуция базировался на символике идеального прошлого.

Конфуций даже отказывается говорить о смысле некоторых типов ритуала, считая, вероятно, что ученики сами должны пережить акт духообщения и получения трансцендентного опыта. Порою он ведет себя так, как наставляли своих последователей чань-буддийские мастера столетиями позже, стремясь разрушить вербальный опыт учеников, заставить заглянуть за слова и внешние поступки. Например, когда у Конфуция спрашивают о смысле жертвоприношения ди, он отвечает: «Не знаю. Для того же, кто знает это, управлять Поднебесной все равно что смотреть на это». И указал на свою раскрытую ладонь (III, 11).

Из-за его недоговоренностей – то о ритуале, то о духах, то о качествах благородного мужа – у учеников создается ощущение чего-то тайного. Вероятно, именно тогда Конфуций, обращаясь к ученикам, и произносит одну из своих самых значимых фраз, которую мы уже цитировали: «Я ничего не скрываю от вас. Я ничего не делаю без вас» (VII, 23).

Мудрецов древности он ценил за то, что те могли поддерживать связь со всем миром духов, безотносительно их свойства. Разве не в этом величайшее мастерство: быть в контакте со всеми духовными силами? Для него, например, полулегендарный правитель первой династии Ся, победитель потопа Юй ценен именно тем, что «приносил жертвы как духам-шэнь, так и духам-гуй» и поэтому, как выразился сам Конфуций, «к нему у меня нет нареканий!» (VIII, 21).

Конфуций также выступает как типичный медиум, слышащий веления Неба и стремящийся их трактовать в силу своего понимания пользы для людей и общей гармонии в Средних царствах.

Его приглашают на ритуалы экзорсизма – изгнания злых духов, которые проводились людьми из его общины – и это знак того, что Конфуций воспринимался как человек, связанный с практикой духообщения. В эти моменты он обряжался в ритуальное платье и стоял на восточной части крыльца (X, 14).

При этом он действительно избегает прямых упоминаний о духах – эта тема табуирована для него, как всякая священная сущность. Конфуций даже не рассуждает о предсказаниях, хотя многие его высказывания по сути и есть предсказания. Как-то он обмолвился: «У южан говорят: «Тот, в ком нет постоянства, не может предсказывать и лечить».

Хорошие слова!.. Таким не дано предсказывать!» (XIII, 22). Этот отрывок открывает нам очень многое. Прежде всего сам Конфуций выделяет людей, которые могут и которые не могут предсказывать и врачевать, то есть посвященных медиумов и обычных людей. Способность к предсказаниям заключена в «постоянстве» – в

постоянном поддержании связи с духами или постоянном сохранении своего сознания в состоянии экстатической открытости, радения. Не случайна и ссылка именно на «южан» – именно южное царство Чу славилось своими магами, предсказателями, и во времена Конфуция там еще сохранялись самые древние оккультные ритуалы и практики. Сам же Конфуций, очевидно, ясно представляет иерархию духов и способы общения с ними – иногда он оговаривается, как молится духу очага, в другой раз подчеркивает, что «приносить жертвы духам не своих предков – лезть» (II, 4).

Конфуций – не рационалист и даже не философ в западном понимании этого термина. Наоборот, он мистик значительно в большей степени, чем все его ученики и последователи. Он страшно боится духов и трепещет от одной мысли утратить связь с потусторонним миром.

Как-то Конфуций печалился: «О, как я опустился! Я уже давно не вижу во сне Чжоу-гуна!» (VII, 5). Учитывая, что столь почитаемый Конфуцием Чжоу-гун (VIII в. до н. э.) был основателем царства Лу – родного царства Конфуция – и сыном знаменитого чжоуского правителя Вэн-вана («культурного правителя»), не сложно догадаться, что когда-то Конфуций нередко видел во сне именно духа Чжоу-гуна. К тому же Чжоу-гун как правитель царства Лу формально мог считаться предком-покровителем самого Учителя. И Конфуций трагически утратил связь с этим духом, не чувствует его и внезапно осознает, что отринут миром духов вообще.

На самом деле он страшно боится – боится утратить связь с Небом, с духами и перестать идентифицировать себя в сакральном пространстве. Это безумный страх, близкий к неврозу, вот именно поэтому, как представляется, Конфуций и «не садился на циновку, которая лежала не по ритуалу» (X, 12), и бранился, недовольный даже мелочью, нарушающей ритуальное единство с духами: «Этот кубок для вина не похож на обычный винный кубок. Так разве это кубок?! Разве это кубок?!» (VI, 25).

Конфуций ждет сновидений и знамений, он печалится, что «не прилетает дух фэн (феникс)» и из вод Хуанхэ не появляется знамение в виде священного дракона-лун с письменами на спине. «Конец мне!» – в отчаянии восклицает он (IX, 9). Учитывая, что и фэн, и лун, как мы уже замечали выше, были некими посредниками между царством людей и царством духов, а иногда и перевозчиками в царство мертвых, то перед нами оказывается напуганный пожилой мистик, который вдруг испытывает крах своей мечты постоянно находиться в контакте с духами предков и мудрецов.

Знания благородного мужа

Во всех рассуждениях Конфуция ярче всего проступает фигура благородного мужа цзюньцзы – идеального типажа, точки устремлений каждого служивого мужа. Под воздействием этого идеала сформировалась вообще вся моральная парадигма китайской культуры. Благородный муж «без гнева строг», он «безмятежен и спокоен» и логически противостоит «маленьким людям» (сяожэнь), которые не способны понимать и соблюдать ритуальную сторону жизни, испытывать человеколюбие, уважение к старшим, выполнять свой долг перед правителем.

Цзюньцзы принято переводить как «благородный муж» (Л. С. Переломов), «достойная личность» (В. М. Алексеев), на английский – gentleman, хотя суть его образа значительно более глубока, чем просто достойное ритуальное поведение. Прежде всего он тот, кто «познал волю Неба» (XX, 3), и именно это отличает его от обычных людей.

«Благородный муж» превратился в символ всей конфуцианской традиции, в точку устремления каждого служивого чиновника или достойного мужа китайского общества. Чинность, спокойность манер, невозмутимость, преданность в служении, ритуальность поведения – именно таким конфуцианец предстал публике. По сути, все конфуцианские труды так или иначе пытаются трактовать, какими качествами должен обладать цзюньцзы и как этого достичь.

Конфуций и его последователи не часто могли встретить этих благородных мужей среди современников, да и себя они таковыми не считали. Их идеал находился в далёком прошлом, которое мудрецы неизменно называли не иначе как «высокой древностью». В качестве идеальных благородных мужей выступали многие правители

Древнего Китая.

Как ни странно, подлинные биографии древних мудрецов никого в Китае не интересовали. Ведь полнотой истины не обладает никто, поэтому и не имеет смысла обсуждать, реальны ли все рассказы о «совершенномудрых» древности. Значительно важнее те идеальные черты, которые им приписывались. Это не просто пример для подражания и не весёлые побасенки из жизни Древнего Китая. Ведь все эти люди – Хуан-ди, Фуси, Чжоу-гун, вэнь-ван – являются предками каждого китайца. То, что было присуще предкам, должно быть свойственно и их последователям, а значит, люди изучают свои изначальные качества, «себя в утробе».

Например, знаменитый основатель династии Чжоу-гун воплощал идеал благородного мужа, который, прежде чем что-то сделать, всё тщательно обдумывал; он не решался приступать к делу сразу – ведь сначала надо проникнуть в суть вещей, в глубину событий. И конфуцианец Мэн-цзы называет его образцом именно такой добродетели: «Если вдруг встречалось то, что он не мог полностью понять, он склонял свою голову и погружался в раздумья. Если было необходимо, он мог думать дни и ночи напролёт. И если ему наконец удавалось найти ответ, он спокойно садился ждать рассвета». Одновременно это могло звучать и как упрёк правителям – современникам Мэн-цзы, которые, не раздумывая, пускались в военные авантюры, разоряя своё царство.

Антиподом цзюньцзы является особый типаж – сяожэнь, которого принято переводить как «маленький человек», «мелкий человек» или «никчемный человек». Речь идет, естественно, не о его социальном положении, не о позиции в обществе, а об отпадении от идеала поведения. «Мелкий человек» не обладает благодатью, действует, повинаясь импульсам, а не велениям Неба. А вот цзюньцзы «требователен к себе», в отличие от маленького человека, который требователен к другим» (XV, 21).

Идеалу благородного мужа чуждо слепое и подчас жестокое реформаторство. Наоборот, он вырастает в древность, черпает из неё, а потому терпелив и снисходителен по отношению к другим. Один из современников Конфуция – Цзы Ся утверждал, что человек должен дружить лишь с равными себе и сторониться людей более низкого происхождения. Казалось бы, в этом нет ничего удивительного, ибо именно так предписывали нравы того времени. Но истинный мудрец не боится оказаться униженным дружбой с «неравным ему». Наоборот, он своим присутствием облагораживает всё вокруг. Да и вообще, легко ли совершенномуудрому найти человека, подобного себе? И поэтому один из учеников Конфуция возражал Цзы Ся, повторяя мысли своего учителя: «Я слышал обратное. Я слышал, что благородный муж – цзюньцзы ценит мудрецов и спокойно относится к большинству, и, будучи преисполнен восхищения к свершающим добро, он жалеет тех, кто не способен на это. Если я являюсь великим мудрецом, так почему же я должен быть нетерпим к людям? Если же я не являюсь мудрецом и люди отвергают меня, то как же я сам смогу отвергать людей?»

Да и вмешиваться благородный муж в людские дела не должен – он лишь способствует им, помогает, ибо «благородный муж содействует людям в их добрых делах и не содействует в дурных. А вот мелкий человек – наоборот».

Думы благородного мужа всегда о возвышенном, о самом трепетном и недостижимом в культуре. По сути это и есть размышления о смысле самой культуры: «Благородный муж думает о Пути (Дао) и не думает о еде. Когда пашут, то за этим стоит страх голода. Когда учатся – за этим стоит стремление к жалованью. Благородный муж печалится о Пути, но не печалится о бедности».

Конфуций уподобляет мысли о Пути стремлению голодного человека добыть пищу. Чтобы размышления действительно обратились к достижению Пути, необходимо желать достичь Пути так же сильно, как голодный страждет пищи, думать о нём так же постоянно, как молодого чиновника ни на мгновение не покидает мысль об удачной карьере и о большом жалованье, ибо в этом – его будущее.

Хорошо известно, что конфуцианство как таковое сформировалось значительно позже жизни патриархов этого учения: Конфуция, Мэн-цзы, Сюнь-цзы. И пониманием сути конфуцианства, включая и трактовку смысла цзюнь-цзы, мы обязаны скорее неоконфуцианству X–XIII вв., а затем и конфуцианскому ренессансу эпох Мин и Цин. Естественно, что в тот момент, когда конфуцианство из личного учения Конфуция превратилось в государственную морально-политическую доктрину, многие ранние

черты мистического, присутствовавшие в самом духе учения Конфуция, исчезли. Они были заменены на мораль и государственно-политическую софистику. А поэтому, внимательно вглядываясь в слова Конфуция, записанные его учениками, мы с интересом обнаруживаем в облике цзюньцзы такие черты, которые не позволяют понимать этот термин лишь как «благородный муж». Итак, насколько «благороден» традиционный китайский благородный муж?

Прежде всего цзюньцзы обладает абсолютным мастерством, феноменальными способностями «уметь все». Один из лучших учеников Конфуция Цзэн-цзы замечает: «Тот, кому можно поручить воспитание сироты ростом в шесть чи (138 см, т. е. не достигшего 15-летнего возраста. – А. М.), кому можно доверить управление царством размером в сотни ли, и кто при этом не оступится перед лицом трудностей, – разве это не цзюньцзы? Конечно же, это цзюньцзы!» (VIII, 6).

Этот цзюньцзы, как ни поразительно, не должен знать ничего особенного, равно как и обладать полнотой знаний. Да и сами эти знания получены не столько от обучения, сколько в виде небесного мистического посыла, и в этом плане лично цзюньцзы не должен много «знать». Сам Конфуций как-то вопрошает: «А многими ли знаниями должен обладать цзюньцзы? Совсем немногими» (IX, 6). Таким образом, «знать» должен обычный человек, цзюньцзы же получает свои знания отнюдь не от учения. Именно здесь – корень понимания сути знаний цзюньцзы – они не от мира сего.

Незнание, равное абсолютному знанию, «неумение» цзюньцзы как проявление высшей, запредельной умелости – не переключается ли все это с образом даосского мага и мудреца? Ведь именно Дао «не знает, но все вершится само собой», «не действует, но нет ничего того, что оставалось бы несделанным». Цзюньцзы, как следует из слов Конфуция, может ничего не знать, но вершит все лишь своим внутренним состоянием, своей энергетической мощью. Кстати, некоторые комментаторы усматривали в этой фразе Конфуция о цзюньцзы, что он «не обладает знаниями», намек на самого себя, но вряд ли это так – Конфуций как раз неоднократно подчеркивает, что сам он цзюньцзы не является.

Так же, как и даосский маг, цзюньцзы учит лишь своим присутствием, передавая культуру (вэнь) именно как энергетическую субстанцию. Он может поселиться среди варваров, и там тотчас исчезнут грубые нравы (IX, 14).

Цзюньцзы по сути – тот же маг и медиум, посредник между миром людей и духов, который благодаря своему знанию ритуала способен вступать в контакт с Небом. Абсолютное воплощение цзюньцзы – это сам правитель, который, как мы видели выше, является самым важным медиумом в общении человека и духов.

Для Конфуция цзюньцзы – это прежде всего воплощение идеала прошлых эпох, а не просто честный служивый муж современности. И это очень важная черта цзюньцзы – он идеал прошлого, он тот, кто способен осуществить связь эпох, передать импульс мистической мудрости от мудрецов прошлых поколений к современным правителям. И в этом смысле он выполняет ту же посредническую медиативную роль, что и архаические медиумы.

Конфуций постоянно подчеркивает эту обращенность цзюньцзы в прошлое. Еще в молодые годы, когда ему было лишь 29 лет (для Китая – это еще даже не возраст зрелости), когда умер видный чиновник из области Чжао Цзы-чан, Конфуций замечает: «Из жизни ушел благодатный человек прошлых эпох!» (12, гл. «Чжао-гун», 49.216). Таким образом, для Конфуция цзюньцзы – это маг, обладающий идеалами прошлого и обративший свои умения на проповедь гармонии в государстве своим примером.

Своим присутствием цзюньцзы устанавливает абсолютное равновесие, гармонию и созвучие всех вещей, определяемое термином хэ. Существует еще и тун – «взаимотождественность» или датун – «великая тождественность всего всему», «великое взаимосоответствие», также ведущее к покою в Поднебесной. Однако есть принципиальная разница между хэ и тун, мысль о которой проводил Конфуций. хэ предусматривает многообразие мира и идей и даже некоторое разномнение, ограниченное, впрочем, определенными и порою очень строгими рамками «соответствия ритуалу». Например, объединение инь и ян дает в конечном счете разнообразие мира, однако инь и ян не тождественны (тун) друг другу.

И все же хэ позволительно лишь «человеку культуры», лишь цзюньцзы. «Маленький

человек» не знает хэ, равно как и недоступно хэ варварам, не подверженным нормам китайской культуры. Культура вэнь в китайской традиции существует лишь как китайская культура – именно так судило конфуцианство.

Цзюньцзы характеризуется и особо трепетным отношением к родителям и предкам, не случайно понятие «сыновья почтительность» превратилось в конфуцианстве в одно из важнейших требований к воспитанию человека. Очевидно, что Конфуций, а за ним и многие конфуцианцы проповедовали не просто уважение к родителям, но необходимость установления особой магической связи с предками, в том числе и с душами давно ушедших. Собственно, забота о родителях является лишь частным случаем культа предков, и именно духи предков дают человеку возможность воспитать в себе жэнь. Интересно одно из замечаний Конфуция на вопрос, почему он отказывается от официальной должности. Наставник в ответ цитирует древний сборник «Шу цзин» («Канон истории»): «Достаточно лишь обладать сыновней почтительностью, и, будучи добрым братом, человек уже может оказывать влияние на правителей» (II, 21).

«Редко говорил о человеколюбии»

Какое качество считается основным в благородном муже? Конфуций, а за ним и многие его последователи именуют его жэнь. Обычно это понятие на русский язык переводят как «гуманность», «човеколюбие», «благопристойность», однако такое значение не вытекает непосредственно практически ни из одного из контекстов. Такой перевод, безусловно, верен в контексте традиционного подхода к учению Конфуция, но вряд ли точно передает изначальный смысл его слов. Скорее, это – попытка следовать в контексте морально-этической составляющей цзюньцзы: если цзюньцзы именно «благородный муж», то он обладает именно «човеколюбием».

Жэнь – понятие, важнейшее как для Конфуция, так и для всей его школы. У этого слова много переводов – гуманность, человеколюбие, милосердие, доброта, на английский – goodness (A. Walley), benevolence (D. Lau). жэнь – это основная характеристика правильной, добродетельной жизни. Четвертая книга «Лунь юя» содержит массу высказываний Учителя о «човеколюбии» в самых разнообразных контекстах и с самыми разными оттенками. Эта часть открывается «Если в общине царит человеколюбие – жэнь, это прекрасно. Разве можно считать мудрым того, кто поселяется там, где не царит человеколюбие?» (IV, 1).

Для Конфуция человек является человеком лишь постольку, поскольку он живет в соответствии с правилами и ритуалом. «Человек – и без жэнь! Да о каком же ритуале может идти речь!» (III, 3) – восклицает он, показывая, что именно жэнь определяет меру ритуально-священной связи между человеком и потусторонним миром.

Что же такое жэнь? Непосредственно к «гуманности», «любви людям» это понятие не имеет прямого отношения. Мы, скорее, определим это как способность постоянно сохранять связь с Небесными силами, с духами предков. Это то, что как раз и характеризует всякого истинного мага, медиума и шамана – умение вступать в контакт с иным миром и передавать его веления и знаки в наш мир. Собственно, эта мысль отражена и в самом написании иероглифа жэнь, который состоит из графемы «человек» и двух горизонтальных черт. Человек, как часть вселенской триады, соединяет собой два других начала – Небо и Землю. Вот он – медиатор, медиум. Именно тот, кто способен объединить собой Небо и Землю, пропустить сквозь себя их энергию, и обладает жэнь.

Конфуцианец Мэн-цзы понимает под жэнь способность «установить связь между родственниками» или «любить родителей». Как видно, собственно, ни о какой любви к людям речи не идет, то есть здесь нет места для абстрактного человеколюбия или тем более для «гуманности». Кажется, Древний Китай вообще не оперирует терминами морали, это скорее технический термин, описывающий суть связи между человеком и Небом (включая мир духов), которая как бы матрицируется на Земле в виде «правильного отношения» человека к своим родителям – потенциальным кандидатам на пребывание в мире духов.

В сборнике изречений Конфуция «Лунь юя», как подсчитали исследователи, этот термин упомянут 109 раз, а косвенно обыгрывается еще чаще. При этом его ученики, что составляли «Беседы и суждения», внезапно записывают поразительную фразу.

Оказывается, «Учитель редко говорил о выгоде (ли), о судьбе (мин) и о жэнь» (IX, 1). Это звучит странным диссонансом в традиционном изложении образа Учителя. Ведь именно понятие жэнь является, как представляется многим, центром проповеди Конфуция. И вдруг он «редко говорил о жэнь»! Комментаторы и историки решили разъяснить ситуацию, предложив около десятка контекстуальных трактовок и скорректированных переводов на байхуа – современный китайский язык. Например, фразу следует понимать так, что Конфуций просто избегал «рассуждать о человеколюбии». Другие же считают, что Конфуций как раз «одобрял беседы о человеколюбии», при этом «избегал бесед о выгоде». Все эти трактовки имеют право на существование, но сам текст в «чистом виде» свидетельствует лишь об одном – Конфуций действительно «редко говорил о жэнь».

Но ведь он же постоянно упоминает о жэнь в разных контекстах – и «Лунь юй», записанный теми же его учениками, ярко свидетельствует об этом! Ответ здесь, думается, заключен в причудливой связи трех понятий, заключенных в этой фразе: выгода, судьба и т. н. человеколюбие (жэнь). Конфуций редко разъяснял их смысл – именно так следует понимать намек его учеников. Он считал эти понятия невозможными для логического понимания, они лежат за пределами объяснений. И не случайно суть понятия жэнь он не разъясняет, а показывает на примерах. И именно из-за этой сокрытости непосредственной сути, а заодно и неудачного перевода на русский язык жэнь как «чело́веколю́бия» или «гуманности» (прямого аналога в русском языке действительно нет) изменилось и само понимание сути проповеди Конфуция.

Разглядеть суть жэнь может нам помочь само написание этого иероглифа – китайцы в древности научились очень точно выражать сакральную суть понятий не через многословные разъяснения, а через символический рисунок-идеограмму.

Примечательно, что само написание иероглифа жэнь никак не связано с моральным фактором, зато непосредственно указывает на какую-то посредническую роль между небом и землей. Иероглиф «жэнь» записывается как графема «человек» слева и «два» справа; таким образом, человек здесь явно олицетворяет посредническую или, скорее, объединительную функцию между Небом и Землей, образуя в совокупности священную триаду Небо-Человек-Земля. Это можно понять как изображение человека, соединяющего собой Небо и Землю, как аналог «мирового дерева» или «мировой оси».

Именно человек позволяет Небу совокупляться с Землей, он канал небесных эманаций, благодатных энергий (дэ), которые снисходят на Землю. Перед нами – очевидное изображение посреднической функции мага и медиума. И именно это свойство жэнь и является основным, что отличает цзюньцзы от остальных людей. Кстати, здесь же становится понятным понимание Мэн-цзы жэнь как особой способности «установить связь между родственниками» – родственниками, ныне живущими, и их предками в загробном мире.

Таким образом, жэнь – это способность установить через себя связь между Небом и Землей, опосредовать собой, своим внутренним состоянием связь с ушедшими предками.

Однако далеко не каждый человек способен осуществлять медиативную функцию между Небом и Землей, т. е. обладает жэнь. Но вот поразительный факт: Конфуций признается, что ни совершенномудрый человек, ни благородный муж – цзюньцзы ему в жизни не встретились (VII, 26). И в данном случае цзюньцзы оказывается именно идеалом традиции, абсолютным обладателем могущества-жэнь, который уже не встречается в реальной жизни.

Примечательно, что жэнь, в отличие от многих других качеств, нельзя обучиться, его можно именно получить, достичь, воспринять: «Разве жэнь далеко от нас? Стоит устремиться к жэнь – и жэнь тотчас приходит». Примечательно, что жэнь не приходит из воспитания, столь ценимого Конфуцием, воспитание лишь открывает канал для этого жэнь. Как-то Конфуций обмолвился, что самые добродетельные люди древности, Бо И и Шу Ци, «искали жэнь и обрели жэнь» (VII, 15).

Это особое мистическое чувство, подобное переосмыслению и переощущению всего предшествующего опыта. Не случайно мудрецы учат именно «вызреванию» человеколюбия внутри человека, а отнюдь не привитию его. Мэн-цзы замечает: «Пять злаков (т. е. рис, два типа проса, пшеница и бобы. – ? М.) являются наилучшими из всех. Но если же они не вызревают, то оказываются еще худшими, чем даже чертополох. Таково и человеколюбие – достигается оно, лишь [окончательно]

созрев».

Как видно, именно к «человеколюбию», к «любви к людям» жэнь отношения не имеет, это, скорее, «способность к посредничеству», которая и характеризует истинного цзюньцзы. Сам же цзюньцзы, разумеется, не «благородный муж», но медиатор между священными силами Неба и земными делами. Собственно, Конфуций считал, что цзюньцзы выполняет важную миссию установления ритуального диалога между Небом и Землей через свою способность жэнь: «Ибо ноша его тяжела, а путь долог. Он считает жэнь своей ношей – разве это не тяжело? И лишь со смертью его путь подходит к концу. Так разве не долог ли он?» (VIII, 7).

Одному из учеников не удалось уловить смысл высказывания Учителя, и тогда Конфуций уточнил: «Воспитывать прямоту и избегать искривлений. И тогда можно кривое выпрямить». Жэнь – отнюдь не «качество для себя», для удовлетворения собственного тщеславия, но именно «для исправления кривого», т. е. для служения людям. И в этом смысле оно может трактоваться как «человеколюбие».

Чтобы достигнуть жэнь, действительно нужен нравственный подвиг, который может потребовать от благородного мужа даже пожертвовать собой. Пожертвовать, но не унизиться. Некий Цзай Во спросил Конфуция:

«– Если человеку, что обладает жэнь, скажут, что это жэнь – в колодце, последует он за ним или нет?»

– Благородный муж-цзюньцзы может уйти, но не может пасть, он может даже показаться обманутым, но обманутым не будет, – ответил Конфуций».

Очевидно, что под жэнь подразумевается отнюдь не моральная категория, а мистическое переживание, которое в буддийской культуре называется освобождением «цзе», в даосской – озарением (мин, у) и свидетельствует о наступлении измененного состояния сознания. Поскольку человеколюбие есть один из основных признаков «благородного мужа» конфуцианства, то оказывается, что цзюньцзы и есть человек, переживший мистическое озарение и заново осмысляющий этот мир уже как пространство мистического опыта. Разумеется – и это неоднократно подчеркивают и Конфуций, и Мэн-цзы – цзюньцзы может болеть, переживать и даже сомневаться. В этом он абсолютно реалистичен и вновь прагматичен в отличие от даосского мифологического идеала бессмертных, выросших из практики вполне реальных медиумов и шаманов.

Суровая добродетель

Так человеколюбив ли, гуманен сам Конфуций? С позиции понимания гуманности в западной традиции, разумеется, нет. Он не любит людей абстрактно и безадресно, он не проповедует гуманность как образ мыслей. Для него люди – лишь инструмент восстановления равновесия в Поднебесной. Он готов ими жертвовать, если те хотя бы на мгновение отпадают от ритуальной целостности или нарушают правила.

История донесла до нас всего лишь несколько эпизодов такой жесткости Конфуция. Самый известный из них – случай с Шаочжэн Мао. Этот эпизод описан, в частности, в «Исторических записках» Сыма Цяня: «На 14 году правления Дин-гуна, когда Кун-цзы исполнилось 56 лет, он, будучи да-сыкоу (одна из чиновничьих должностей), стал временно исполнять обязанности сяна (первого советника правителя. – ? . М.)... Вскоре он казнил луского дафу Шао-чжэнь Мао за то, что тот затеял смуту против правящих». Описание это позднее – с момента жизни Конфуция прошло почти пять веков. Есть здесь и явные ошибки – как показали исследования, Конфуций, конечно же, не мог занимать столь высокую должность – быть первым советником правителя в родном царстве. Скорее всего, он был просто сыкоу – одним из многочисленных чиновников при местном дворе.

Многие более поздние китайские комментаторы считали эту запись либо ошибкой, либо подделкой – формально на это указывал и поздний характер появления этих сведений. Да и мыслимо ли это, чтобы Конфуций, проповедовавший «человеколюбие», казнил человека? Да и в самом «Лунь юе» такого эпизода не встречается.

В разных источниках этот эпизод обрастал самыми живописными подробностями. Якобы тело Шаочжэнь Мао было на три дня выставлено во дворце правителя (такие сведения есть в сборнике «Кунцзы цзяюй»), сам же Шаочжэнь Мао вобрал в себя все пять злодейских качеств, которые только могут присутствовать в человеке, в том числе лживость, уклончивость в поведении, записывание пакостных дел («Сюнь-цзы»).

Но все это как раз в духе Конфуция – строжайшим образом покарать человека, который нарушил ритуальные правила, который, по сути, тем самым перестал быть человеком. Судя по всему, Шаочжэн Мао нарушает один из важнейших постулатов чжунцзюнь – преданность правителю. Тем самым он обрывает связь, благодаря которой благодатная энергия Неба передается от правителя через чиновников (каковым и был казненный) на народ. Звено в этой цепи допустило сбой, и Конфуций просто вынимает его из цепочки взаимосвязей небесных сил и земных контрагентов.

Вряд ли следует понимать, что Конфуций лично казнил высокого сановника-дафу, он просто отдал указание об «упорядочивании» в соответствии с его мыслью об «упорядочивании имен» (чжэн мин).

Действительно, в «Лунь юе» нет подобного эпизода, но, думается, там нет многих эпизодов из жизни Конфуция – прежде всего, «Лунь юй» не является хронологической биографией Конфуция, а во-вторых, ученики очевидно не записывали многие эпизоды, которые казались им «непонятными».

Зато ученики записали другой, не менее показательный эпизод: Конфуций отдает указ казнить простых музыкантов и танцоров. Возможно, ему показалось, что акробаты-простолюдины просто насмеялись над его государем. Но самое главное – они нарушили ход ритуальной встречи двух носителей благодати. И он повелевает казнить актеров.

Нет, он не обидчив и тем более не кровожаден. Он просто с железной волей и поразительной логикой проводит в жизнь свою мысль об «упорядочивании вещей». Каждый должен выполнять строго отведенную ему роль во вселенской архитектонике, тот же, кто нарушает эту симфонию упорядоченных звуков, должен быть исторгнут.

Уже в поздний период своей жизни, скорее всего в 481 г., вернувшись после долгих странствий в родное царство Лу, он вновь требует войны. Советник правителя царства Ци Чэнь Чанцзы убил своего господина, царя Цзянь-гуна. Конфуций обращается к правителю царства Лу Ай-гуну с просьбой послать войска и покарать убийцу. Сам эпизод весьма показателен – речь идет о делах соседнего царства, к которому сам Конфуций формально не имеет никакого отношения. И все же он требует вторгнуться войсками в Ци, подчеркивая нарушение ритуала – ведь Чэнь Чанцзы убил того, кому служил.

Ай-гун колеблется, он не хочет самостоятельно принимать решение о начале войны и посылает Конфуция рассказать об этом главам трех местных влиятельных кланов. Конфуций про себя шепчет слова, как бы объясняя то ли себе, то ли окружающим, почему столь настойчиво требует войны: «Поскольку я в ранге, следующем за дафу (т. е. высших сановников – А. М.), то не могу не доложить». Главы трех семей отказались посылать войска (XIV, 21).

В этом весь пафос учения Конфуция – ритуальная связь с Небом не должна прерываться ни на мгновение. Жертвоприношения, соблюдение повседневных правил, самосовершенствование, казни отступников, – все это единый ряд мер упорядочивания Поднебесной. Всего лишь ошибка, упущение – и мир начнет разваливаться, еще глубже окунется во вражду, хаос и смуту. Его не интересуют дела человеческие как таковые, он не человеколюбив и не гуманен – для него важнее сохранить связь с духами и мудрецами прошлых поколений. Вот именно эта способность и есть жэнь.

Конфуций вполне осознает свою миссию и свое значение. Его решительные уходы от правителей, что отказались слушать его совета, – яркое тому подтверждение. Даже когда друзья преподносят Конфуцию подарки, «будь то повозка или лошади, но не жертвенное мясо, сам не кланялся» (X, 23). Подарки он принимает как должное воздаяние за свои знания и наставления, а вот жертвенное мясо адресовано духам, и именно за сам ритуал он благодарит друзей поклоном.

В общении Конфуций нередко строг и нелицеприятен. Осуждение в его устах – норма речи, одна из основных тем, обсуждаемых с учениками. И в этом он также далек от

отшельнического типажа мистика, отстраненного от мирских дел. Скорее, наоборот, в последний период его жизни критика, осуждение становятся все более частыми чертами его поведения. Конфуций всегда учит на примерах, обсуждая поведение правителей современности и мудрецов прошлых поколений, и волей-неволей вынужден кого-то критиковать, кем-то восхищаться. Он то осуждает правителя царства Вэй линь-гуна (XIV, 19), то журит своих учеников.

В Конфуции удивительным образом сочетались ритуальная трепетность, мистицизм, с одной стороны, и абсолютный прагматизм государственного служаки, холодный расчет и мудрость решений. Вообще он крайне осторожен в поступках и решениях. Когда заболевшему Конфуцию приносят вельможи из его царства Лу лекарство, мудрец вежливо отказывается: «Я еще не разобрался, что это за лекарство, поэтому не смею его опробовать» (X, 16).

Мудрый Учитель, наставлявший в человеколюбии, мог быть суров и беспощаден, он мог гневаться и клеймить словом. Однако не следует забывать, что Мудрец Кун был поистине великим Учителем нации, человеком, с которым «говорило Небо». Он чувствовал те потоки духовной благодати, которые недоступны другим людям. Он понимал внутренний священный смысл любого, даже незначительного события и слышал за ним всю симфонию мира. А значит, он мог делать безошибочный выбор между следованием истинному Ритуалу и его подделкой, фактически – между следованием священной истине и имитацией мудрости. Поэтому, чтобы иметь право на гнев или осуждение, надо по крайней мере приблизиться к тому духовному свету, который исходил от великого Учителя и до сих пор освещает всю китайскую нацию.

Он прекрасно понимает, что тайный закон отпадения от Дао не действует автоматически – не всякий, кто сошел с великого Пути, автоматически теряет право на управление. Например, он рассуждает о правителе царства Вэй линь-гуне, считая, что тот сошел с пути-Дао. Его ученик Канцзы спрашивает:

«– Так почему же он не потерял царства?»

– У него Чжуншу Ю ведает приемом гостей из других царств, Чжу То – жертвоприношениями, Вансунь Цзя – военными делами. При таких людях как он может потерять царство?» (XIV, 19)

Теоретически линь-гун за свое беспутство должен был потерять мистическое право на правление царством, согнуться, умереть, утратить трон. Но этого не происходит, более того, линь-гун пребывал на царстве 42 года, и это в известной степени для учеников расходится с самим пафосом учения Конфуция о праве на царство. Но диалог происходит уже в поздний период жизни Конфуция, когда он смотрит на мистерию царствования и жизни вообще как на вещь значительно более многогранную и сложную, чем ему казалось ранее. Оказывается, мудрые советники и сановники, отвечающие за жертвоприношения и другие государственные дела, способны скорректировать ситуацию, именно так он оправдывает перед учениками ситуацию, которая, исходя из всех его предыдущих наставлений, произойти просто не могла бы. В общем, каким бы разочаровывающим ни был этот вывод для учеников Кун-цзы, но несправедливые и утратившие связь с Небом могут править долго и успешно.

Вообще, изначальное конфуцианское учение – очень сурово, очень жестко, накладывает чрезвычайно строгие требования на человека. Во времена самого Конфуция – это не просто «учение книжников», но Путь подвижников. Нарушение ритуала на этом Пути есть величайшее преступление. Однажды Конфуций осудил своего ученика Цзай Во за то, что тот соблюдал по родителям траур лишь в течение года, а не трёх лет, и назвал его при этом «не обладающим жэнь», т. е. утратившим посредническую связь с Небом.

Он очень суров, практически нетерпим к любым нарушениям ритуала и не принимает по этому поводу никаких объяснений. Нарушение ритуала для него – это не ошибка в самом «чине» церемониала или в технике исполнения каких-то обычаев, это вещь значительно более страшная – разрыв связи с самим Небом, безвозвратное отпадение от истины небесных сил.

Один из эпизодов его жизни рассказывает, что как-то властитель царства Ци прислал правителю царства Лу певичек, которых он с радостью принял. «Три дня [при дворе] не занимались делами правления. Кун-цзы покинул царство» (XVIII, 4). Дело в том, что пока правитель со своими вельможами развлекался с красавицами, был заброшен основной ритуал царства, который поддерживал связь между Землей и

Небом – жертвоприношения в храме Неба и Земли. Отныне благодать покидает эту территорию, и Конфуций не видит ни малейшей возможности даже задерживаться там, где больше не слышно «велений Неба».

И тем страшнее и драматичнее та часть его поздней жизни, когда он сам чувствует это «отпадение от Неба».

«Размышлять и не учиться – губительно»

Выявление культуры в себе – это вечное учение, образование. Процесс учения для Конфуция составляет часть постижения глубинной сути ритуала-ли. Более того – нет особой разницы между учителем и учеником, и лучшим наставником оказывается именно тот, кто лучше всех учится сам. Он готов обучаться всему, что либо соответствует ритуалу, либо приближает его к состоянию ритуального единства с Небом. Известно, что когда Учитель заходил в Большой, или Великий храм, посвящённый Чжоу-гуну, основателю царства Лу, он задавал много вопросов. Кто-то заметил:

– Кто-то говорил о том, что сей человек из Цзоу (отец Конфуция Шулян хэ происходил из местечка Цзоу. – ? . М.) что-то понимает в Ритуале? Стоит ему зайти в Великий храм, как он тотчас начинает задавать массу вопросов буквально о каждой мелочи.

Конфуций, услышав это, ответил:

– Задавать вопросы – само по себе уже и есть соответствие ритуалу-ли». (III, 15).

Конфуций вновь и вновь подчёркивает необходимость учения (сюэ), это становится важнейшим моментом его проповеди. Именно с учением он связывает совершенствование человека, а точнее, «выявление человеческого в человеке». Пустые раздумья без изучения канонов губительны. Внутри себя всё равно не найдёшь того, чем обладала «высокая древность», поэтому ей следует целенаправленно обучаться. «Я часто целые дни не ем и целые ночи не сплю, всё думаю, но от этого нет пользы. Лучше уж учиться».

Для Конфуция учение есть не просто изучение ритуалов, а изучение примеров древности, поступков и настроения сознания древних правителей. Надо изучать примеры их жизни и размышлять, постоянно размышлять над ними, воплощая внутри себя их образы, впуская в себя их дух. «Учиться и не размышлять – напрасная трата времени; размышлять и не учиться – губительно».

Учиться надо всегда и везде, не стесняясь учиться даже у прохожего и простолюдина. «Идя в компании двух человек, я всё равно найду, чему научиться у них. Хорошие качества я постараюсь перенять, а узнав о плохих чертах у других, я постараюсь исправить то же самое у самого себя».

Конфуций создает открытую школу, подчёркивая благотворительно-возвышенный характер своего обучения: он готов обучать за символическую плату – «за связку сушеного мяса» (VII, 7). Но это подчеркивает и ритуальный характер обучения, поскольку именно связкой сухого мяса могли приносить жертвы духам.

Казалось бы, что здесь удивительного? Разве не во всех странах проповедники, мессии, просто мудрецы стремились образовывать людей и подчёркивали необходимость учения?

Но Учитель не передаёт информацию, в нашем понимании он ничему, собственно, и не учит. Он не расскажет, как надо жить. Он существует в этом мире как нравственный ориентир, как указатель Пути. Сам указатель ещё не гарантирует, что человек сумеет дойти до конца Пути, но это уже залог того, что дорога выбрана правильно.

Учитель передаёт себя, свой образ, свой духовный облик. Ученик не столько воспринимает информацию, сколько воспроизводит в себе учителя. Он, как говорили китайцы, ступает «ему в след», не случайно иероглиф «ту» («ученик») можно перевести как «тот, кто идёт следом». Китайские наставники понимали это как

мистическое перевоплощение ученика в своего учителя. А отсюда и странный метод обучения Конфуция: кажется, он говорит ни о чём, всю жизнь проводит в беседах, а не в чтении лекций.

Он заставляет ученика соучаствовать в работе своей мысли, требует от него живого сопереживания, добиваясь передачи знаний «от сердца к сердцу». И когда в словах уже нет необходимости, нужен лишь просветлённый учитель рядом. «Не поговорить с человеком, с которым стоит поговорить, – значит потерять человека. А говорить с человеком, с которым не стоит говорить, – значит терять слова. Мудрец не теряет ни слов, ни людей» (XV, 8).

Конфуций учит на примерах из древности, он рассказывает бесконечные истории о правителях и мудрецах, живших сотни лет назад. Для него история – не набор фактов, его не очень интересуют, когда и что произошло, как это интересовало бы современного историка. Конфуцию важно другое: как повёл себя человек в той или иной ситуации, сумел ли проявить человеколюбие, выполнил ли свой долг, не нарушил ли Ритуал? История для китайцев будто соткана из забавных анекдотов, но в них заключён немалый смысл. Учитель заставляет учеников как бы выверять себя древностью – и в этом заключается сам метод учения Конфуция.

Но вот вопрос: чему следует учиться? Сам Учитель говорил: «Я не отношусь к тем, кто родился со знаниями. Я люблю древность и благодаря этому, проявив понятливость, приобрёл их».

А значит, учиться надо лишь одному – древности, точнее тому порядку, который существовал когда-то у предков, чтобы воспроизвести его в сегодняшней жизни. Именно «учиться», а не «изучать». Ведь изучение предусматривает определённый метод, сложную теорию, проверку этой теории практикой. Для конфуцианцев такое «изучение» древности было неприемлемо, человек должен был своим сердцем, своим сознанием прикоснуться к древним мудрецам. Это было чисто мистическое проникновение.

Как-то ученик Конфуция Цзы-гун спросил своего Учителя:

«– Почему Кун вэнь-цзу прозвали «вэнь» («культурным»)»?

«Я ничего не скрываю от вас».

Конфуций ответил:

– Он был быстр и способен в учении. Он не стыдился испросить совета у тех, кто стоит ниже по положению. Вот почему его именовали «вэнь».

Конфуций делает основной упор на обучении, однако полагает, что даже в образовании надо придерживаться срединного Пути, который и есть Дао. Не случайно Конфуций говорит: «Если естество в человеке одолеет культуру, – получится дикарь. Если культура одолеет естество, – получится книжник. лишь тот, в ком естество и культура уравновешены, может стать благородным мужем».

Радостный и безмятежный

Как-то правитель области Шэ попросил ученика Конфуция Цзы Лу рассказать ему о его учителе, но Цзы Лу ничего не ответил. Узнав об этом, Конфуций произнёс: «Почему бы тебе не сказать об этом просто так: это такой тип человека, который забывает о еде, стараясь решить какую-нибудь проблему, что повергла его в глубокие раздумья, который столь преисполнен радости, что забывает о своих заботах, и который не замечает даже натиска старости».

Ученики оставили немало записей о Конфуции в повседневной жизни. Они разбросаны по всем главам «Лунь юя», хотя большая часть их содержится в седьмой главе. Это просто фиксация поведения Мудреца для будущих поколений – запись без трактовки, без объяснений, без комментариев самого Учителя в расчете на то, что лишь в дальнейшем можно будет понять сам масштаб личности и смысл его поведения. Ну что может нам дать упоминание о том, что Конфуций «поднимался на повозку, держа спину прямо и ухватившись за веревочные поручни. Сидя в повозке, назад не

смотрел, быстро не говорил, распоряжений не давал» (X, 26)? А вот и другой «отчет» о привычках Учителя: «Когда он спал, то не лежал как мертвый; когда был дома, то не сидел как при гостях» (X, 24), т. е. на коленях на циновке. Обычно ел немного и от имбиря никогда не отказывался. Он не ел испортившуюся рыбу или протухшее мясо (X, 8) – разве можно как-то по-другому? В тот день, когда он плакал, он не пел (VII, 10) – интересно, насколько это действительно значимо? Но все эти незначительные описания и эпизоды – части, из которых складывается мозаика личности Конфуция. Что здесь существенно, поистине значимо, а что мелочно и ничемно, не знают даже его ученики. Поэтому они и записывают все, что сами подмечают, позволяя последующим поколениям давать оценки.

По словам учеников, он «ласков, уважителен, скромн, уступчив» (I, 10), поэтому всегда располагал к себе людей. Когда его не одолевали дела, он был радостен и безмятежен (VII, 3).

Как всякий наставник, он превыше всего ценит именно дела, а не рассуждения, и с этой точки зрения Конфуций не философ, то есть не тот, кто «любит мудрствовать», а тот, кто настраивает мысли других так, чтобы те действовали безошибочно, безукоризненно и в соответствии с ритуалом. «У того, кто беззастенчиво произносит слова, с трудом исполняются дела» (XIV, 20). Для него цзюньцзы тот, то «прежде претворяет слова в дело, а затем следует им» (II, 13).

Сам Конфуций, судя по описаниям эпизодов его жизни, во всем стремился следовать канону цзюньцзы, был, как и цзюньцзы, «строг, но не склонен к ссорам, легко сходится с людьми, но не вступает ни с кем в сговор» (XV, 22). Кун-цзы действительно не примыкал ни к какой партии или группировке (дан) и стремился сохранять независимость своих суждений. Обстановка не благоприятствовала такому поведению – заговоры, группировки, фракции стали нормой жизни того времени. Конфуций же, открыто участвуя в политической борьбе, все же оставался над суетой и по-настоящему был близок лишь со своими учениками. Как-то его ученик Цзы-гун спрашивает: «– Что можно сказать о человеке, если вся деревня его любит?»

– Это никчёмный человек, – ответил Конфуций.

– А что можно сказать о человеке, которого вся деревня ненавидит?

– И это никчёмный человек, – сказал Конфуций. – Было бы намного лучше, если бы хорошие люди из этой деревни его любили, а дурные – ненавидели».

В этом – ответ на загадку его кажущейся раздражительности и нетерпимости – он просто не желает быть, как он сам замечает, человеком «с ловкой миной и льстивой речью».

Он чрезвычайно требователен к себе – отсюда и такая кажущаяся желчность и нетерпимость к мелочам. Ведь «если к самому себе будешь более требовательным, чем к другим, то избежишь обид» (XV, 15).

Вообще, в повседневной жизни он чрезвычайно педантичен и своим примером воплощает суть потаенного ритуального радения.

Он живет в постоянном трепетном страхе утратить связь с предками и духами. Жертвоприношение для него – не спорадический ритуал, но постоянное действие. Даже когда он вынужден был питаться простой кашей или овощной похлебкой, он всегда оставлял немного для жертвоприношений «и делал это с большим благоговением» (X, 11).

Более того, многие пассажи из «Лунь юя» рассказывают нам, что Конфуций печалился, порою плакал, предавался радости, «не отказывался от вина, но и не напивался допьяна», т. е. представлял собой вполне обычного китайца, отличного от идеала даосского отшельничества, с той лишь разницей, что каждое его действие соответствовало ритуалу. Таким образом Конфуций «не был радостен или печален без повода», а значит, важно не то, что он делал, но то, что он все свершал в «соответствии с ритуалом». Не случайно сам Учитель не садился даже на циновку, которая «лежала не по ритуалу».

Он вообще очень восприимчив к внешним явлениям – он плачет от музыки и ликует, встретив друга. Один из лидеров «Учения о сокровенном» метафизик Ван Би (226–249) в своих ранних трудах был настолько поражен многими явными

проявлениями радости и горя у Конфуция и счел его поведение слишком «человеческим», что первоначально весьма низко ценил его. Но по здоровым размышлениям Ван Би счел, что именно таким и должен быть мудрец – испытывающим те же чувства, что и любой человек, с той лишь разницей, что мудрец, в отличие от простолюдина, никогда не бывает захвачен этими чувствами и не находится у них в плену.

Конфуций абсолютно гармоничен своим поведением, у него все – вовремя, все в соответствии с ритуалом и обстановкой. Он не излишен и не докучлив – великое умение, доступное лишь талантливым наставникам и советникам.

Примечательно, что Конфуций, будучи очевидно женатым, очень мало говорит о противоположном поле. И если упоминает, – то чаще всего в негативном контексте. Он признается, что не «встречал еще человека, который ценил бы благодать так же, как женские прелести» (XV, 13), он сравнивает «маленького человека» с женщинами: «когда с ними сближаешься, они перестают тебя уважать, а когда отдаляешься, – начинают ненавидеть».

Много было высказано версий по поводу такого нелюбимого отношения к женщинам и практически полного отсутствия упоминаний о них в «Лунь юе», что может показаться тем более странным, если учесть, что в ту эпоху развлечения с «певичками», содержание наложниц и плотские прелести являлись нормативом культуры. Предполагали, например, что причина такого отношения Конфуция к женскому полу кроется в его крайне неудачной семейной жизни. Сам он не проповедовал celibat, сам он, по-видимому, разделял ложе с женой, но во время поста «покидал комнату, где обычно спал» (X, 7). Как бы то ни было, в путешествиях Конфуций предстает всегда без семьи, лишь в окружении учеников.

Поразительно, но Кун-цзы с пониманием относится к стремлению к достатку, если это не задевает жизни других людей, к традиционным поборам сановников. Есть лишь одна вещь, которая недопустима, – нарушение ритуального единства. Все остальное может существовать, если приходится ко времени и «по справедливости». Например, он явно одобряет поведение аристократа и сановника царства Вэй, некоего Гунсунь Ба, прозванного Гуншу вэнь-цзы. Тот все мог делать в меру, что и ценил Кун-цзы: «Он говорит так, чтобы никого не утомить. Когда он весел, он смеется, но так, чтобы никого не задеть. Когда надо взять по справедливости, он берет, но так, чтобы ни у кого не вызвать осуждения» (XIV, 13).

Скромность и служение – вот основной критерий конфуцианского пути. Но начинается этот путь исключительно со служения духам предков. Именно в этом, а не в изучении каких-то трактатов видит Конфуций залог обретения благодати. «Младшие братья и сыновья, находясь дома, должны проявлять почтительность к родителям, выйдя за ворота, – быть уважительными к старшим, в делах – осторожными, в словах правдивыми... Если у них после осуществления всего этого еще останутся силы, то следует потратить их на изучение культуры-вэнь» (I, 6). Вэнь очень емкое понятие, здесь его можно воспринимать и как изучение древней литературы (например, особо почитаемый Конфуцием «Канон песнопений»), и как постижение ритуалов, изучение других «гражданских наук», противопоставленных в чжоуской культуре военному делу (у). Важно другое – перед культурой-вэнь, как бы мы ее здесь ни трактовали, следует служение родителям и старшим вообще, что в свою очередь и предопределяет развитие человека именно как «существа культуры», вымеряет меру человеческого в человеке.

Есть и другой критерий проявления культуры в человеке – это знание меры допустимого и достаточного. Животное, увидев пищу, стремится съесть столько, сколько может. Хищник будет преследовать жертву, пока сам не упадет от истощения. Но человеку должно быть свойственно осознание меры, или, как однажды назвал это сам Конфуций, «золотой середины». Правда, высказал он это замечание с немалым оттенком грусти. «Золотая середина – это добродетельный принцип, и является он наивысшим принципом, но народ уже давно не обладает им».

Сам же Учитель никогда не требовал себе больше, чем ему было необходимо для жизни: «Рыбу ловил удочкой, а не сетью, использовал стрелу с веревкой, охотясь на летящих птиц, и никогда не стрелял в птиц, устроившихся на ночлег».

По этому же критерию Конфуций оценивал и своих учеников: «Ши чрезмерен, Шан отстаёт. Чрезмерность так же плоха, как и отставание».

Такой же умеренности нужно следовать и при исполнении ритуалов: например, праздничная песня не должна быть разнузданной, печальная – не должна слишком ранить душу.

Конфуций, говоря о знании меры, о «золотой середине», преисполнен особо осторожного отношения к жизни, боязни поступить не в соответствии с ритуалом. Даже обдумывание своего поступка должно быть подчинено ритуалу. Однажды Цзи вэнь-цзы из царства Лу признался, что трижды думает, перед тем как предпринять какой-нибудь шаг. «И двух раз достаточно», – поправил его Конфуций, ибо ритуал предписывает обдумывать предстоящий поступок именно дважды.

Древний ритуал и новая этика жизни

Одним из примеров подражания Конфуция был один из первоправителей Китая Юй, которому легенды приписывают спасение страны от потопа. Юй сумел изменить течение рек, и вода схлынула. Что же в Юе вызывало восхищение Конфуция? «Он с пренебрежением относился к напиткам и пище, но проявлял немалое почтение к душам умерших и духам. Он не заботился о своей одежде, но стремился придать особую красоту траурному одеянию и головному убору». Значит, Юй всегда был готов пожертвовать собой, своим благополучием и даже элементарной сытостью ради исполнения обрядов по отношению к предкам.

Подражание древним правителям и предкам для Конфуция далеко не самоцель, это лишь способ настроить свое сознание на те особые «резонансные колебания», которые, исходя от древности, способны напитать Поднебесную и сегодня. Эта часть его проповеди непосредственно связана с его традиционным воспитанием «служителя ритуалов» – своеобразного культового служителя. Но существует и другая часть, которая и позволила этому странному и порою очень резкому в своих суждениях человеку остаться в истории на тысячелетия. Он, равно как и многие духовные наставники того времени, проповедует некую новую этику, в которой жизнь государства и «жизнь в ритуале», в духовном радении должны уравниваться. Призывая «учиться у древности», «измерять себя делами прошлого», он по сути вводит новую этику поведения и мышления. Конфуций расстаётся с архаической традицией «прислушивания» к Небу, а вместо этого старается объяснить, что существуют некие универсальные нормы жизни, которые он называет ли, традиционно переводимый как «ритуал», «церемониал», «правила поведения». Перевод этот весьма неточен, поскольку уводит нас в мир неких механических действий, именно церемониалов. Для Конфуция же ли – способ ежесекундного сохранения связи с Небом, методы «небообщения», прямые и ничем не опосредованные. Идеал конфуцианской проповеди – благородный муж цзюньцзы отличается от остальных прежде всего тем, что может постоянно пребывать в этом ритуальном радении, проявлять его в каждом своем поступке и даже мысли, в отличие от сяо-жэнь («маленького» или «мелкого» человека), который в лучшем случае лишь имитирует эти ритуальные действия. Важнейшим понятием для Конфуция становится ли, обычно переводимый как «ритуал» или «церемониал», а на самом деле – сложнейший свод правил и внутренних переживаний, устанавливающий связь человека с Небом. При этом ни Конфуций, ни его последователи никогда не давали четкого определения понятию ли. Впрочем, этого и не требовалось, поскольку ритуальное понималось как мистически не выраженное, как «воля Неба», воплощенная в действиях человека. С внешней стороны содержание ритуала могли составлять многочисленные поклоны, сложные формы подхода к правителю и вышестоящему чиновнику, формы обращения со старшим и равным себе, нормативы коммуникации в обществе. Ритуал не уравнивал людей, он, наоборот, очень четко определял их «энергетические ячейки» в мистическом пространстве общества. По существу все эти действия – коленопреклонения, многослойные формулы обращения – вели к тому, что человек полностью подчинял свою энергетику энергетике правителя, растворял себя в потоке могущества, который идет от человека, сидящего выше его как по статусу, так даже и по месторасположению. Говоря иным языком, конфуцианство учило «взаимоотношению энергий», порой целиком уничтожая и растворяя того, кто не мог предоставить доказательств своего права на более высокий статус.

Реализация ритуала-ли в повседневной жизни основывается на довольно сложной взаимосвязи человека и Неба, человека и человека, личности и государства. Например, человек должен с одинаковой искренностью и преданностью относиться и к Небу, и к правителю, и к своей семье. Это и есть единая система взаимосвязей на

Очевидно, что для Конфуция ли – отнюдь не некие правила, придуманные людьми, – он лишь осмыслен ими, переведён на уровень слов и жестов; в принципе Ритуал существует абсолютно независимо от человека, он дан от природы, как всякий естественный закон. Следование этим нормам поведения должно привести и государство, и отдельного человека к процветанию, а игнорирование Ритуала лишь ускорит их гибель.

«Нельзя смотреть на то, что противоречит Ритуалу, нельзя слушать то, что противоречит Ритуалу, нельзя говорить то, что противоречит Ритуалу». В этом высказывании – исток и суть учения Конфуция. Подчинённость Ритуалу, правилам поведения, культурному началу – в этом коренится смысл жизни человека.

Ритуал – это место встречи небесного и земного, особого рода символическое действие, которое позволяет человеку познать себя в пространстве Космоса. Начиная с эпохи Чжоу именно ритуал-ли становится фундаментальным понятием, вокруг которого строилась вся культура.

Понятие ритуала-ли весьма сложно и многогранно, и сам Конфуций признавал, что «нелегко следовать Ритуалу-ли, древние – и те не все следовали». Это – поразительное признание! Конфуций понимает ритуал именно как подвиг, внутреннее подвижничество, а отпадение от него будет являться хаосом в Поднебесной. Не всякий человек прошлого воплощал собой такой ритуал, и здесь хорошо видно, что в отличие от того, что считают некоторые исследователи, Конфуций отнюдь не «стремился в прошлое», не был консерватором. Для него и само прошлое может быть полно недостатков, но там, где-то в далеких веках прошлой истории, жили люди типа Яо, Шуня и Чжоу-гуна, которые своим поведением могли показать, что есть истинное воплощение ритуального радения.

Воплощенный ритуал удивительно сложен для исполнения и даже постижим далеко не для всякого. Но, тем не менее, есть определённые нормы поведения, которых способен придерживаться каждый человек. Это человеколюбие, долг, преданность, искренность, сыновняя почтительность, забота о младших, честность. Вот на этих качествах и основывалось этическое учение Конфуция, которое через много веков переросло в мощнейшую социальную и политическую доктрину.

Для Конфуция один из важнейших ритуалов – погребальный обряд. Смерть любого человека воспринималась не просто как обычная кончина, подчинённая законам природы; это некое космическое событие, уход из жизни носителя Культуры. Так можно ли пренебречь этим? Ведь и приход человека в мир, и его уход из жизни – звенья очень сложной цепи какого-то мистического процесса. Обычному человеку не дано понять, зачем он рождается и почему так быстро умирает, не успев совершить и малой доли того, что задумал. Для Конфуция ясно лишь одно – в самом факте человеческой жизни заложен глобальный смысл вообще человека как существа культурного, вся жизнь должна быть превращена в Ритуал, тем более её завершение. И Конфуций активно проповедует тщательное соблюдение всех тонкостей похоронного обряда, а также – траура. Его ученик Цзэн-цзы замечает: «Если будем тщательно соблюдать все траурные церемонии, связанные с похоронами родителей, и должным образом чтить память предков, то добродетели народа возрастут» (I, 9). В этом, пожалуй, одна из основных сокрытых мыслей школы, сложившейся вокруг Конфуция: лишь поддержание постоянной связи с духами прямых предков может напитать мир благодатной энергией.

Он нетерпим даже к малейшим нарушениям ритуала, и вряд ли его можно назвать «легким соседом». Он не садился на циновку, которая была «постлана неправильно» (X, 12), никогда не говорил во время еды или сна. Он отказывался от каши, которая была сделана не из обрубленного зерна, или от недостаточно мелко нарезанного мяса. Не употреблял мяса или вина, купленного на рынке (X, 8).

В ритуале для него главное – внутреннее переживание, мистическое перевоплощение в тех духов, к которым обращены молитвы. Поразительным образом, призывая к церемониальной тщательности, Кун-цзы оказывается не догматиком и даже не дидактиком, но тем, кто требует ощущения больше, чем механического исполнения жестов. Когда его спрашивают о сути ритуальных правил, он ясно дает понять эту мысль: «Если речь идет об обычных обрядах, то откажись от пышности. При похоронных же обрядах лучше скорбеть, чем заботиться о тщательности [исполнения этих обрядов]» (III, 4).

Сколько раз он стремился объяснить сущность правильного поведения и истинного Ритуала, а от него отворачивались, к его словам не прислушивались, к нему самому относились порой с недоумением! И тогда Конфуций уходил. Однажды в одной местности Конфуций попытался вернуть народ к отправлению древних ритуалов, и народ возмутился.

В «Мэн-цзы» рассказывается история о том, что, «когда Конфуций был судьёй в царстве Лу, его советам не следовали. Он участвовал в жертвоприношении, но после этого ему не дали, как надлежит, часть жертвенного животного. Поэтому он покинул царство, даже не дождавшись, пока с него снимут официальную шапочку. Тот, кто не понимает его, считает, что он поступил так из-за мяса, но тот, кто понимает его, знает, что он сделал так потому, что царство Лу не следовало истинному ритуалу».

Правильно ли он поступил? Хорошо ли сделал, покинув официальный пост из-за такой, казалось бы, малости? И на это у Мэн-цзы есть замечательный ответ: «Поступки благородного мужа не всегда доступны пониманию обычного человека». Ведь Конфуций не просто не получил небольшой кусочек мяса жертвенного животного. Жертвоприношение – это установление магической связи с Небом и духами, а следовательно, по мнению Конфуция, кто-то попытался отлучить его от Неба. Этого душа посвященного наставника не может пережить, это – не по Ритуалу.

Действительно, истинное понимание Ритуала весьма затруднено – это не обычный церемониал, жесты которого можно просто заучить. Ритуал нужно пережить, ощутить душой. Но как сделать это, как заставить человека стремиться к постижению Ритуала и Культуры?

Мистерия государственного служения

Его миссия, как он считает, заключается прежде всего в передаче мистического откровения на уровень управления государством и Поднебесной вообще. Именно ради этого он пошел на то, чтобы оставить жизнь затворника-медиума и посвятить себя не только воспитанию учеников, но и наставничеству правителей. Официальные должности, которые он иногда занимает, – не более чем инструмент для такого наставничества, просто возможность быть ближе к правителю, дабы направлять его. Он, как и многие служивые мужья ши того времени, готов безболезненно оставить свою должность, если ему кажется, что его советам не следуют, а царство выпадает из магического пространства соприкосновения Неба и Земли. Он как-то говорит: «Птица выбирает дерево. Как же дерево может выбирать птицу?» (12, гл. «Ай-гун», 58.27-а-б).

И здесь проступает еще одно отличие Конфуция и учителей его времени от мистиков-медиумов архаики. Они очень четко определяют свой объект для передачи знания – правители, высшие сановники царств. Именно они должны стать инструментами воплощения Небесной воли, переданной на Землю через медиумов, подобных Конфуцию, пускай даже сами об этом не догадываясь. Такой «инструментальный», жестко прагматичный подход Конфуция к власти предрешающим пронизывает всю его проповедь. Здесь и глубокая убежденность, что самостоятельно правитель не способен осознать истинную суть вещей, и отсюда – необходимость в наставнике, получающем небесные откровения; здесь и решимость немедленно покинуть такого правителя, если тот не способен быть инструментом в руках наставника и, как следствие, не может принести гармонию и энергетику благодати в мир.

Проповедь Конфуция социализирована, она абсолютно не похожа на древнюю индивидуалистическую традицию мистиков Раннего Чжоу, он стремится обратить своё мистическое знание именно на общество, дать правителям и сановникам магический инструмент для управления делами земными. Но именно эту часть его проповеди слышат меньше всего, а с веками этот мотив окажется окончательно погребен под рассуждениями о социально-политических мотивах Конфуциева учения. Нечто подобное случилось с проповедью куда более оккультного учения – с наставлениями Лао-цзы.

Конфуций покидает лоно мистических школ и активно включается в социальную и политическую жизнь царств. У него есть, безусловно, план усиления верховной власти государя. Он многое делает именно для того, чтобы его царство Лу сумело

подавить другие царства, причем дает советы, не боясь кровопролития. Именно по его совету два видных сановника-дафу из царства Лу сумели в кровавом столкновении разгромить отряды Гушань Буню и Шусунь Чжэ из соседних областей.

Большинство служивых мужей Поздней Чжоу любили рассуждать именно о политике, о том, как урегулировать отношения между враждующими царствами. А вот Конфуций предлагает людям не столько политическое или духовное учение, сколько чисто этическую систему. Важно сначала исправить людей, очистить их, вернуть к нормам поведения, а всё остальное – и государство в том числе – постепенно само придёт в равновесие. Надо больше интересоваться не политикой или экономикой, а состоянием души человека. Время показало, что это наиболее удачный вариант «жизненной философии»: с одной стороны, он признавал мир «тонких» материй, мир духов, общения с Небом, с другой – призывал больше обращать внимание на соблюдение простейших этических норм в повседневной жизни. Правда, сами по себе эти нормы, или особые правила поведения, – Ритуал – имели исключительно священный, надчеловеческий характер.

Но воплотить в реальность самые простейшие нормы поведения не так легко, как кажется на первый взгляд. Даже если очень подробно и доступно объяснить человеку, как он должен себя вести, то вряд ли стоит ожидать, что он тотчас изменится.

Нормы поведения в семье Конфуций переносит на правила поведения в государстве, объявляя, что «вся Поднебесная – одна семья». Так же, как в семье, здесь должны царить сыновняя почтительность и преданность по отношению к правителю, а тот в свою очередь обязан проявлять отеческую заботу, справедливость, выражать благодарность и милость к своим «сыновьям». Главным же стержнем взаимоотношений должно стать человеколюбие. Это, конечно, вполне традиционное, хотя и весьма расширенное продолжение культа предков, но это и абсолютно небывалая, прочная система взаимоотношений человека и государства, государства и священных сил Неба.

Каждый должен находиться на предназначенном ему месте – в этом залог гармонии отношений в стране. Конфуций называет это да тун – «великое взаимоподобие», которое понимается как основной и, увы, утопический принцип взаимоотношений между людьми, некая предельная этика жизни. Он призывает «исправить имена» (чжэн мин) – привести все явления в соответствие с их функциями. Этим принципам должны были в равной степени подчиняться государь и чиновники, муж и жена. «Правитель должен быть правителем, подданный – подданным, отец – отцом, сын – сыном», – наставлял Конфуций. Каждый способен выполнять свой долг, «быть таким, каким следует быть», лишь на основе всё тех же моральных категорий сыновней почтительности, человеколюбия и других подобных качеств.

«Если имена неправильны, – говорит Учитель, – то и речь противоречива. Коли речь противоречива – дела не завершаются успехом, не проповедаются ритуалы и музыка; когда не процветают ритуалы и музыка, то все наказания и штрафы налагаются несправедливо. В этой ситуации простому народу некуда поставить ноги и положить руки». Значит, государству надо заниматься тем, чтобы привести всех людей, в том числе и чиновников, в соответствие с их функциями и способностями.

Его отношение к официальному участию в делах управления могло показаться странным для служивого мужа того времени. С одной стороны, он никогда не стремился получить официальный пост, хотя ему неоднократно предоставлялась такая возможность. С другой стороны, он действительно все время служил правителям, иногда занимал невысокие должности и никогда не жаловался на то, что его советы не принимались во внимание. Но он подчеркивает, что все же в делах реального управления участвует, и его роль здесь значительно выше, чем роль чиновника средней руки. Он управляет именно мистическим образом, устанавливая равновесие между Небом и правителем.

Отношения Конфуция с государством были странными и необычными. Он несколько раз занимал официальные посты, но понимал, что ни на одном из них так и не смог добиться воплощения своего нравственного идеала.

Отвечая на вопрос, почему он сторонится прямого участия в управлении царством, он очень тонко подчеркивает эту особенность «сокрытого управления»: «В «Каноне истории» говорится: «Когда надо проявлять сыновнюю почтительность, проявляй ее,

будь дружен со старшими и младшими братьями». В этом и кроется суть управления. Таким образом я уже участвую в управлении. К чему же непременно занимать высокий пост?» (II, 21). Здесь примечательны две вещи. Во-первых, сам мотив косвенного, мистического, сокрытого управления, когда дела в государстве творятся путем не прямого администрирования, а установления некоего равновесия между мудрейшими. Мотив этот не нов – он вообще звучит у мистиков того времени, достаточно вспомнить, например, Лао-цзы: «Лучший правитель – тот, о котором народ не знает».

В другой раз Конфуций согласился принять пост. Какие же аргументы понадобились, чтобы убедить его? К мудрецу обратился некий Ян Хо, занимавший одну из высших чиновничьих должностей в царстве Ци и влиявший на политику царства Лу:

«– Можно ли назвать человеколюбивым человека, который, накопив богатства, позволяет государству сбиться с пути? Я бы таковым не назвал его. Можно ли назвать мудрым такого человека, который, будучи всегда готовым участвовать в общественной жизни, всегда отклоняет такую возможность? Я бы таковым не назвал его. Дни и месяцы уходят. Время не на нашей стороне.

Конфуций ответил кратко:

– Хорошо, я приму пост».

Но что может составить тот стержень, тот движитель, который заставляет человека служить в этой жизни? Конечно же, долг (и). Не приказ, не закон, а внутренний нравственный долг. А подчинение приказам – это просто выполнение долга. Долг – ключевое понятие в проповеди Конфуция. Подданный должен служить государю, государь – заботиться о подданных.

Где истоки этого долга? Естественно, в глубокой древности, когда все жили, опираясь на нравственные понятия, которые и старался вернуть к жизни Конфуций. Для Конфуция существует понятие долга как продолжения человеколюбия и справедливости, как части Ритуала. Долг заключён прежде всего в том, что мистический Ритуал жизни необходимо исполнить до конца.

Долг... Долг во всём, и вся жизнь – как высшее долженствование. В конечном счёте долг по отношению к государю, отцу, старшим всегда оборачивается долгом человека перед Небом.

Конфуций – реалист в управлении государством, хотя как политик он всё же не состоялся. Так или иначе, он отмечал: «Если руководить народом с помощью законов и призывать порядок с помощью наказаний, народ будет стремиться избежать наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом с помощью добродетели и вносить в народ порядок с помощью ритуала, то народ познает стыд и исправится».

Смута и волнения опасны тем, что народ отвлекается от своих основных обязанностей: не пашет землю, бросает ремёсла, да и просто уходит в другие царства. Он точно говорит: «В государстве, где царит хаос, люди не живут».

Сам же народ надо кормить и воспитывать, – вот два шага, которые должен предпринимать каждый правитель по отношению к своим подданным. Воспитание народа становится вообще одним из лейтмотивов всей жизни Конфуция, не случайно он вошел в историю именно как Учитель, наставник. Его ученик Жан Ю спрашивает учителя, когда они направляются из родного царства Лу в Вэй:

«– Когда народ столь многочислен, то как же его направлять?

– Прежде всего, надо дать ему разбогатеть, – ответил Учитель.

– А когда он разбогател, – вновь спросил Жан Ю, – то как его дальше направлять?

– А вот теперь его надо воспитать» (XIII, 9).

Однако само воспитание имеет в устах Кун-цзы особый смысл. Это прежде всего привитие людям ритуальных навыков и норм поведения, при которых «чиновник всегда бы оставался чиновником, отец – отцом, сын – сыном», когда бы четко соблюдался исходный порядок вещей во Вселенной. Воспитание – не передача знаний, не

обучение канонам (это должно быть доступно избранным), а выработка способности следовать высшим предписаниям. Но – и это очень важно для Конфуция – сначала народ надо накормить, голодный и озлобленный человек своей энергетикой способен лишь разрушить гармонию Поднебесной.

Он не осуждает и не отрицает материальное благополучие, хотя сам никогда не был богатым, а иногда и бедствовал. Более того, для него достаток – необходимое условие воспитания народа. В другой раз он говорит: «Быть бедным и не роптать – трудно. Быть богатым и не зазнаваться – легко» (XIV, 10).

И если сам Конфуций очень жестко относится к тем, кто нарушает ритуал как форму общения с духами предков, то он чрезвычайно снисходителен к тем, кто нарушает обиходные правила. Однажды властительный князь Цзи Кан-цзы предложил достаточно простой способ решения конфликтов:

«– А что если убивать тех, кто пути Дао не следует?»

– Если управляете, – ответил Конфуций, – зачем же убивать? Если сами устремитесь к добру, то и народ станет добрее. Нрав правителя подобен ветру, а нрав народа – траве. Куда дует ветер, туда и клонится трава».

Конфуций решительно отвергает убийства как способ урегулирования дел в государстве, ибо несправедные подданные – это вина правителя, именно он должен воспитывать их своим примером.

Великий учитель, несмотря на все его многочисленные неудачи в самостоятельном управлении областью, в истории выступает не как романтик «первобытного утопизма», но как жесткий прагматик, он постоянно говорит об умении «использовать»: «использовать людей», «пользоваться ритуалом», «использовать подданных», «использовать народ в надлежащую пору» (I, 5). И порою он кажется дидактиком управления, неким древним типом «менеджера-управленца» (не случайно сегодня столь популярным в КНР стал образ «конфуцианского бизнесмена» – удачливого, но честного). Но нет, за каждой его фразой скрывается подтекст, абсолютно понятный слушателям и читателям последующих поколений, подтекст, описывающий ритуальное поведение человека в мистическом пространстве бытия. Конфуций выступает как мудрый проводник-шаман, обучающий людей тому, как пройти по этому могучему, пугающему и одновременно имманентно присущему пространству, не ошибаясь и не сгинув. Именно для этого конфуцианцы в своих работах столь большой упор делают на сакральные слова, столь схожие с архаическими заговорами, – не таковы ли термины «ритуал», «человеколюбие», «долг» и другие конфуцианские понятия? Конфуций в какой-то мере сыграл дурную шутку: он заставил все последующие поколения китайцев, равно, впрочем, как и западных исследователей, спорить о том, что означают эти понятия, как следует их трактовать, как поступать в соответствии с их истинным смыслом (чжэн и). Но как раз «истинного смысла» у них и нет, это – слова-пустышки, некие путеводные вехи, которые сами по себе ничего не означают, кроме как вонзенные в землю палки, и лишь указывают на потенциальное наличие правильного пути, пути по этому мистическому пространству, которое в своей совокупности уже недоступно людям времен Конфуция.

Лишь правитель в полной мере может обладать и магическими способностями-жэнь и благодатью-дэ. Воспринимая их от неба, он, как медиум, спускает это на своих ближайших чиновников и на народ, устанавливая гармонию в Поднебесной. И поэтому Конфуций служит правителю не как начальнику, но как воплощению этой силы. И решительно уходит, если эта благодать иссякает из-за нарушения ритуалов.

Правители, по его мнению, есть и у других «варварских» народов. Но правители не благодатны, а вот китайцы (в ту пору еще протокитайская этническая общность ся), даже оставшись без правителей, могут сохранять благодать (III, 5).

Перед истинными правителями, которые сохраняют постоянную связь с Небом, он благоговейно трепещет. К правителю он относится именно как к носителю благодатной энергии. Тот для него не столько человек, сколько персонифицированный дух, в котором воплощается вся энергетика предков. Когда Конфуций заболевает и правитель приходит его навестить, хотя мудрец и болен, – он все равно принимает правителя по ритуалу. Он отворачивает голову от востока, так как по ритуалу правитель должен сесть в западном углу, и Конфуций поворачивается к нему лицом. А поскольку Учитель лежал и не мог одеться, то

просто накрывается парадной одеждой и перекидывает поверх пояс – теперь он готов встретиться с воплощенным духом (X, 19). Стоит правителю вызвать его к себе, он отправляется к нему пешком, даже не дожидаясь, пока запрягут лошадей (X, 20), а переступая порог зала правителя, он «сгибался до пола», и голос его начинал дрожать.

Жизнь Конфуция – постоянное служение. Служение правителю, духам, долгу. Он служит постоянно, он держит себя в дисциплине сознания и тела ежесекундно.

Вдохновляйся песнопениями и совершенствуйся музыкой

Как человек может совершенствовать себя? Конфуций в своей проповеди не многим отличается от ученых мужей своего времени, но все формы воспитания стремится довести до безупречного воплощения. Он ясно определяет свой путь совершенствования: «Вдохновляйся «Канон песнопений», опирайся на ритуалы, совершенствуй себя музыкой» (VIII, 8). И ни слова – про государственное служение, про почитание старших, поскольку в этих трех составляющих его Пути заключено именно личное, интимное.

Прежде всего, это изучение древних песнопений, стихов, нашедших свое обобщение в «Ши цзине» – «Каноне песнопений» или «Книге поэзии».

«Ши цзин» – собрание песнопений, включающее всего 305 стихов, разных по содержанию, смыслу и объему. Тот список, который дошел до нас, составлен значительно позже жизни Конфуция, в эпоху Хань, т. е. в III в. до н. э. – III в. н. э. Примечательно, что сам Конфуций именуется «Ши цзин» просто «ши», то есть «песнопения», «стихи». Это могло быть и разрозненное, еще не упорядоченное собрание древних заклинаний, в котором уже немногие посвященные типа Кун-цзы могли разглядеть именно магическую, заклинательную суть. Именно поэтому и следует «вдохновляться песнопениями» – как не через них, через эти моления, призывы и заклинания, понять духовный мир предков?

Он постоянно призывает своих учеников изучать «Песнопения», он апеллирует к ним в своих наставлениях, он ссылается на них, как на основу своего знания. Для него – это целый мир, где разворачивалась мистерия целостности человека и духов, человека и Неба, ныне, увы, утраченная.

Что он больше всего ценит в древней поэзии? Стиль, красоту слога, изящество выражения мысли? Если это и интересует его, то лишь в самую последнюю очередь. Для него поэзия, и прежде всего «Канон песнопений» есть самое яркое, самое полное, самое воплощенное выражение духа древних.

«В [Каноне] песнопений триста стихов. И если надо в одной фразе выразить их суть, то скажу так: «Непорочных мыслей нет!» (II, 2).

Понимание «Ши цзина» именно как сакральных магических формул исчезает уже во времена Конфуция, для многих это превращается в некий абстрактный ритуальный канон, непонятно зачем и как используемый. Но для Конфуция это по-прежнему важнейшие ритуальные заклинания, обращенные к духам, формулы, регулирующие поведение и настрой сознания человека.

«Почему никто из вас, мои ученики, не изучает «[Канон] песнопений»? О, [Канон] песнопений! Ведь именно с его помощью можно развить воображение и расширить кругозор, стать более общительным и научиться иронии. Из него можно научиться, как вблизи служить отцу, а вдали – правителю, как называются птицы и звери, травы и деревья» (XVII, 9).

Для него Канон – это действительно книга жизни, где есть все. Но даже беглый просмотр покажет нам, что, конечно же, подробного описания птиц и зверей, трав и деревьев и даже полного вида ритуалов служения мы не встретим. Неужели Конфуций пользовался каким-то другим списком «Канона песнопений»? Думается, что если версия Канона Конфуция отличалась от современной, то не так существенно, чтобы включать какие-то обширные пассажи, не известные нам сегодня.

Отличается не версия, отличается само видение Конфуцием содержания «Канона

песнопений». Обратим внимание – он говорит, что «с его помощью можно развивать воображение». Это может показаться поразительным в устах столь строгого книжника, как Конфуций. Но воображение это – особого рода. Речь идет о способности визуализировать невидимое, слышать то, что не слышно уху обычного человека, получать знания из видений и их интерпретации.

А вот другой источник вдохновения Конфуция – музыка. Почему Конфуций любил слушать музыку? Однажды он приоткрыл своим ученикам этот секрет – оказывается, вслушиваясь в переливы звуков, он видит перед собой великих мудрецов древности. Да-да, он не столько восхищается музыкой, сколько взирает на то, что скрывается за ней, – на глубины времени, в которых он черпает вдохновение! Конфуций видит не символические образы древних, но их живое воплощение и даже может различить черты их лиц! И в этой метафизической реальности он может беседовать с ними, задавать вопросы, а значит – учиться у них. Этот эпизод позволяет увидеть особое отношение Конфуция и его последователей к музыке – оказывается, она учит идеалу древности.

Именно музыка способна пробудить в человеке ощущение связи с Небом и переноса этого благодатного ощущения на людей – жэнь, т. н. человеколюбия. Более того, она может становиться даже критерием этого человеколюбия, чистоты душевного посыла человека. Конфуций ясно подчеркнул: «Если человек не человеколюбив, что он поймёт в ритуале? Если человек не человеколюбив, что он поймёт в музыке?»

Что может выступить символом высшей упорядоченности? Конечно же, музыка. Разве она не является просто набором упорядоченных звуков? Отдельный звук, пусть даже повторенный много раз, не сможет усладить слух, а вот сведённые в сложную систему, они вместе дают мелодию. Конфуцианцы считали, что музыка имеет огромное воспитательное значение, «умиротворяет нравы и облагораживает души». Сам Конфуций был очень восприимчив к музыке, прекрасно разбирался в древних мелодиях и даже мог давать наставления музыкантам. Однажды, будучи в царстве Ци, он услышал некую мелодию, которая так его поразила, что в течение трёх месяцев он не чувствовал вкуса мяса, которое ел. «Я никогда и не представлял, что наслаждение от музыки может достичь таких вершин», – признался он.

Однако и музыка может влиять на людей по-разному. Конечно, она – символ упорядоченности и вселенской гармонии, но в этом и её опасность. Например, музыка боевого танца, во время которого разыгрывались сцены древних сражений, показала Конфуцию «прекрасной, но недостаточно добродетельной», ибо возбуждала души, поселяя в них «военное начало». Но была и другая мелодия – «гражданская», под которую исполнялись удивительные по своему изяществу танцы с павлиньими перьями. Она была «и прекрасна, и добродетельна», поскольку выявляла в человеке глубину «культурного начала», которое так ценил Учитель.

Сам он настолько ярко переживал ритуальную суть музыки, что мог впасть в экстатический ступор. Известно, что как-то во время своего первого путешествия из родного царства Лу в соседнее Ци он услышал ритуальную музыку шао. После этого он «в течение трех месяцев не чувствовал вкуса мяса, что ел». Он восклицает: «Я никогда не мог представить, что столь высока может быть радость от музыки» (VII, 14).

Он постоянно наставляет, что существует ритуал за пределами внешних действий, истинная музыка – за пределами собственно слышимых звуков. «Когда твердят «ритуалы, ритуалы», разве имеют в виду лишь подношения даров из яшмы и парчи? Когда твердят «музыка, музыка», разве имеют в виду лишь удары в колокол и барабаны?» (XVII, 11). Истинная архитектоника звуков прорастает где-то в пространстве, не доступном обычному человеку, путь к которому лежит не через формальные действия – правила или «удары в барабаны», но через постоянное подвижничество, самопреодоление и самое главное – вглядывание в зеркало древних идеалов.

Сам Конфуций хорошо играл на цине – традиционном китайском струнном инструменте – и неплохо пел. Но искал он в музыке не красоту мелодии, не многоцветие переливов – он стремился как бы заглянуть за сам звук, в то пространство, откуда он исходит. Прекрасно ощущая мистическое, сокровенное, он тем не менее не любил говорить о них. Сохранилась поучительная история о том, как Учитель обучался музыке. Что же искал он в незатейливой мелодии древней китайской песни?

Его учителем был некий Ши Сян. С начала обучения Конфуция прошло уже десять

дней, а он продолжал разучивать лишь самые элементарные аккорды, сам же объяснял это так: «Я лишь усвоил мелодию, но необходимо ещё овладеть и искусством исполнения». Через некоторое время, когда Ши Сян-цзы решил, что Конфуций может приступить к новой мелодии, мудрец произнёс: «Я ещё не постиг, в чём коренится выразительность её напева».

Прошло время, и Ши Сян-цзы вновь предложил Конфуцию перейти к разучиванию новой мелодии. На этот раз реакция Учителя была ещё более неожиданной. Конфуций ответил не сразу – он погрузился в глубокие размышления, а затем, будто очнувшись, взглянул вдаль и радостно произнёс: «Теперь я представляю этого человека. Он смугл, ростом – высок, а взор его устремлён вдаль. Он подобен правителю, вззирающему на четыре стороны света. Да кто еще, кроме правителя дома Чжоу вэнь-вана (Культурного), сумел бы создать такую мелодию?!»

Ши Сян-цзы, поражённый, вскочил с циновки и дважды поклонился Конфуцию. Оказывается, мудрец угадал – эту мелодию действительно создал вэнь-ван. Да он даже и не угадал – он воочию соприкоснулся с древним правителем, прозрел его дух внутри себя. Стоит заметить, что именно вэнь-вана Конфуций считал примером человека культурного. Так благодаря музыке причудливым образом произошло мистическое соприкосновение двух мудрецов разных эпох.

Учитель, что стал Колоколом

Ученики для того Конфуция, который вошел в историю, – часть его образа, обрамление его мудрости и передача традиции. Как-то обращаясь к ним, он говорит: «Небо скоро сделает вашего Учителя языком колокола», или в другом переводе «сделает колоколом» (III, 24). Трактовка здесь не сложна – этот деревянный язык колокола должен пробуждать звуки, отклики в душах учеников и последователей на много веков вперед. Он предвидит это и сообщает об этом откровении своим ученикам.

Именно ученики сыграли, пожалуй, самую важную роль в сбережении образа Конфуция. Их было более сотни, но лишь несколько десятков вошли в историю. Именно они бережно и непредвзято записывали изречения своего учителя, вероятно, сами до конца не понимая, важно или нет для вечности то или иное его высказывание.

Сколько прямых учеников было у Учителя? Казалось бы, исторические свидетельства и генеалогические книги школы должны были донести до нас их точное число, ведь это, по существу, указатель на линию преемственности мудрости от Конфуция к последующим поколениям. Но здесь повторяется та же ситуация, что и с биографией Конфуция. За кажущейся ясностью и логичностью изложения скрываются путаница, разночтения и несуразности. Безусловно одно: точное количество учеников Конфуция неизвестно, что, впрочем, не удивительно – далеко не все следовали за Конфуцием во всех его странствиях или постоянно находились рядом. С другой стороны, часть людей могла назвать его своим учителем даже в том случае, если Конфуций лишь раз побеседовал с ними. В анналы истории вошла цифра три тысячи учеников – именно так свидетельствуют «Исторические записки» Сыма Цяня, которые, однако, как мы уже знаем, передают в основном предания, а не реальные факты того периода (11, гл. «Кунцзы чжуань», с. 1938). Это, конечно, колоссальное, почти невероятное число, и сегодня трудно предположить, чем руководствовался составитель «Исторических записок» в этом пассаже его «Жизнеописания Конфуция». Но лишь семьдесят или семьдесят два ученика стали считаться ближайшими последователями – именно это число чаще всего фигурирует в различных биографиях Конфуция. Об этом пишет «Мэн-цзы», упоминается в труде другого философа «Ханьфэй-цзы», в трактате даосского толка «Хуайнань-цзы» и некоторых других. Говорит о них и Сыма Цянь, причем в несколько странном контексте – он пишет о том, что учеников Конфуция, «кто был искушен в шести искусствах, было семьдесят два человека». Речь идет о классических «шести искусствах», в которых должен был упражняться всякий достойный аристократ эпохи Чжоу – стрельба из лука, вольтижировка, ритуалы, математика, каллиграфия. Примечательно, что Сыма Цянь выделяет эти семь десятков учеников из всех остальных не столько по принципу близости к самому Конфуцию, сколько по их совершенству в «шести искусствах». Тем самым он, по сути, признает, что не в состоянии объяснить сам метод выделения «ближайших последователей» Учителя. Да и само число ближайших учеников для Сыма Цяня было не очень ясным – он просто передавал разные версии, сводя их воедино: он то

говорит о семидесяти двух учениках, то о семидесяти семи. Более того, он перечисляет по именам лишь тридцать шесть из них, при этом шесть имен вообще не встречаются в «Лунь юе», а часть персонажей фигурирует в «Лунь юе» не как ученики Конфуция, а как просто люди, которые встречались с ним. Разумеется, он не выдумывает эти имена, Сыма Цянь просто в свойственной китайскому историку манере методично и малоосмысленно «складывает» вместе все возможные версии, истории, разночтения, предоставляя последующим поколениям разбираться в этом вопросе.

Сколько учеников фигурирует в самом «Лунь юе»? Исследователи, используя разные методы подсчетов, причисляют к ученикам традиции «Лунь Юя» двадцать пять – тридцать человек. В любом случае речь о «сотнях учеников» здесь не идет.

Из нескольких десятков учеников лишь несколько человек сыграли действительно важную роль в сохранении мысли своего учителя. Это Цзэн Шэнь (505–436), прозванный Цзэн-цзы – «Мудрец Цзэн», Цзы Ся (или Бу Шан, 507–?), Цзы Ю (или Жань Цю, 522–489), Цзы Чжан (или Чжуаньсунь Ши, 503 до н. э. – ?), Ю Цзя (или Ю Жо, 508–?). Скорее всего они образовали в последний период жизни учителя и после его смерти тот узкий круг учеников, которые бережно записывали все сказанное наставником, а потом приложили все силы, чтобы эти высказывания получили широкое хождение по царствам Центральной равнины. Они явным образом и составляли костяк школы, получив от Конфуция полную традицию. Косвенным указателем на это является тот факт, что они все вместе упоминаются в важнейшем сборнике «Ли цзи» («Записи о ритуале») именно как группа единомыслящих последователей. Стоит обратить внимание и на то, что если другие ученики лишь упоминаются в «Лунь юе», высказывания этих пятерых вошли в основной текст трактата, причем высказывания не о Конфуции, а самостоятельные философские суждения.

Ученики Конфуция в подавляющем большинстве были людьми знатными, подобно Конфуцию, из средних и мелких аристократических родов. Среди них было немного простолюдинов – Конфуций считал, что простой народ надо образовывать и воспитывать, но его священное знание им вряд ли было доступно. Вместе с тем Конфуций подчеркивал, что его учение доступно каждому, кто открыт своей душой – и одним из его наиболее любимых учеников становится Янь Хуэй, происходивший из бедной крестьянской семьи царства Лу.

Последователи великого наставника явно не были ни однородными по своим устремлениям, ни одинаковыми по своим талантам. Среди них выделялись четыре группы «по специализации»: одни были «самыми способными в осуществлении добродетелей», другие были «искушены вести беседы», третьи – в государственных делах, четвертые были знатоками в культуре или гражданских дисциплинах (вэнь) (XI, 3). Из текста не ясно, кто выделял эти четыре группы (а всего к ним причислены лишь десять учеников) – то ли сам Конфуций, то ли составители текста.

Он по-разному оценивает способности и качества своих учеников. Одних он высоко ценит; к другим относится снисходительно; третьи вызывают его искреннее восхищение; над потерей иных он скорбит так, что по нескольку дней не выходит из дома и не принимает пищи. Но примечательно, что основными носителями конфуцианской доктрины стали не они. Ученики Конфуция, как и положено благородным мужам, предпочитали не выставлять себя на люди, быть «скромными с достоинством», умели ценить себя и быть гордыми (один из учеников утверждал, «что его можно даже убить, но шапку он не снимет»).

Когда скончался ученик Конфуция Янь Юань, остальные ученики решили устроить ему пышные похороны. Они считали, что именно это соответствует истинному Ритуалу. Но их удивили слова Конфуция, который заметил: «Этого делать не следует». Нетрудно понять: учитель боялся, что богатый внешний ритуал перебежит в души учеников внутреннее, личностное переживание. Более того, Конфуций видел в учениках своих детей и на умершего Янь Юаня смотрел как на сына. Разве может даже самый пышный похоронный обряд возместить утрату собственного ребёнка? Увы, ученики не поняли всей мудрости совета Учителя и поступили по-своему. Конфуций не стал их корить, он лишь с грустью заметил: «Янь Юань смотрел на меня как на родного отца. А теперь я не могу видеть в нём сына. Увы, в этом не мой грех, дети, а ваш».

В этом эпизоде – всё величие истинного Учителя. Ведь лучшие ученики не послушались его, а он не бранится, хотя из-за их поступка Конфуций «потерял сына», т. е. не смог исполнить настоящего, внутреннего Ритуала, как того требовала смерть ученика. Такова китайская традиция – истинный наставник не

поучает, а лишь незаметно и плавно подводит к правильному поступку. Он оставляет ученикам свободу выбора, уважая личность в человеке, не ограничивает их и, более того, даёт сделать ошибку. Ведь именно в этом случае ученики сами способны осознать, что сделали, покаяться и больше не повторять ошибку. Нестрашно совершать промахи – непозволительно их не замечать и повторять вновь и вновь. Конфуций как-то заметил: «Лишь то можно считать ошибкой, что не исправлено».

Он подходит к своим ученикам именно как к последователям, как к продолжателям традиции. И бывает весьма строг, если те нарушают не столько его предписания, сколько дух самого его Учения. Для него важно не только формальное следование правилам (хотя в этом он весьма преуспел), но соблюдение заветов учения в душе. «Лунь юй» передает нам случай, когда аристократ Цзи-ши решил повысить поземельный налог, а один из учеников Конфуция – Жан Цю «помог в приумножении его богатства». Конфуций, узнав об этом, отказывается от ученика со словами: «Он не мой ученик. Вы можете, развернув флаги, с барабанным боем напасть на него» (XI, 17). По сути, Конфуций подвергает своего бывшего ученика публичному ostracismu и призывает своих последователей. Мэн-цзы прокомментировал так эту историю из жизни Конфуция: «Из этого можно видеть, что Конфуций отторгал тех, кто помогал правителям преумножить богатства, при этом не отдавая дань уважения добродетельному правлению» (IVa, 17).

Ученики его часто расстраивают именно тем, что не могут размышлять над сказанным наставником. Он поражен тем, что весь день проговорил с одним из своих любимых учеников Янь Хуэйем, а тот, «подобно глупцу, ни разу не возразил мне». Впрочем, тут же одергивает сам себя: «Когда он ушел, я, озирая его жизненный путь, убедился, что Хуэй отнюдь не глупец» (II, 9). Конфуций на своем приеме готов показать ученикам, что такое – постигать суть человека без скороспелых выводов. Но в другой раз он опять расстроен: «Хуэй мне не помощник, он доволен всеми моими суждениями» (XI, 4).

Кажется, порою, что он не видит в них тех, кто может понести учение дальше, – они не понимают его, медлительны в своих мыслях, слишком по-школярски пытаются понять его мысль. Именно про них, своих ближайших и лучших учеников, он скажет: «Чай глуповат, Шэнь туповат, Ши лицемерен, а Юй грубоват» (XI, 18). «Туповатый Шэнь» – это один из лучших последователей Учителя, тот, кто многое сделает для распространения учения, Цзэн Шэнь или Цзэн-цзы. У Цзэн-цзы уже были свои ученики. «Лунь юй» рассказывает, что «Когда Цзэн-цзы заболел, он призвал своих учеников и сказал им: «Посмотрите на мои ноги, посмотрите на мои руки». В «Каноне песнопений» сказано: «Будь осторожен! Будто стоишь ты на краю бездны, будто идешь по тонкому льду». лишь сейчас я понял, как избежать недугов, мои ученики!» (VIII, 3).

Конфуций своим к ученикам то чрезвычайно снисходителен, то очень требователен, порою нетерпим к их, казалось бы, небольшим проступкам. И, тем не менее, лишь ученики для него являются единственными, кто способен до конца понять его. Он даже признается, что «лучше мне было бы умереть на руках своих учеников, чем на руках чиновников» (IX, 12). Связано это было с тем, что когда Конфуций заболел и при этом не находился на государственной службе, ему была оказана забота как знатному чиновнику – Учитель счел, что его «обманули» и поступили лицемерно.

И все же Конфуций прекрасно понимает, с кого можно требовать «великого действия», а кто не способен даже на малое. Однажды один из его учеников заснул днём, что было нарушением многих правил поведения, да и просто явным признаком безделья и лени души. Казалось бы, Учитель должен был разгневаться, возмутиться. Но Конфуций не был бы великим Учителем, если бы подходил ко всем с одной меркой. Он просто произнёс: «Трухлявое дерево не годится для поделок. Стена из навоза не годится для побелки. Так стоит ли упрекать Юя?» Не всякий человеческий материал годен для изготовления «великого сосуда», и не надо бояться признать это.

Конфуций не сердится на учеников, видя в своих последователях обычных людей с присущими им слабостями. Он понимает, что далеко не каждому дано пройти свой путь к благородному мужу; более того, Конфуций готов признать и свои ошибки в отношении некоторых учеников. По поводу того же заснувшего Юя он говорит: «Прежде я верил людям на слово: если сказали – значит, так и сделают. Теперь же я слушаю их речи, но смотрю, что они сделают. Я переменяю своё отношение к ним из-за Юя».

У него бывают разногласия с учениками, по крайней мере дважды один из его любимых учеников Цзы Лу самым непосредственным образом не соглашается с поступками учителя (XVII, 5, XVII, 7), и Конфуций вынужден давать разъяснения своему поведению. Как иногда предполагают комментаторы, обе эти истории носят апокрифический характер и добавлены в «Лунь юй», дабы косвенно показать противоречивость Конфуция. В первом случае Конфуций отправляется служить к аристократу Гун-шунь Фужао, который выступил против своего хозяина, в другой раз откликается на призыв Би Синя, который не подчинился указам своего правителя. Все это действительно крайне противоречит обычной логике поведения Конфуция, который всегда призывал к почтительности перед правителем. Но все же образ Конфуция значительно более сложен, а сам он более противоречив, чем представляется из его «иконописного образа». Равно как очевидно, что у него были и противоречия с учениками (они проступают во многих диалогах), и непонимание с их стороны, и резкие выступления со стороны представителей других духовных школ. Стоит признать, что некоторым духом потенциальной конфликтности пронизаны многие пассажи «Лунь юя», в том числе и его диалоги с учениками.

Сама проповедь Конфуция и «Лунь юй» показывают, что в Китае не было некоей отвлеченной философии, далёкой от жизни. Китайские мудрецы умели удивительным образом связывать мир видимый, каждодневный, изменчивый и мир метафизический, вечный и неизменный, мир чистого духа и сокровенного знания. Можно быть одновременно политиком и философом, великим стратегом и мистиком, как, например, знаменитый военачальник Сунь-цзы (VI–V вв. до н. э.) или как тот же Конфуций, постоянно соприкасавшийся с делами управления. Такая двойственность не характерна для европейской культуры, требовавшей от человека жёсткого выбора – или политик, или отшельник. Китай же, наоборот, ставил во главу угла человека в равной степени духовного и социально активного (это отнюдь не исключало существования отшельников, монахов и аскетов). Более того, человек, не приобщённый к духовным учениям, и правитель, не окруживший себя мудрецами, не мог удержаться на троне, а долг мудреца – предложить свой ум для решения политических проблем. Эти предложения делались в чисто китайской, конфуцианской манере – намёками, хитроумными отказами, т. е. с соблюдением всё того же ритуала прихода мудреца на службу, и эта машина «прихода во власть», запущенная ещё в эпоху Борющихся царств, действовала в течение многих веков.

Само же конфуцианство оказалось не просто набором отвлечённых рассуждений об идеалах человеколюбия, искренности и долге, но вполне практичным социальным и этическим учением. Конфуцианство стало именно той традицией, которая реально воплотила хотя бы часть своих идеалов в жизнь. И, понимая это, в обыденности проповеди Конфуций открывает перед нами внезапный мистицизм самопрозрения человека, что «вечно претворяет изученное».

Слово, оставленное Учителем: «Лунь юй»

То, что нам сегодня известно под названием «Лунь юй», естественно, не является изначальными словами Конфуция и, более того, – хронологически точным описанием событий его жизни. Это скорее труд политический – облик Конфуция в нем подан так, как он представлялся правильным государству. И в этом смысле «Лунь юй» – не книга о том, как говорил и действовал Конфуций, а описание того, как он должен был бы действовать и говорить.

Очевидно и другое – через бесконечный частокол увещаний и «мудрых высказываний» проступает живой, реальный Конфуций: громогласный и сомневающийся, осторожный и решительный, торжествующий и покинутый духами. Именно «Лунь юй», а не исторические описания Конфуция, сделали его облик чрезвычайно обаятельным, живым и очень сложным.

Что вообще мы подразумеваем, говоря о «Лунь юй»? На первый взгляд, здесь все достаточно просто – это компиляция высказываний и событий из жизни Конфуция. Частично высказывания, встречающиеся в «Лунь юе», повторяются в «Ли цзи» («Записях о ритуале») иногда абсолютно точно, но чаще в переложении или с небольшими изменениями. Ряд историй и высказываний также повторен в более поздней книге «Мэн-цзы», но так или иначе нигде не встречается точной «кальки» исходного текста.

В современном варианте «Лунь юй» содержит 20 книг или глав. Традиционно главу принято называть по первым значимым словам этого раздела, например, глава первая именуется «Учиться и...», глава вторая – «Осуществлять правление» и т. д.

Известная нам сегодня структура «Лунь юя» сложилась не сразу, очевидно, что по Китаю ходило несколько вариантов или списков этого труда, причем каждый считался «истинным». Такая ситуация складывалась вокруг практически всех известных китайских духовных произведений, в том числе, например, «Лао-цзы», «Чжуан-цзы», «Мэн-цзы»: одновременно циркулировало несколько версий, составленных учениками и последователями, которые оспаривали право первенства и истинности в продолжении традиции.

Сегодня невозможно назвать точную цифру количества разных вариантов «Лунь юя». К концу I века было известно по меньшей мере три труда, которые потом легли в основу «Лунь юя». Два труда были связаны с названиями царств «Лу лунь» – «Речения царства Лу» из двадцати глав, и «Ци лунь» – «Речения царства Ци» в двадцать две главы. К последнему труду прилагались еще две главы – «Вэнь ван» и «Ши тао», которые хотя и являлись частью общего корпуса текстов, но все же повествовали не о Конфуции. Третий труд получил название «Гу лунь» – «Древние речения», он состоял из двадцати одной главы и был обнаружен, по преданию, в стене дома Конфуция.

Именно эти три «Речения» перечисляются в самом раннем упоминании о труде Конфуция – «Истории династии Хань», принадлежавшем кисти известного историка Пань Гу. Хроники эти, дошедшие до нас с большими лакунами, были закончены в I в. н. э., и таким образом мы имеем достаточно позднее упоминание о беседах Конфуция – со времени его ухода из жизни прошло более четырехсот лет.

Эти три сборника «речений» были во многом схожи, но все же не одинаковы. Прежде всего они заметно расходились по своему объему. Скорее всего «Ци лунь» был самой обширной компиляцией речений Конфуция, по своему объему этот труд превосходил «Лу лунь», о чем, в частности, упоминает историк-конфуцианец Лю Дэмин (556–627). В точности сложно сказать, то ли «Речения царства Ци» содержали большее количество глав, то ли по числу высказываний и стихов были более многочисленны.

Очевидно, что канонизации конфуциева учения еще не произошло – этого просто не могло случиться при наличии трех (а возможно, и большего количества) вариантов его высказываний. А это значит, что до того Конфуций не только не считался «учителем учителей», но занимал в исторической ретроспективе позицию немногим выше, чем ряд других духовных учителей. Такое множество вариантов трудов одного и того же мудреца можно считать нормативом ранней истории Китая. Достаточно упомянуть, что известно несколько списков «Дао дэ цзина» («Канон Пути и Благодати») Лао-цзы, где встречаются различия. Более того, обнаруженный в 90-х гг. вариант этого трактата, записанный на бамбуковых дощечках (до этого варианты II в. были записаны на шелке, т. н. «шелковые книги»), оказался существенно, почти в два раза короче, чем широко известная сегодня версия «шелковых книг». Таким образом, слова мудрецов дополнялись, дописывались и в конце концов превращались в компиляцию, но компиляцию высказываний не только самого духовного наставника, но и мыслей его учеников и последователей по принципу «что мог бы сказать учитель по этому поводу».

Три версии «Лунь юя» долгое время существовали отдельно и циркулировали по Китаю как самостоятельные произведения. Такая ситуация сохранялась вплоть до I в. н. э., когда одна из версий попадает в руки известного каноноведа Чжан Юя (?–5 в. до н. э.) – знатока речений Конфуция, а также «И цзина». Чжан Юй – эрудит и книжник – имел весьма высокий ранг знатности – хоу, ученое звание боши, т. е. «доктора», и преподавал императорской семье тонкости «Лунь юя». В 25 г. до н. э. он был назначен главным советником императора, что соответствовало рангу и обязанностям премьер-министра.

До сих пор идут споры о том, какая же из трех версий легла в основу известного нам сегодня «Лунь юя». По одному из предположений, он сводит воедино две версии – лускую и цискую. Он также пользуется многочисленными комментариями различных книжников, которые составлялись на «Лунь юй», в том числе известных канонистов Ван Яна, Лу Фуцина и других. Так рождается произведение, названное «Чжан хоу лунь» – «Суждения (и беседы в версии) хоу Чжана». Эта версия стала столь популярной, в том числе и благодаря высокому посту ее составителя, что затмила все остальные списки «Лунь юя».

Теперь «Лунь юй» все более упорядочивается различными комментаторами. Новый список составляется известным ученым Чэнь Сюанем (127–200 гг. н. э.), который также использует версии «Речений из царства Ци» и «Речений из царства Лу». Эта версия не дошла до наших дней, хотя отрывки из нее обнаружены в различных вариантах. Поразительно, что относительно большая часть, обнаруженная в 1969 г. в Синьцзяне, является ученической копией, составлена в 710 г. двенадцатилетним юношей. Известная нам сегодня версия была составлена хэ Янем (190–249 гг. н. э.), который, как считается, свел вместе варианты Чжан Юя и Чэнь Сюаня.

Как видим, наиболее древние версии, передающие нам истинный характер записей Конфуция, не сохранились. Разумеется, вряд ли стоит считать, что ныне существующая версия «Лунь юя» является подделкой или сильно подправленным вариантом. Судя по высказываниям Учителя, приводимым в других трактатах, скорее всего мы имеем дело с реальным словом Конфуция. Однако в результате многочисленных редакций могло измениться другое – те акценты, которые стремился расставить Конфуций своими беседами и проповедями. Изменился и смысл некоторых понятий, а за ним трансформировался и образ Конфуция, превратившись в философа-книжника. Именно влияние такой редакции мы должны учитывать, читая сегодня слова Конфуция. Вряд ли он говорил о другом, но скорее всего, он говорил по-другому.

Приобретая классический вид, «Лунь Юй» стал частью практически всех основных канонов литературно-назидательной классики Китая, и прежде всего т. н. «Четверокни-жия» («Сы шу»), куда помимо собственно «Лунь юя» вошли «Мэн-цзы», «Чжун юн», «Да сюэ» («Великое учение»). «Лунь юй» также стал центральной частью «Тринадцатикнижия» («Шисань цзин чжу ши»), которое изучалось всеми учеными и чиновниками, а также было основой обучения в китайских школах. «Тринадцатикнижие» всегда воспринималось как наиболее полный и точный свод именно конфуцианской классики с каноническими комментариями (в частности, «Лунь Юй» издавался в обрамлении комментариев Чжу Си). «Тринадцатикнижие» было составлено в XII в. при правлении династии Южная Сун, а цинский чиновник Жуань Юань (1764–1849) скомпилировал критический свод всех текстов, куда были включены не только прежние комментарии, но и некоторые новые комментарии, а также списки разночтений (цзяокань цзи). Именно это издание, неоднократно переиздававшееся впоследствии, стало своеобразным нормативом для последующих исследований.

Характер самого «Лунь юя» в равной степени как полностью соответствует канонам записей речений мудрецов того времени, так и отличается от многих других образцов классики Китая.

Прежде всего, по своей структуре это текст не оккультный, не мантрический, как, например, «Канон перемен» («И цзин»), за редким исключением он не содержит заклинательных формул и магических речитативов, как более древний «Канон песнопений» («Ши цзин»), который очень высоко ценил сам Конфуций. И – самое главное – он не написан самим Конфуцием и, по-видимому, им даже и не правился. Его ученики записывали то, что им казалось важным, а иногда просто эпизоды из жизни наставника или манеры его поведения, не в силах дать им трактовку, оставляя это для потомков.

Сам же Конфуций отказывался записывать что бы то ни было, вероятно, считая, что все, что необходимо, уже записано – не случайно отсылал своих учеников к «И цзи-ну», «Ши цзину». Он же несет устное учение, передает его своим поведением, он вопрошает духов и воплощает их веления на Земле. И здесь особый смысл приобретает его знаменитая фраза: «Я не создаю, но лишь повторяю изученное». Ему передано учение (сюэ), и он его «повторяет» и не творит ничего нового. И в этом он – абсолютно традиционный мистический учитель.

Сама структура «Лунь юя» является суммой самых различных высказываний и явно отражает борьбу, которая шла вокруг наследия Конфуция между его преемниками и учениками. Это хорошо прослеживается в неоднородности структуры текста. Прежде всего характер первых пятнадцати книг заметно отличается от последних пяти.

На первый взгляд, материал в главах сгруппирован случайно, сами же главы, равно как и высказывания внутри них, также расставлены вне всякой логики. Более внимательное прочтение продемонстрирует нам, что над составлением «Лунь юя» работали компиляторы, собирая в одну главу фразы не столько тематически близкие, сколько связанные единым термином. Например, откроем третью главу. В близких

пассажах 23, 24 и 25 речь идет о музыке, во всяком случае во всех случаях используется этот термин. Но в первом случае Конфуций говорит, что «Музыку должно знать!», во втором случае упоминается музыкальный инструмент то – деревянный язык колокола, причем в контексте, никак не связанном с музыкой. Конфуций говорит своим ученикам: «Почему вы так обеспокоены, что нет у вас чиновничьих постов? Поднебесная уже давно лишилась пути-Дао и скоро Небо сделает Вашего Учителя языком колокола». В третьем случае Конфуций рассуждает о том, что музыка древнего правителя Шуня (музыка Шао) была «красивой и нравственной»), а вот музыка правителя У – «воинственного» – «красива, но не вполне нравственна». В сущности, здесь речь идет не столько о музыке, сколько о самом характере древнего правления. В других же местах «Лунь юя» встречается немало высказываний о музыке, не сгруппированных в одну главу.

Первая и вторая главы вызывают несколько сумбурное ощущение – складывается впечатление, что составители пытались включить в них то, что им казалось самым главным в речениях Конфуция, а поэтому здесь главенствует не единая тема, а единая Мысль, свод важнейших идей проповеди. А вот дальше «Лунь юя» приобретает значительно большую стройность. Третья глава в основном посвящена наставлениям в ритуале и музыке, четвертая глава поочередно обыгрывает основные понятия конфуцианского учения – «человеколюбие», воспитание человека, путь-Дао, сопоставление благородного мужа цзюньцзы и «маленького человека». Большая часть пятой и шестой глав включает высказывания Конфуция о разных людях: своих учениках, правителях, аристократах. Седьмая глава содержит ответы Конфуция на вопросы учеников, причем через них показывается сам характер Конфуция, некий идеальный норматив поведения. Восьмая глава состоит из высказываний Конфуция по самым различным поводам, однако при этом в ней встречаются включения высказываний его ученика Цзэн-цзы. Одиннадцатая глава целиком посвящена самому Конфуцию. В двенадцатой главе мы встречаем запись вопросов Конфуцию и ответов на них. Первая часть тринадцатой главы посвящена высказываниям по поводу управления государством, вторая часть (18–28 параграфы) рассказывает о нормативе благородного мужа цзюньцзы. Здесь же обыгрывается понятие ши – честного служивого мужа, по сути, цзюньцзы, который находится на службе у правителя. Четырнадцатая глава как бы возвращает нас к центральным понятиям конфуцианской проповеди, обозначенным в первой и второй главах, из-за этого она так же, как и первые главы, кажется несколько рыхлой по структуре. Наконец, в пятнадцатой главе в основном обсуждается тема человека как такового – любящего добродетель, человеколюбивого или лживого, снисходительного и требовательного.

Последние пять глав «Лунь юя» заметно отличаются от первых пятнадцати. Как указывали многие исследователи, вполне вероятно, что они носят более поздний характер, и были записаны как результаты споров и дискуссий, развернувшихся вокруг духовного наследия Конфуция.

Скорее всего, эти пять глав, составленные позже остальных, носили «разъяснительный» и «внутришкольный» характер, они предназначались для подтверждения главенствующей роли некоторых учеников, чьи речения в основном и помещены в последних пяти главах. Сам же Конфуций теперь именуется не Кун-цзы, но в основном просто «цзы» – «мудрец» или «учитель», и это обращение без всяких дополнительных пояснений указывает ученикам, что речь идет именно об их учителе.

Очевидно, что в эти пять глав входит часть историй из жизни Учителя, которые носят характер апокрифов, не случайно они встречаются в некоторых других книгах, например, в «Чжуан-цзы» 19-я книга вообще целиком состоит из высказываний учеников Конфуция. В этой же книге появляется новый персонаж – Цзы-гун. Здесь ученики Конфуция уже сами наставляют, советуют, проповедуют. Они сами дают оценку людям в духе их Учителя – кого-то критикуют, про кого-то говорят, что «он не так плох, как считают ныне». Учитель же для них – личность абсолютно сакральная и запредельная. И самое главное – это высшая точка развития человеческих свойств. С ним «никто не может сравниться, как невозможно по лестнице вскарабкаться на небо» (XIX, 25), он «подобен солнцу и луне, а до них не подняться» (XIX, 24). 20-я глава на первый взгляд вообще лишена сквозной логики изложения и состоит всего лишь из трех пассажей. Причем первый из них представляет собой диалог между легендарными мудрецами прошлого Яо и Шунем, и некоторые фразы настолько мало связаны между собой, что у многих исследователей этот пассаж вызвал сомнение в его целостности.

В течение многих последующих веков образ и слова Конфуция многократно использовались самыми различными людьми – средневековыми комментаторами,

Конфуций Суждения и беседы filosoff.org
современными политиками, правителями. Его изначальная, чистая мысль оказалась глубоко погребена под комментариями и стереотипами, а образ мистика и духовного наставника постепенно превратился в дидактика-философа.

Кажется, он не записал и не оставил после себя того самого главного, потаенного, что хранил в своем сердце. Это очень личное – интимное настолько, насколько только может быть прямая беседа с духами предков, слушание голоса Неба. Но самое главное – он оставил после себя свой образ, свой мистический след, под знаком которого существует вся китайская цивилизация до сих пор.

Первый русский перевод «Лунь юя» П. Поповым

«Лунь юя» неоднократно переводился на русский язык – практически каждый известный специалист по древней истории Китая отдал дань уважения этому произведению. Переводился по-разному: текстуально-точно и эпически-масштабно, литературно-художественно и монотонно-школярски, целиком и отрывками. В этих переводах, как нигде, проступает весь сложный поиск путей понимания Западом, и прежде всего Россией, китайских реалий. Его пытались трактовать и через призму западных христианских терминов, разглядывая в Конфуции образ местного святого-духовника и стараясь обнаружить универсальные категории жизни человечества.

Дань слову Конфуция в разное время отдали такие известные российские китаеведы, как академик В. М. Алексеев, который впервые придал Конфуциеву слову обаяние наставлений живого учителя, В. А. Кривцов, Л. И. Головачева, И. И. Семененко. Самым полным переводом с сопоставлением всех версий и вариантов можно считать работу Л. С. Переломова – одного из самых значительных современных отечественных конфуциеведов.

Но первым всегда труднее всего – эта мысль в полной мере относится к Павлу Степановичу Попову (1842–1913), который впервые целиком переложил Конфуция на русский язык в начале XX в. Все, что есть в этом переводе, – и блестящие находки, и очевидные огрехи, и неотработанность понятийного аппарата, и явные попытки переложить слово Конфуция на язык православия – в полной мере отражает состояние российского китаеведения той эпохи. Его перевод Конфуция, озаглавленный «Лунь юя. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц», увидел свет в 1910 г.

Было бы неправильным, говоря о переводе «Лунь юя» П. Поповым, ограничиться лишь рассказом о самом переводчике, хотя жизнь и труды академика Попова достойны значительно более обширного изложения, нежели позволяют рамки настоящего очерка. Дабы понять сам язык перевода, нам придется сказать и несколько слов о характере российского китаеведения того времени.

Становление П. Попова проходило как становление классического русского китаеведа той эпохи. Сначала в 1859 г. он оканчивает Курское духовное училище, через семь лет – Курскую духовную семинарию. За его таланты, усидчивость и трудолюбие П. Попова направляют в Санкт-Петербургскую духовную Академию, что было весьма заметным признанием его заслуг. Но он уже тогда увлекается Востоком, знакомится с рассказами и записями российских православных священников, которым довелось побывать в Китае. Китай захватывает его необычностью и совсем иной культурой. П. Попов внезапно для всех оставляет Духовную Академию и поступает на Восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Восточный факультет в тот момент являлся центром подготовки российских востоковедов, и именно там складывалась российская востоковедческая школа, которая через пару десятков лет будет греметь по всему миру.

Он учится у Академика В. П. Васильева – одного из первопроходцев российской науки о Китае, который сам воспитывался в духовной миссии в Пекине, выстаивал молебны и выкраивал свободное время для изучения буддизма и конфуцианства. Именно от своего учителя Попов перенимает любовь к переводам китайских классических текстов, и, как полагают некоторые исследователи, известную небрежность в их переводах, попытку адаптировать под русское восприятие. Школа, сложившаяся вокруг В. П. Васильева, отличалась известным своеобразием. С одной стороны – сам Васильев, яркий, образованный; с другой стороны – нередко

негативное восприятие Китая как некоего «непроросшего Запада». Здесь мы вновь прибегнем к описанию В. М. Алексеева – трудно сказать точнее и ярче. Он так выразил суть школы В. Васильева: «Китайцы – народ «мудреный», но не «мудрый»; письменность заслоняет сущность, которая ничтожна; конфуцианцы в течение 2500 лет морочили Китай; буддизм и даосизм – тем паче; научиться китайскому языку нельзя, ибо сами китайцы своего языка не знают... кроме того, Китай – грандиозный и сплошной фальсификатор; ни к чему нельзя прикоснуться – все подделано, ненадежно (2, 97).

В 1870 г. П. Попов в звании кандидата оканчивает университет и его тотчас берет на работу Азиатский департамент МИД. Его сразу же направляют в Пекин сверхштатным студентом дипломатической миссии, через год переводят в «штатные студенты». Он быстро продвигается по дипломатической линии, уже через два года после приезда он становится вторым драгоманом (переводчиком и консультантом), а в 1877 г. – первым драгоманом. Наконец, в 1886 г. он становится Генеральным Консулом в Пекине и именно в этот период начинает заниматься переводами китайской классики, следуя в этом деле за своими предшественниками – стажерами Русской духовной миссии в Пекине (среди которых был некогда и сам В. Васильев).

Можно выделить несколько характерных черт становления русского китаеведения, отразившихся в карьере и творчестве П. Попова. Прежде всего, русское китаеведение носило очевидно прикладной характер – огромная общая граница с Китаем требовала от китаеведов не только отвлеченно-созерцательного изучения китайских древностей, но и решения конкретных политических и торговых вопросов.

Во-вторых, в сознании многих востоковедов происходил как бы надлом между уважительно-восхищенным отношением к китайской мудрости и жестко-прагматичной китайской политической реальностью, доходящей до цинизма. Китай выступал то как «мудрый», то как враждебно-непонятный. Он в любом случае не укладывался в привычные схемы, был слишком разнородным, дисперсным, чтобы найти ему аналог в измерениях западной религии и философии. Споры о характере китайской культуры шли постоянно (впрочем, не затихают они и до сих пор), китаисты разделились на две ярко выраженные группы, суть которых очень точно передал академик В. М. Алексеев в своей статье от 1935 г.:

«Так, у одних групп было отношение к Востоку как бы покровительственное. Восток был как бы обрабатываемым пациентом, к которому снисходит данный русский ученый. Эти группы считали себя как бы европейцами восточной контаминации и от Востока достаточно иммунизированными. Восток был материалом для переработки и перегонки в западные формы. Другие группы, наоборот, подвергались или, вернее, подвергали себя полной контаминации, становясь патриотами изучаемой страны, и считали знание языка вообще единственным мерилем всех научных ценностей... Вообще, отношение русских ученых к востоку и к изучающему его Западу было совершенно ненормальным» (2, 94).

В-третьих, это невыработанность самого научного аппарата, методов китаеведческой науки. Но Россия стремительно преодолевает такой разрыв. Если раньше всякие восточные дисциплины, например история Востока и восточные языки, преподавались как часть других наук, например истории или филологии, то с последней четверти XIX в. – это отдельная область знаний. И с этим положением было покончено открытием Восточного факультета в С.-Петербургском университете, за ним создаются другие востоковедческие центры, например Восточный институт во Владивостоке (ныне – часть Дальневосточного государственного университета), чьим первым ректором становится профессор С.-Петербургского университета Позднеев, а позже – Институт восточных языков в Москве (ныне – Институт стран Азии и Африки при МГУ). Оказалось, что само знание китайского языка, сколь бы блестящим оно ни было, не позволяет решить ни одной проблемы, связанной с Китаем, ни в области истории, ни в области экономики, ни в понимании российско-китайских отношений. А поэтому отныне – это отдельная наука, сочетающая и знания по истории, филологии, текстологии, этнологии, политике, экономике и многое, многое другое. Причем и востоковедение, и китаеведение как его часть не сводимы к совокупности этих наук, а сами являются отдельной наукой со своими методами. И сегодня введение в ряде российских университетов философии или истории «со знанием восточного языка» кажется непростительным анахронизмом, отбрасывающим науку более чем на столетие назад, вводящим в заблуждение студента. Понять что-либо в Китае лишь на основе знания китайского языка без дополнительных (а на самом деле – ключевых) навыков решительно невозможно, это – самообман.

Другая характерная черта – вечный поиск аналогов христианской культуры в Китае, сводимый нередко к попыткам обнаружить «каплю добра в языческом сознании». Российское китаеведение, пестуемое прежде всего в рамках православной Духовной миссии в Пекине, волей-неволей вынуждено было сопоставлять христианское мирозерцание с китайской духовной традицией. Изучение сводилось к сравнению и чаще либо к поиску недостатков, либо к оправданию существования «китайских религий» и традиций как неизбежности. И такое «сравнительное китаеведение» отбрасывало науку на много шагов назад.

Россия в тот момент безнадежно запаздывает в развитии научного китаеведения, и, казалось бы, Франция ушла в этом на десятилетия вперед. Там еще в 1814 г. было введено преподавание китайского языка в Коллеж де Франс – крупнейшем и престижнейшем парижском заведении, с 1841 г. вовсе преподается китайский язык в «Специальной школе живых восточных языков» в Париже, где готовили переводчиков, действует Азиатское общество, регулярно заслушивающее доклады о научных исследованиях и путешествиях по разным местам Китая, издается «Журнал Азиатик». Уже сделаны переводы различных китайских текстов (впрочем, качество некоторых было весьма прискорбным), подготовлены полноценные университетские курсы для будущих синологов. Россия же только начинала – В. Васильев и П. Попов. В известной степени им повезло – они мало интересовались французскими работами, и в этом плане сам Попов был человеком нелюбопытным и вполне самодостаточным. Именно это как спасает его от французского влияния, так и не позволяет в полной мере использовать уже накопленный опыт. Переводы его получаются немного детскими, адаптированными для русского сознания почти так, как сложную книгу классика переписывают для детей.

Востоковедение и его раздел китаеведение есть отдельная наука со своими методами и способами исследования. Причем наука эта привязана не столько к специфике самого Китая, сколько к особым комплексным методам, применяемым для его изучения – ведь науку определяет не характер материала, но именно метод. И этот метод выработывался как раз в конце XIX–XX вв. Это касалось как изучения китайских «древностей», религий, традиций, искусства, так и современного Китая, его политики, экономики, социальных основ. Первые переводы китайских текстов были слишком небрежны. Первый принцип в этом ремесле – уровень знаний переводчика должен соответствовать характеру текста, причем здесь речь идет не о самом знании китайского языка, не только о возможности «технически» переводить фразы, но через перевод безошибочно обнажать мысль древнего автора, не подменяя ее своими домыслами. Это особое умение практически дар, доступный немногим. И нередко сегодня авторский текст древнего конфуцианца, даосского мастера или духовного наставника просто подвергается столь грубой «авторизации», что вместо него читатель получает лишь «красивости», россыпь изящных выражений и смысл, который никогда не подразумевался самим автором. Как в XIX в., так и сегодня нередко даже среди известных китаеведов встречаются образцы переводов, сводимых скорее к эссеистике, научной журналистике, но никак не к серьезному исследованию.

Если переведенный текст кажется читателю излишне «темным», ввергающим в недоумение, вызывающим раздражение нелепостями, то скорее всего не стоит винить китайского классика, скорее всего переводчик облегчил себе жизнь, сделал технический подстрочник.

П. Попов взялся за дело, чрезвычайно сложное для того времени, – он составил полные переводы с комментариями Конфуция и Мэн-цзы, что было, безусловно, немалым подвигом для того времени. И, тем не менее, переводы П. Попова вызвали немалую критику – то за небрежность, то за «отсебятину», то за схематичность изложения смысла. В. М. Алексеев вообще считал, что для П. Попова «переводы классиков не были делом его жизни, почти обывательское предприятие», он «просто отбояривался, а не решал задачу» (2, 60). В. Алексеев вообще жесток, а порой и откровенно жесток как по отношению к трудам своих предшественников, так и в отношении способностей своих учеников, но он стремится сделать новое китаеведение – выверенное, дающее точную картину китайской действительности, без привнесений западного или православного мирозерцания. Порою он забывает, что П. Попов лишь начинал прокладывать тот путь, по которому должны пойти люди, способные сделать больше и лучше, чем он сам. Основная задача того времени – перевод текстов и составление словарей, дабы просто «осмотреться» в китайской реальности. Еще нет ни рычагов, ни методов адекватного перевода, еще не выработан лексикон таких переводов, и можно использовать только язык христианизированный (и как следствие – мало подходящих понятий). Еще нет

китаеведения как науки, и П. Попов был одним из тех, кто создавал ее методы.

Одна из основных проблем китаеведения того времени – отсутствие полноценных словарей, которые сравнительно точно могли бы передать не только механический перевод, но и смысл китайских слов. Они нужны дипломатам, ученым, студентам – и Попов принимается за составление такого словаря. Словарь был завершен в 1879 г., став одним из самых заметных достижений русского китаеведения последней четверти XIX в.

Востоковедение вообще и китаеведение в частности – наука достаточно поздняя, если сравнивать ее с изучением западной культуры или греко-римской античности. Но китаеведение развивалось столь стремительно, что многие труды, которые заложили основу русского китаеведения, уже через пару десятков лет могли казаться бесконечно наивными, если не сказать профанирующими саму восточную действительность. Так случилось еще с одним важнейшим трудом П. Попова. В 1888 г. издается китайско-русский словарь, основу которого составил член русской духовной миссии Палладий (П. Кафаров). Этот словарь вошел в обиход как «Китайско-русский словарь П. Кафарова и П. Попова», и на нем возросло целое поколение востоковедов. Но в 30-х гг. академик В. М. Алексеев, сам учившийся у В. Попова, пишет достаточно жесткие слова о том, что этот словарь «не выдерживал никакой критики по сравнению с большими греческо-русскими словарями того времени... Про издания классических текстов я уже не говорю». Сам же В. Алексеев столь невысоко ценил, по его словам, от «удушения которым я спасся только за границей».

Из Китая Попов возвращается уже с первыми черновыми переводами Конфуция и Мэн-цзы. В 1902 г. его принимают на должность приват-доцента Санкт-Петербургского университета – он возвращается в свою родную школу. Здесь он преподает китайский язык. В 1890 г. П. Попова избирают членом-корреспондентом С.-Петербургской Академии Наук. Он публикует статьи в журнале «Вестник Европы» – многочисленные очерки о Китае, заметки о реформаторском движении конца XIX в., о китайских философах.

Перевод «Лунь юя» для П. Попова, равно как и для всего русского китаеведения, становится важнейшим событием. Прежде всего он оказывается во многих пассажах достаточно точен, если учитывать его пионерский характер – теперь по нему можно обучать студентов-востоковедов и демонстрировать русской читающей публике китайскую духовную традицию. Уже позже его критиковали за некий примитивизм и нелепости, забывая о том, что именно П. Попов прокладывал дорогу более утонченным трудам.

Он уже обнаружил ключ к пониманию трактовки Конфуция, хотя и не воспользовался им до конца, так и не будучи в состоянии подобрать точные определения из русского языка. П. Попов опирается на комментарии неоконфуцианца Чжу Си, сделанные к «Лунь юю» и ставшие классической формой понимания смысла Конфуциева слова как для переводчиков, так и для самих китайцев.

Некоторые несообразности перевода П. Попова порою делают из Конфуция гротескный образ несколько странноватого старца. Например, П. Попов комично переводит: «Во время грозы и бури он непременно менялся в лице. Мало того, если это было ночью, то он вставал, одевался в парадное платье, так и сидел дураком» (X, 25). В действительности же подразумевается, что тем самым Конфуций высказывал благоговейный страх перед возмущенным Небом. У П. Попова действуют «волхвы» и другие необычные для Китая персонажи.

В его понимании Конфуций проповедует в духе христианских добродетелей. Попов вообще стремится не столько подыскивать новые слова для перевода китайских понятий, сколько сводит их к известным русским определениям. Причем делает в ряде случаев это настолько точно, что его нововведения закрепляются в науке перевода на века. Например, он одним из первых предлагает переводить термин синь (дословно «сердце» – совокупность духовных и психических свойств человека) не только термином «сердце», он и «душа». Впрочем, это сразу придает западнохристианский оттенок синь, и многим европейским и русским комментаторам текстов приходится каждый раз пояснять разницу между русским «душа» и китайским «синь», не имеющим отношения к «духовности», к существованию вне тела, к «пребыванию в Боге» и т. д.

Именно через христианское понимание – и здесь огромную роль играет его духовная

подготовка – Попов пытается переложить Конфуция на русский язык. У него образованный человек, например, «из уважения к достойным людям отказывается от похотей» (см. у Л. Переломова: «Не придает большого значения внешности», I, 6). У него действуют «деревенские смиренники – враги добродетели» (XVII, 13) (ср. Л. Переломов: «Безразличие к ложному и хорошему – враг добродетели»).

Можно, разумеется, долго и успешно выискивать несуразности в переводе П. Попова, но не стоит забывать главного – он был одним из первых переводчиков Конфуция вообще. Будучи переводчиком, он не мог не явиться его толкователем, причем толковал в тех рамках, в которых вообще мыслило тогда российское китаеведение. Его перевод «Лунь юя» – безусловно, важнейшая веха русского китаеведения. И уже поэтому он достоин самого тщательного прочтения.

Глава I. Не приятно ли учиться...

1. Философ сказал: «Не приятно ли учиться и постоянно упражняться? Не приятно ли встретиться с другом, возвратившимся из далеких стран? Не тот ли благородный муж, кто не гневается, что он не известен другим?»

Все люди по природе добры, но одни из них прозрели раньше, а другие позже, поэтому позже прозревшие только при обязательном условии подражания знаниям и поступкам прежде прозревших могут очистить свою природу и вернуть ей ее первобытные совершенства.

2. Ю-цзы сказал: «Редко бывает, чтобы человек, отличающийся сыновнею почтительностью и братскою любовью, любил бы восставать против старших, и никогда не бывает, чтобы тот, кто не любит восставать против высших, захотел произвести возмущение. Совершенный муж сосредоточивает свои силы на основах; коль скоро положены основы, то являются и законы для деятельности. Сыновняя почтительность и братская любовь – это корень гуманности».

Ю-цзы – ученик Конфуция по имени Жо, отличавшийся сыновней почтительностью и братскою любовью.

Гуманность – это закон любви и свойство человеческого сердца, а послушание и братская любовь – это ее проявления.

3. Философ сказал: «В хитрых речах и во вкрадчивом выражении лица редко встречается гуманность».

4. Цзэн-цзы сказал: «Я ежедневно исследую себя в трех отношениях: обдумывая что-либо для других, был ли я предан им, был ли искренен в отношениях с друзьями и усвоил ли я то, что было преподано мне Учителем».

Цзэн-цзы – ученик Конфуция по имени Шэнь, по прозвищу Цзы-юй. Между другими учениками Конфуция Цзэн-цзы отличался сосредоточенностью и потому верно передавал то, что им было усвоено от Конфуция. Жаль, что его прекрасные изречения и хорошие поступки не все сделались достоянием потомства. Этот параграф может быть переведен еще и так: «Обдумывая что-либо для других, быть может, я не был предан их интересам» и т. д.

5. Философ сказал: «При управлении княжеством, имеющим тысячу колесниц, необходимы постоянное внимание к делам и искренность в отношении к народу, умеренность в расходах и любовь к народу с своевременным употреблением его на работы».

По мнению Чэн-цзы, блестящее правление Яо и Шуня заключалось только в осуществлении в полной мере этих пяти принципов.

6. Философ сказал: «Молодежь дома должна быть почтительна к родителям, вне дома – уважительна к старшим, отличать осторожностью и искренностью (правдивостью),

обильною любовью ко всем и сближаться с людьми гуманными. Если по исполнении сего останется свободное время, то посвящать его учению».

7. Цзы-ся сказал: «Если кто из уважения к людям достойным отказывается от похоти, служит родителям до истощения сил, государю – до самопожертвования и в сношениях с друзьями честен в своих словах, то я, конечно, назову такого ученым, хотя бы другие признали его невежей».

Цзы-ся – ученик Конфуция по фамилии Бу, по имени Шан.

8. Учитель сказал: «Если совершенный муж (цзюнь-цзы) не солиден, то он не будет вызывать уважения к себе в других, и знание его не будет прочно. Поэтому поставь себе за главное преданность и искренность; не дружись с людьми, которые хуже тебя; если ошибся, не бойся исправиться».

9. Цэн-цзы сказал: «Если мы будем рачительны в отдаении последнего долга родителям и будем вспоминать (т. е. приносить жертвы и проч.) об отшедших, то народная нравственность улучшится».

10. Цзы-цинъ спросил у Цзы-гуна: «Философ, прибыв в известное государство, непременно собирал сведения об его управлении. Домогался ли он этого, или же ему сообщали их?» Цзы-гун отвечал: «Философ приобретал их благодаря своей любезности, прямоте, почтительности, скромности и уступчивости. Не отличался ли его способ собирания их от способа других людей?»

Цзы-цинъ, по фамилии Чэн, по имени Кан, а Цзы-гун, по фамилии Дуан-му, по имени Цы, вэйский уроженец, – оба ученики Конфуция. Другие полагают, что Цзы-цинъ был учеником Цзы-гуна.

11. Философ сказал: «Кто при жизни отца всматривался в его намерения, а по смерти смотрит на его деяния и в течение трех лет не изменяет порядков, заведенных отцом, того можно назвать почтительным».

Несмотря на прямой и вполне согласный с китайской моралью смысл этого параграфа, переданный и нами, некоторые толкователи с Чжу-си во главе придают ему совершенно другой смысл, а именно: «при жизни отца смотри на направление воли сына, а по смерти его – на его поступки». Такое толкование не согласуется и с последующей фразой о неизменении в течение трех лет порядка, т. е. образа деятельности отца, если слово «деяния» мы будем относить к сыну, а не к отцу.

12. Ю-цзы сказал: «В приложении церемоний (житейских правил) дорога естественная непринужденность, которая в правилах древних царей признавалась превосходной вещью и которой следовали и в малых и в больших делах. Но бывают случаи, что и она не действует, ибо знать только, что она дорога, и ограничиваться ею одною, не регулируя ее церемониями, также невозможно».

Смысл этой довольно-таки темной тирады заключается в том, что церемонии или правила, определяющие всю деятельность человека, не должны нарушать естественной непринужденности; но, с другой стороны, и эта последняя, чтобы не сделаться разнузданностью, должна регулироваться первыми. По толкованию Чэн-цзы между церемониями, или житейскими правилами, и гармонией, или естественной непринужденностью, должно существовать полное равновесие без малейшего преобладания, и тогда только деятельность человека будет следовать правильным путем.

13. Ю-цзы сказал: «Если условие согласно со справедливостью, то сказанное можно исполнить. Почтение, если оно согласуется с нормою, избавляет нас от срама. Если тот, на кого опираются, заслуживает сближения с ним, то его можно взять в руководители».

Чем раскаиваться впоследствии, не лучше ли быть осторожным вначале – это общий смысл настоящего параграфа.

14. Философ сказал: «О том благородном муже, который в еде не заботится о насыщении, в жилище не ищет комфорта, быстр в деятельности, осторожен в речах и обращается для исправления себя к людям нравственным, можно сказать, что любит учиться».

Стремление к Учению, поглощающее все внимание благородного мужа, не оставляет ему досуга думать о таких мелочах, как пища и комфорт.

15. Цзы-гун спросил: «Что вы скажете о человеке, который в бедности не пресмыкается, в богатстве не заносится?» философ ответил: «Годится, но он ниже того, который в бедности весел, а в богатстве благопристойен». Цзы-гун сказал: «В „Ши-цзине“ сказано: „Как будто обтесана и обточена (слоновая кость), как будто огранена и отшлифована (яшма)“. Так вот, что это значит!» философ сказал: «Цы, теперь с тобой можно толковать о „Ши-цзине“, потому что скажешь тебе о прошедшем, а ты знаешь и будущее».

Изречение «Ши-цзина» приведено Цзы-гуном в объяснение того, что он понял мысль своего Учителя, что путь совершенствования бесконечен.

16. Философ сказал: «Не беспокойся о том, что тебя люди не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей».

Глава II. Кто управляет

1. Философ сказал: «Кто управляет при помощи добродетели, того можно уподобить северной Полярной Звезде, которая пребывает на своем месте, а остальные звезды с почтением окружают ее».

Это символ правителя, украшенного всеми добродетелями, влияние которого настолько преобразило народ в смысле нравственного совершенства, что он сам, без всяких понуждений охотно исполняет свои обязанности, так что правителю не остается ничего делать.

2. Философ сказал: «Ши-цзин» хотя и состоит из 300 песен, но они могут быть объяты одним выражением: «Не имей превратных мыслей!».

По мнению Чэн-цзы, это может быть выражено одним словом: «искренность».

3. Философ сказал: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться».

В первом случае народ будет исполнять предписания закона из страха наказания, а не по сознанию нравственного безобразия преследуемых им явлений, которое вызывало бы в нем чувство стыда и отвращения и искоренило злую волю. Во втором же случае у него является отвращение к пороку как явлению, противному его природе, врожденной ему идее добра, и чувство стыда пред совершением его. По мнению китайцев, законы – это орудие установления порядка, а наказания – вспомогательные для этого средства.

4. Философ сказал: «В 15 лет у меня явилась охота к учению; в 30 лет я уже установился; в 40 лет у меня не было сомнений; в 50 лет я знал волю Неба; в 60 лет мой слух был открыт для немедленного восприятия истины; а в 70 лет я следовал влечениям своего сердца, не преходя должной меры».

Под именем воли Неба разумеются небесные законы, разлитые во Вселенной, присущие каждой вещи, каждому явлению и определяющие его деятельность. С полным познанием и совершенным усвоением этих законов, или, выражаясь другими словами, мировой

истины, слух человека делается немедленным, непосредственным и покорным проводником ее. Это есть высшая степень знания. В 70 лет человек достигает полного равновесия, той желанной для конфуцианиста середины, которая исключает возможность уклонений, и потому ему нет необходимости напрягать усилия для того, чтобы действия его были правильны, они сами по себе свободно правильны: при таком состоянии он, конечно, может следовать влечениям своего сердца без опасения, что оно увлечет его на недолжный путь.

В древности в 15 лет начинали великое учение, т. е. приступали к изучению этико-философских принципов, необходимых для взрослых.

5. На вопрос Мэн-и-цзы, в чем состоит сыновья почтительность, философ ответил: «В непротивлении (послушании)». Когда фань-чи вез философа, тот сказал ему: «Мэнь-сунь спросил меня, в чем состоит почтительность, и я отвечал ему: в непротивлении». Фань-чи сказал: «Что это значит?» философ сказал: «Когда родители живы, служить им по правилам, когда они умрут, похоронить их по правилам и по правилам приносить им жертвы».

Мэн-и-цзы – луский вельможа Чжун Сунь-ши по имени Хэ-цзи. Фань-чи – ученик Конфуция по имени Сюй, луский уроженец, бывший у него кучером.

6. Мэн-у-бо спросил Конфуция о сыновней почтительности. философ сказал: «Отец и мать беспокоятся только о том, не болен ли их сын».

Если сын проникнется этим и будет платить им взаимностью, то он без сомнения будет осторожен во всем том, что касается соблюдения себя.

Мэн-у-бо – сын Мэн-и-цзы по имени Чжи.

7. На вопрос Цзы-ю о почтительности философ сказал: «Современная почтительность к родителям означает быть в состоянии кормить их; но ведь собаки и лошади также получают пропитание. При отсутствии почтительности чем же будет различаться кормление родителей от кормления собак и лошадей?»

Цзы-ю – ученик Конфуция по фамилии Янь, по имени Янь.

8. На вопрос Цзы-ся о почтительности философ сказал: «В этом случае трудность заключается в выражении лица (т. е. в том, чтобы постоянно иметь веселый, довольный вид). А что младшие братья и дети будут брать на себя заботы о делах, будут угощать родителей и старших братьев вином и кушаньем, то разве это можно считать сыновней почтительностью?»

9. философ сказал: «Я разговариваю с Хуэем целый день, и он не возражает, как будто совершенно глуп; но когда после его ухода я вникаю в его частную жизнь, то нахожу, что он в состоянии уяснить мое Учение. Хуэй неглуп».

Хуэй – ученик Конфуция по фамилии Янь, по прозвищу Цзы-юань, луский уроженец.

10. философ сказал: «Где может укрыться человек, где он сможет укрыться, если мы будем обращать внимание на его деятельность, всматриваться в его побуждения и вникать в то, что ему доставляет удовольствие?»

11. философ сказал: «Кто повторит старое и узнает новое, тот может быть руководителем для других».

Постоянное упражнение в старом не заключается только в простом повторении старого, потому что это было бы мертвое знание, а в развитии начал, заключающихся в нем, и в расширении прежде приобретенного, т. е. старого, путем аналогии; такое знание будет постоянно живым и деятельным знанием, а не мертвым капиталом. Другими словами, старые знания служат канвою, основанием для новых, дальнейших. Видно ли здесь начало застоя? Без постоянного повторения можно опасаться, что старое знание забудется, и таким образом, не будет почвы (опоры) для приобретения новых знаний.

12. Философ сказал: «Благородный муж не есть оружие, годное только для одного какого-либо употребления».

Каждое орудие имеет свое специальное назначение; но человек, достигший нравственного совершенства, обладая всеми совершенствами, пригоден на все.

13. Цзы-гун спросил: «Кто есть благородный муж?» философ сказал: «Тот, который сначала действует, а потом говорит».

Другой перевод: «Тот, у которого дело предшествует слову».

14. Философ сказал: «Благородный муж заботится об общих, а не о партийных интересах, а низкий человек, наоборот, заботится о партийных, а не об общих интересах».

Другой перевод: «Благородный муж универсален, но не партиен, а низкий человек партиен, но не универсален».

По толкованию, оба одинаково проникнуты чувствами любви и расположения к людям, и вся разница заключается в том, что первый распространяет эти чувства на всех, а второй только на своих присных, на свой кружок.

15. Философ сказал: «Учение без размышления бесполезно, но и размышление без учения опасно».

По мнению Чэн-цзы, для учения необходимо много учиться, вникать и расспрашивать, тщательно размышлять, ясно различать и с твердостью осуществлять приобретенное путем учения на практике.

16. Философ сказал: «Исключительное занятие чуждыми учениями может только приносить вред».

17. Философ сказал: «Ю, научить ли тебя Знанию? Что знаешь, то и считай, что знаешь; чего не знаешь, то и считай, что не знаешь – вот это и будет Знание».

Ю – ученик Конфуция по фамилии Чжун, по имени Цзы-лу, отличавшийся храбростью.

18. Цзы-чжан учился с целью добиться жалованья. По этому поводу философ сказал: «Много слушать и оставлять в стороне сомнительное, а о прочем говорить осторожно, – тогда будет мало обвинений; много наблюдать и оставлять в стороне опасное, а в остальном действовать осторожно, – тогда будет мало поводов к раскаянию; а если из-за речей будет мало обвинений, а в действиях – мало поводов к раскаянию, то здесь будет и жалованье».

Цзы-чжан – ученик Конфуция по фамилии Чжуань-сунь, по имени Ши.

Общий смысл параграфа тот, что осторожность в словах и поступках служит верным средством к получению жалованья. Это аксиома, не потерявшая значения и в настоящее время.

19. Ай-гун спросил: «Что нужно сделать, чтобы народ был покорен?» философ отвечал: «Если возвышать прямых людей и устранять бесчестных, то народ будет покорен; если же возвышать бесчестных и устранять прямых людей, то он не будет покорен».

Ай-гун – луский князь по имени Цзян.

20. На вопрос Ци Кан-цзы, как заставить народ быть почтительным и преданным, чтобы побудить его к добру, философ отвечал: «Управляй им с достоинством, и он

будет почтителен; почитай своих родителей и будь милостив, и он будет предан; возвышай добрых и наставляй неспособных, и он устремится к добру».

Цзи Кан-цзы – луский вельможа из фамилии Цзи-Сунь по имени Фэй.

21. Некто, обратясь к Конфуцию, спросил: «Почему Вы не служите?» философ сказал: «Что сказано в „Шу-цзине“ о сыновней почтительности [Государя Чэня]? „Он был всегда почтителен к родителям, дружен с братьями и распространял это на управляемых (т. е. домашних“, это и будет служба. Почему же только занятие известного поста следует считать службой?»

22. Философ сказал: «Я не думаю, чтобы неискренний человек был годен к чему-либо. Каким образом может двигаться большая телега без перекладки для постромок или малая телега без ярма?»

23. Цзы-чжан спросил: «Можно ли наперед знать, что будет в последующие десять поколений?» философ сказал: «Династия Инь руководствовалась сяскими правилами, и что было в них убавлено или прибавлено, можно знать; династия Чжоу пользовалась иньскими правилами, прибавления и убавления в которых также можно знать. Если бы случилось так, что чжоускую династию сменила бы другая, то далее и на сто поколений вперед можно было бы узнать, что будет».

Конфуций проповедовал неизменность основных нравственных принципов, а не институтов и узаконений, на них основанных.

24. Философ сказал: «Приносить жертвы чужим пенатам – это значит выслуживаться. Сознать долг и не исполнять его – это трусость».

Глава III. Восемь рядов

1. Конфуций отозвался о фамилии Цзи, у которой было 8 рядов танцоров, танцевавших во дворце, что, если у нее на это хватило присутствия духа, то на что у нее не хватит его?

У императора было 8 рядов танцоров по 8 человек в каждом, у удельных князей – 6 по 6 человек в каждом, у вельможи – 4 по 4 человека в ряду, а у простого чиновника – 2 ряда по 2 человека в каждом. Таким образом вельможи этой фамилии предвосхитили привилегии императоров.

2. Три фамилии убрали жертвенные сосуды при звуках песни «Юн» (привилегия императора). Философ сказал: «При царских жертвах сопредсутствуют князья, сам император дышит величием». Какой же смысл употреблять эту песнь в храме трех фамилий?»

Под именем трех знаменитых фамилий разумеются три луских вельможи: Мэн-сунь, Чжун-сунь и Цзи-сунь.

3. Философ сказал: «Если человек негуманен, то что толку в церемониях? Если человек негуманен, то что толку в музыке?»

Чэн-цзы говорит: «Гуманность – это истинный Небесный закон, и когда он утрачен, тогда нет ни порядка, ни гармонии; а когда их нет, то для чего же нужны правила и музыка?»

4. Линь-фан спросил о сущности (основе) церемоний. Философ сказал: «Как велик этот вопрос! В соблюдении церемоний лучше быть скромным, а в исполнении траурных церемоний лучше проявлять скорбь, чем благолепие».

5. Философ сказал: «У восточных и северных варваров есть правители, не то что в

Китае, где их нет».

6. Перед отправлением вельможи Цзи на гору Тай-шань для принесения жертвы философ, обратившись к Жань-ю, сказал: «Не можешь ли ты переубедить его?» Тот ответил: «Не могу». Тогда философ сказал: «Увы! Ужели дух горы Тай-шань хуже Линь-фана?»

Принесение жертв знаменитым горам и рекам составляло привилегию императоров. Впрочем, и удельные князья пользовались правом принесения жертв духам известных гор и рек, но только лежащих на территории их владений. Таким образом, принесение жертвы духу горы Тай-шань, лежавшей в пределах княжества Лу, вельможею Цзи было предвосхищением прав луского князя.

7. философ сказал: «Благородный муж ни в чем не состязается, а если уж необходимо, то разве в стрельбе; но и в этом случае он поднимается в зал, приветствуя своих соперников и уступая им, а спустившись, – пьет чару вина. И в этом состязании он остается благородным мужем».

Состязающиеся в стрельбе в составе трех пар вступают на арену, которую служит галерея, попарно, делая друг другу три приветствия и стараясь выразить знаки взаимной уступчивости. По окончании состязания они спускаются все вместе; победитель делает приветствие побежденным и пьет чару вина.

8. Цзы-ся спросил: «Что значит стих „Ши-цзина“: „Прелестна ее лукавая улыбка, выразительны ее прекрасные очи, словно разрисованные по грунту?“ философ сказал: „Разрисовка производится после грунтовок“. „В таком случае и церемонии отходят на задний план“, – сказал Цзы-ся. философ сказал: „Понимающий меня – это Шан (Цзы-ся), с которым только и можно говорить о «Ши-цзине»“.

Смысл этого разговора заключается в том, что как в живописи грунт является основой для рисования, так и преданность и искренность являются основами, сущностью церемоний или правил, определяющих жизнь человека, которые поэтому, как наружное проявление этих принципов, занимают второстепенное место.

9. философ сказал: «О сяских церемониях (правилах жизни) я мог бы говорить, но дело в том, что удел Ци не дает для этого достаточных данных; мог бы я говорить и об иньских церемониях, но сунский удел не дает для этого достаточных данных, по недостатку записей и творений мудрых людей; если бы их было достаточно, то я мог бы сослаться на них».

Циские князья происходили от Юй'я, а Сунские – от династии Инь, и таким образом они являлись хранителями старых уставов и правил, но у них Конфуций не находит достаточных данных.

10. философ сказал: «При великих жертвоприношениях царственному предку и праотцам его, после того, как совершено возлияние ароматного вина, у меня уже нет охоты продолжать смотреть».

По совершении возлияния, которое совершалось в начале жертвоприношения для вызывания духов и с достаточным благоговением, остальная часть обряда совершалась небрежно, и потому Конфуций как строгий ритуалист не хотел присутствовать при этом.

11. Некто спросил о значении великого жертвоприношения предку и праотцам его. философ ответил: «Я не знаю, но кто знал бы его значение, для того управление Вселенной было бы так же легко, как показать это», – и при этом он указал на ладонь.

Так как в этом обряде выражается память об отдаленных усопших, которая, говорят толкователи, возможна только для людей, достигших высшей степени гуманности, сыновней почтительности, искренности и уважения, то естественно, что для лица, обладающего такими нравственными совершенствами, и притом в такой высокой степени, управление патриархальным Китаем было бы делом весьма легким.

12. Приноси жертву предкам с таким благоговением, как будто бы они сами присутствуют здесь. Приноси жертву духам, как будто бы духи присутствуют при этом.

Философ сказал: «Если я не участвую лично в жертво-приношениях, то это как будто я не приносил их вовсе».

Чэн-цзы говорит: «Я полагаю, что эти слова записаны были учениками Конфуция как выражение того, с каким почтением (искренностью) он относился к жертвам. А между прочим, мы прибавим, что когда у него спрашивали о духах или загробном мире, то он отзывался неведением».

13. Ван-Сун-цзя спросил: «Правда ли то, что говорят: „Лучше угождать духу домашнего очага, чем духу юго-западного угла комнаты“?» Философ сказал: «Неправда. Если оскорбишь Небо, то некому будет молиться».

В числе жертвоприношений пяти духам – духу дверей в начале весны, духу центра комнаты в середине лета, духу ворот осенью, духу дороги зимой – мы находим жертву духу домашнего очага, которому она приносилась в начале лета. Для этого табличка с именем духа очага ставилась на загниет; по окончании жертвоприношения предложения переносились в юго-западный почетный угол навстречу лицу, изображавшему духа очага. Таким образом, главенство в жертвоприношении, несмотря на почетное положение юго-западного угла, принадлежит такому низкому месту, как очаг, так как в это время он является заправителем дела. Ван Сун-цзя хотел этим примером сказать, что Конфуцию было бы выгоднее угождать ему, всесильному вельможе, временщику, чем бессильному князю. Ван Сун-цзя был вэйским вельможей.

14. Философ сказал: «Династия Чжоу почерпнула для себя образцы из двух династий, и поэтому так прекрасны ее правила. Я намерен следовать им».

15. Философ, войдя в храм предков, спрашивал о каждой вещи. Тогда некто сказал: «Кто говорит, что сын цзоуского уроженца знает церемонии? Вступил в Великий храм и расспрашивает о каждой вещи!» Услышав это, Конфуций сказал: «Это-то и есть правило вежливости».

Цзоу – название города в луском княжестве, правителем которого был отец Конфуция Шу-лян-хэ.

16. Философ сказал: «При стрельбе из лука суть дела не в том, чтобы попасть в центр мишени, а чтобы вообще попасть в мишень, потому что силы не у всех одинаковы. Это древнее правило состязания».

В древности стрельба из лука служила для воспитания духа и для проявления искусства, а не силы; а потому в состязательной стрельбе вся суть заключалась не в том, чтобы пронизать центр мишени, что составляет дело силы, а только попасть в цель, что есть дело искусства. В смутный период уделов, эпоху всеобщей борьбы от стрельбы уже требовалось не только искусство, но и сила.

17. Цзы-гун хотел отменить принесение в жертву живого барана при объявлении в храме предков о наступлении первых чисел каждого месяца. На это философ заметил: «Цы жаль барана, а мне жаль церемоний».

В древности император при наступлении зимнего поворота рассылал вассальным князьям календарь с обозначением первых чисел каждого месяца наступающего года. Князья хранили его в храме предков и первого числа каждого месяца, принося в жертву предкам живого барана, испрашивали у них разрешения на обнаружение календаря.

18. Философ сказал: «Служение Государю с соблюдением всех правил люди признают за лесть».

19. Князь Дин-гун спросил: «Как Государь должен обходиться с чиновниками и как

последние должны служить Государю?» Философ ответил: «Государь должен обходиться с чиновниками вежливо, а чиновники должны служить ему с преданностью».

Дин-гун – луский князь по имени Сун.

20. Философ сказал: «Песнь „Гуань-цзюй“ выражает веселье без излишества и печаль, не переходящую в сокрушение».

«Гуань-цзюй», так называется первая песнь «Ши-цзина» из главы «Нравы царств». Песня эта, говорят, относится к жене Вэнь-вана, обладавшей всеми совершенствами прекрасного пола.

21. Ай-гун спросил Цзай-во относительно жертвенника духу – покровителю Земли. Цзай-во отвечал: «Сяские государи обсаживали жертвенники соснами, иньские – кипарисами, а чжоуские – каштанами, чтобы заставить народ трепетать». Услышав об этом, философ сказал: «Когда дело сделано, нечего говорить о нем, делу дан ход, нечего соваться с увещаниями и за прошлое нечего винить».

Эти самые деревья служили олицетворением духа земли, который будто бы вселялся в них, как ныне, например, люди называют какое-нибудь дерево святым.

фраза «чтобы заставить народ трепетать», сама по себе непонятная, объясняется тем, что знак ли, «каштан», в то же время имеет значение «трепетать», и потому чжоусцы, сажая в ограде жертвенника земли каштаны, как бы имели целью внушить трепет народу. И действительно это было страшное место, потому что в древности здесь казнили заслушание царских приказаний; во время походов возили с собою дщицу, представлявшую духа Земли, и перед нею казнили ослушников.

Цзай-во – ученик Конфуция по имени Юй, луский уроженец.

22. Конфуций сказал: «Гуань-чжун – малоспособный человек!» Некто сказал: «Правда ли, что Гуань-чжун экономен?» На это последовал ответ: «У него был бельведер с тремя входами и разные должности не соединялись в одном лице; как же его можно назвать экономным?» Некто вновь спросил: «В таком случае он, может быть, знает церемонии?» На это Конфуций ответил: «У владетельного князя поставлен перед воротами щит, и Гуань-чжун также поставил у себя перед воротами щит; у владетельного князя есть подставка (буфет) для опрокидывания чарок при дружеском свидании двух государей, Гуань-чжун также устроил такую же подставку. Если он знает церемонии, то кто же тогда их не знает?»

Гуань-чжун (во 2-й полов. 7 ст. до Р.Х.) – циский вельможа по имени И-у, который содействовал цискому князю Хуаню в приобретении первенствующего положения между всеми удельными князьями. Все эти насмешки Конфуция над Гуань-чжуном объясняются тем, что он не был поклонником его доктринерства и, конечно, Гуань-чжун был в его глазах человеком узких взглядов.

23. Философ, объясняя музыку главному лускому капельмейстеру, сказал: «Музыку, ее можно знать: сначала настраивают инструменты, затем звуки должны быть гармоничны, отчетливы и литься непрерывно до окончания пьесы».

24. Пограничный чиновник города И просил дозволения представиться Конфуцию, говоря: «Всякий раз, как благородный муж жаловал сюда, я никогда не лишался возможности видеть его». Ученики Конфуция ввели чиновника. По удалении его Конфуций сказал: «Дети мои, чего вы беспокоитесь, что я потерял место? Империя давно уже находится в беспорядке, и Небо хочет, чтобы ваш Учитель был колоколом с деревянным языком (провозвестником истины)».

Факт этот, говорят, относится к тому времени, когда Конфуций, потеряв место президента Уголовной палаты в уделе Лу, удалился оттуда.

25. Философ отозвался о музыке Шао (Шуня), что она вполне прекрасна и вполне нравственна, а о музыке У-вана, что она вполне прекрасна, но не вполне нравственна.

Такая разница в характеристике музыки Шуня и У-вана обуславливается тем, что первый получил престол мирным путем посредством уступки его Яо и является идеалом мирного государя, тогда как У-ван достиг его силою оружия и является идеалом воинственного государя.

26. Философ сказал: «Когда правитель не великодушен, в исполнении церемоний невнимателен и во время траура не выражает скорби, то где же у меня критерий для суждения о его деятельности?»

Глава IV. Прекрасна та деревня...

1. Философ сказал: «Прекрасна та деревня, в которой господствует любовь. Если при выборе места мы не будем селиться там, где царит любовь, то откуда можем набраться ума?»

2. Философ сказал: «Человек, не имеющий любви, не может долго выносить бедность и не может постоянно пребывать в радости. Человеколюбивый находит спокойствие в любви, а мудрый находит в ней выгоду».

В первом случае человеколюбие отождествляется с человеком; я – это человеколюбие, человек это – я, а во втором оно раздваивается, т. е. сердце человека и человеколюбие не составляют одного целого. Впрочем, тот и другой исполняют требования человеколюбия, но первый побуждается к этому самим же человеколюбием, а второй – выгодой.

3. Философ сказал: «Только гуманист может любить людей и ненавидеть их».

Такое право приобретается им в силу того, что только он обладает полнейшим беспристрастием, бескорыстием и правотою.

4. Философ сказал: «Если у кого есть искреннее стремление к гуманности, то тот не сделает зла».

5. Конфуций сказал: «Богатство и знатность составляют предмет человеческих желаний, но благородный муж ими не пользуется, если они достались незаконным путем. Бедность и низкое положение служат для человека предметом отвращения, но благородный муж не гнушается ими (не отвергает их), если они не заслужены. Как может благородный муж пользоваться этим именем без гуманности? Благородный муж ни на час не расстается с гуманностью, в суматохе и в разорении она непременно с ним».

Благородный муж потому и признается благородным мужем, что он гуманен.

6. Философ сказал: «Я не видел человека, любящего гуманность, который бы ненавидел негуманность, потому что тот, кто любит гуманность, ставит ее превыше всего; тот, кто ненавидит негуманность, поэтому и будет поступать гуманно и не допускать ничему негуманному прикасаться к нему. Но я не видел, чтобы у человека не достало сил быть гуманным, если бы он хоть однажды смог приложить для этого старание. Может быть, и есть, но я не видел такого».

7. Философ сказал: «Погрешности людей соответствуют их категориям и, наблюдая погрешности человека, можно знать, гуманен он или нет».

8. Философ сказал: «Если человек поутру постигает истинный закон вещей, то вечером он может умереть без сожаления».

9. Философ сказал: «С ученым, который, стремясь к истине, в то же время стыдится плохого платья и дурной пищи, не стоит рассуждать об Учении».

10. Философ сказал: «Благородный человек в мире (в делах мира) ничего не предпринимает, а действует, сообразуясь со справедливостью».

11. Философ сказал: «Благородный муж думает о добродетели, а низкий – о спокойствии; благородный муж боится закона, а низкий жаждет корысти».

12. Философ сказал: «Кто поступает корыстно, тот вызывает против себя ропот недовольства».

13. Философ сказал: «Если кто сможет управлять государством с уступчивостью, требуемой церемониями, то какие затруднения встретит он в этом? Если кто не будет в состоянии управлять государством с уступчивостью, к которой обязывают церемонии, то для чего ему эти церемонии?»

Уступчивость есть сущность церемоний, или житейских правил.

14. Философ сказал: «Не беспокойся, что у тебя нет должности, а беспокойся, каким образом устоять на ней; не беспокойся, что люди не знают тебя, а старайся поступать так, чтобы тебя могли знать».

15. Философ сказал: «Шэнь! Мое Учение проникнуто одним началом?» «Да», – отвечал Цзэн-цзы, не задумываясь. Когда философ вышел, то ученики спросили его: «Что это значит?» Цзэн-цзы отвечал: «Это значит, что Учение нашего Учителя заключается в искренности и снисходительности».

Единое начало – это искренность непреложная и непрестанная.

16. Философ сказал: «Благородный муж; знает долг, а низкий человек знает выгоду».

17. Философ сказал: «При виде достойного человека думай о том, чтобы сравняться с ним, а при виде недостойного – исследуй самого себя (из опасения, как бы у тебя не было таких же недостатков)».

18. Философ сказал: «Служа родителям, следует осторожно увещавать их; если замечаешь, что они не слушают, увеличь почтительность, но не оставляй увещаний; будут удручать тебя, не ропщи».

Толкователи идут далее: сын не должен роптать на родителей даже в том случае, если они за обращенные к ним увещания подвергнут его жестоким побоям.

19. Философ сказал: «Когда родители живы, не отлучайся далеко, а если отлучишься, то чтобы место пребывания непременно было известно».

20. Философ сказал: «Кто в течение трех лет не изменит отцовских порядков, того можно назвать почтительным сыном».

21. Философ сказал: «Нельзя не помнить возраста своих родителей, чтобы, с одной стороны, радоваться за их долголетие, а с другой – опасаться, как бы преклонный возраст не свел их в могилу».

22. Философ сказал: «В древности не давали легкомысленного слова из опасения посрамиться неисполнением его».

23. Философ сказал: «Редко подвергаются ошибкам те, которые ведут себя сдержанно».

24. Философ сказал: «Благородный муж желает быть медленным на слова и бодрым на дела».

25. Философ сказал: «Добродетель не бывает одинокою, у нее непременно есть последователи (соседи)».

26. Цзы-ю сказал: «Служа государю, если будешь надоедать ему своими увещаниями, то навлечешь срам, а если будешь надоедать ими другу, то он охладет к тебе».

Глава V. Гун Е-чан

1. философ сказал о Гун Е-чане, что его можно женить, несмотря на то, что он [был некогда] связан [тюремными] узами, ибо это не его вина, с чем и женил его на своей дочери.

Гуне-чан, ученик Конфуция, возвращаясь из Вэй в Лу, услышал крик птиц, направлявшихся к горному ручью клевать там труп человека. Спустя немного времени он увидел плачущую старуху, которая на вопрос о причине ее плача отвечала, что ее сын, отлучившийся несколько дней тому назад, до сих пор не возвращается, – вероятно, он уже умер. На это Е-чан отвечал: «Сейчас стая птиц направилась к горному ручью клевать человеческий труп». Отправившаяся к ручью старуха, узнав в трупе своего сына, заявила об этом деревенским властям, которые спросили ее, откуда она узнала все это. Старуха передала им свой разговор с Е-чаном, которого и арестовали по подозрению в убийстве.

2. философ сказал о Нань-жуне: «В государстве, где есть закон, он не пропадет; где нет его – избежит казни», – и, вследствие этого, женил его на своей племяннице.

Нань-жун – ученик Конфуция по имени Тао, иначе Го, по прозвищу Цзы-жун, имевший посмертный титул Цзин-шу.

3. философ сказал о Цзы-цзяне: «Какой благородный муж этот человек! Если бы в Лу не было благородных людей, то откуда у него взялись бы такие достоинства?»

Цзы-цзянь – ученик Конфуция по имени Бу-ци, по фамилии Ми, луский уроженец.

4. Цзы-гун спросил: «А я, Цы, каков?» «Ты полезный сосуд», – сказал философ. Цзы-гун спросил: «Какой сосуд?» Учитель ответил: «Жертвенный сосуд для хлеба в храме предков».

5. Некто сказал: «Юн – человек гуманный, но не говорун». философ сказал: «К чему нужна говорливость? Парировать людям софизмами – вызывать в них отвращение к себе. О его гуманизме я не знаю, но к чему ему красноречие?»

Юн – ученик Конфуция по фамилии Жан, по прозвищу Чжун-гун, луский уроженец.

6. философ посылал Ци Дяо-кай служить. Тот отвечал: «Я не могу быть уверен в том, что гожусь для этого». Конфуций остался доволен.

Ци Дяо-кай – ученик Конфуция по прозвищу Цзы-жо, цайский уроженец.

7. философ сказал: «Учение мое плохо распространяется; сяду на плот и достигну по реке моря. Сопроводить меня будет, вероятно, Ю». Цзы-лу, услышав это, обрадовался. Тогда философ сказал: «Ю! Храбростью ты превосходишь меня, но у тебя нет никакой сметки».

8. Мэн У-бо спросил: «Гуманен ли Цзы-лу?» философ сказал: «Не знаю». Тот спросил его в другой раз. Тогда философ сказал: «В удельном княжестве, располагающем 1000 колесницами, Цзы-лу можно поручить управление войском, но я не знаю, гуманен ли он». Мэн У-бо вновь спросил: «А каков Цю?» Конфуций ответил: «Цю можно сделать правителем города в 100 семей или владения фамилии, имеющей 100 колесниц, но гуманен ли он, я не знаю». «А Чи каков?» – вновь поинтересовался Мэн У-бо. философ ответил: «Чи, если он наденет пояс и станет во дворце, то ему можно поручить занимать чужеземных гостей, но гуманен ли он, я не знаю».

Чи – ученик Конфуция по фамилии Гун-си, по прозвищу Цзы-хуа, луский уроженец.

9. философ, разговаривая с Цзы-гуном, спросил: «А из вас с Хуэем, кто лучше?» Цзы-гун ответил: «Как я осмелюсь сравнивать себя с Хуэем? Если он услышит о

чем-либо одно, то, основываясь на этом одном, узнает о нем все. А я, услышав о чем-либо одно, узнаю только вдвое». Философ сказал: «Да, это верно, я согласен, что ты не равен ему».

10. Цзай-юй заснул днем. Философ сказал: «Гнилое дерево не годится для резьбы, равным образом стена, сложенная из навоза, не годится для штукатурки. Стоит ли упрекать Юя?» Потом он добавил: «В сношениях с людьми я сначала слушал их речи и верил их действиям, а теперь я слушаю их речи и наблюдаю, смотрю за их поступками. Такая перемена произошла во мне благодаря Юю».

Только что приведенным сравнением Конфуций хочет сказать, что у людей ленивых и омраченных нет возможности наставлять, так как у них парализованы и воля, и ум.

11. Философ сказал: «Я не видал твердого человека». «А Шэнь-чэн?» – отвечал кто-то. «Чэн – человек похотливый (со страстями), где же ему быть твердым?»

Шэнь-чэн – ученик Конфуция, луский уроженец.

12. Цзы-гун сказал: «Чего я не желаю, что бы другие делали мне, того я не желаю делать другим». На это философ сказал: «Цы! Это для тебя недостижимо».

13. Цзы-гун сказал: «Наружные совершенства Учителя могут быть известны, но его рассуждения о природе вещей и о небесных законах нам не могут быть известны».

Потому что Конфуций редко говорил о них, так объясняют толкователи.

14. Цзы-лу боялся услышать что-нибудь новое, прежде чем услышанное им ранее могло быть приведено в исполнение.

Другой перевод:

Цзы-лу, услышав что-нибудь доброе, чего он покуда еще не мог привести в исполнение, боялся только, как бы не услышать еще чего-нибудь нового.

15. Цзы-гун спросил: «Почему Кун Вэнь-цзы назвали „образованным?“ На это философ сказал: „Несмотря на быстрый ум, он любит учиться и не стыдится обращаться с вопросами к низшим, поэтому-то его и назвали образованным“.

Кун Вэнь-цзы – вэйский вельможа по имени Юй. Кун – это его фамилия, а Вэнь-цзы (образованный муж) – это посмертный титул, который был дан ему за любовь к знанию. Между тем об этом господине рассказывают, что он отбил у другого его жену, а когда этот последний вступил в связь с ее сестрой, то, воспылав гневом, он принудил его бежать в другое царство.

16. Конфуций отозвался о Цзы-чане, что он обладал четырьмя качествами благородного мужа: скромнен по своему поведению, почтителен к старшим, щедр в пропитании народа и справедлив в пользовании его трудом.

Цзы-чань – прозвище чжэнского вельможи Гун Сунь-цяо.

17. Философ сказал: «Янь Пин-чжун был искусен в обращении с людьми, сохраняя к ним почтительность и после продолжительного знакомства».

Янь Пин-чжун – циский вельможа по имени Ин.

18. Философ сказал: «Цзан Вэнь-чжун посадил большую черепаху в комнату, в которой на капителях были вырезаны горы, а на столбиках над матицей нарисованы были водяные растения. Каков же его ум?»

Как видно из объяснений, мотивом для устройства такого роскошного помещения для черепахи служило то, что этот господин считал черепаху породы цай за божество и приносил ей жертвы, а Конфуций признавал это за суеверие – продукт невежества и

потому, конечно, не мог считать Вэнь-чжуна за человека умного. Впрочем, черепаха и до сих пор у соотечественников мудреца находится в числе пяти предметов поклонения, пред одним из которых, а именно змеей, во время наводнения в Тянь-цзине, преклонял колена такой знаменитый государственный и ученый муж, как покойник Ли Хун-чжан. Цзан Вэнь-чжун – луский вельможа.

19. Цзы-чжан спросил Конфуция, какого он мнения о министре Цзы-вэне, который, трижды занимая эту должность, не выражал радости и, трижды покидая ее, не высказывал неудовольствия и при этом непременно объяснял новому министру прежние правительственные распоряжения (т. е. свои). Философ сказал: «Преданный человек». «А гуманный ли он?» – продолжал Цзы-чжан. «Не знаю, каким же образом он мог быть гуманистом», – ответил Конфуций.

Цзы-чжан вновь спросил: «А что Вы скажете о Чэнь Вэнь-цзы, который, имея 10 четверок коней, когда Цуй-цзы убил циского князя, бросил их и бежал; прибыв в другое государство и сказав, что „и здесь люди походят на нашего вельможу Цуй-цзы“, оставил это государство и прибыл в другое; и опять, сказав, что „и здесь люди походят на нашего вельможу Цуй-цзы“, он покинул и это государство?» Конфуций сказал: «Безупречный человек». Цзы-чжан вновь спросил: «А гуманист ли он?» «Не знаю, – отвечал философ, – откуда бы ему быть гуманистом?»

Цзы-вэнь – чуский министр по фамилии Доу, а по имени Гу-у-ту. Он был прижит от незаконного сожительства, и потому бабка приказала бросить его, но потом, увидев во сне, что его кормит своими сосцами тигрица, приказала немедленно подобрать его и назвала его Гу-у-ту; Гу на чуском наречии значит «сосцы», «кормить грудью», а у-ту – «тигр» и таким образом полное имя будет значить «вскормленный тигрицею».

Цуй-цзы – циский вельможа по имени Чу; циским князем был в то время Чжуан по имени Гуан. Чэнь Вэнь-цзы – также циский вельможа по имени Суй-у.

20. Цзи Вэнь-цзы трижды подумает, а потом уже исполнит. Услышав об этом, философ сказал: «И дважды довольно».

Цзи Вэнь-цзы – луский вельможа по имени Син-фу.

21. Философ сказал: «Когда в государстве царил закон, то Нин У-цзы был умен, а когда в государстве пошли беспорядки, он оказался глупым. С умом его можно поравняться, но с глупостью – нельзя!»

В княжение князя Вэня, когда удел Вэй наслаждался миром и тишиной, управление государственными делами не представляло особенных затруднений и с ними мог справиться так же хорошо всякий другой, как и Нин У-цзы, и, следовательно, быть в этом случае равным ему по уму. Но когда, благодаря беспутному и безнравственному князю Чэну, в государстве поднялись смуты и крамолы и оно очутилось на краю гибели, тогда благоразумные люди, не желая рисковать своей жизнью, удалились от службы, предпочитая в безопасных местах оставаться равнодушными зрителями развивающихся событий, и только один Нин У-цзы оказался настолько глупым, что, не дорожа своей шкурой, истощал все свои усилия к подавлению смуты и восстановлению порядка. Вот с этой-то глупостью трудно кому бы то ни было равняться.

22. Философ, находясь в уделе Чэнь, сказал: «Надо возвратиться! Мои детки стали высокоумны и небрежны в деле; хотя внешнее образование их и закончено, но они не знают, как сдерживать себя».

Слова эти были сказаны Конфуцием после продолжительного и утомительного странствования, безрезультатного и исполненного разочарований, так как его излюбленные политические доктрины нигде не встретили полной симпатии и искренней готовности к их осуществлению.

23. Философ сказал: «Бо-и и Шу-ци не помнили прежнего зла, поэтому-то на них и роптали мало».

24. Философ сказал: «Кто говорит, что Вэйшэн-гао – прямой человек? Кто-то попросил у него уксуса, он выпросил у соседа и дал».

25. Философ сказал: «Цзо Цю-мин стыдился лукавых речей, вкрадчивой наружности и чрезмерной почтительности, и я также стыжусь их. Цзо Цю-мин стыдился дружить с человеком, против которого таил в душе неудовольствие, и я стыжусь этого».

26. Философ, обратившись к присутствовавшим Янь-юаню и Цзы-лу, сказал: «Почему каждый из вас не выскажет своих желаний?» Тогда Цзы-лу сказал: «Я желал бы иметь экипаж, лошадей и легкую шубу, которыми бы я делился с друзьями и не роптал бы, когда бы они пришли в ветхость». Янь-юань сказал: «Я желал бы не хвастаться своими совершенствами и не разглашать о своих подвигах». Цзы-лу сказал: «Мы хотели бы слышать о Ваших желаниях». Философ сказал: «Я желал бы старых успокоить, с друзьями быть искренним и малых лелеять».

По толкованию Чэн-цзы, основная мысль их всех – делиться с другими.

27. Философ сказал: «Да! Я не видал человека, который мог бы замечать свои погрешности и внутренне осуждать за них себя».

28. Философ сказал: «В маленьком селении непременно найдутся люди, преданностью и искренностью подобные мне, но не найдется таких, которые любили бы учиться, как я».

Глава VI. Юна можно поставить...

1. Философ сказал: «Юна можно поставить лицом к югу». Тогда Чжун-гун спросил Конфуция о Цзы Сан-бо-цзы; тот отвечал: «Годится – он нетребователен». Чжун-гун спросил: «Разве нельзя управлять народом, будучи внимательным к самому себе и либеральным в деятельности? Но быть нетребовательным как к самому себе, так и к своей деятельности – разве это не будет уж слишком нетребовательно?» Философ сказал: «Слова Юна справедливы».

Юн – ученик Конфуция по имени Чжун-гун; он отличался великодушием, нетребовательностью и солидностью – качествами, необходимыми для Государя, для правителя, который решает государственные дела, сидя на троне с лицом, обращенным на юг; а потому эта фраза является синонимом царской или княжеской власти.

Цзысан Боцзы (Тутовник Старший) – его личность и по сей день достоверно не установлена. По некоторым сведениям, это персонаж легендарного памятника древности «Чжуан-цзы» Цзысан Ху. Также существует предположение, что в данном суждении речь может идти о Цзысане, видном сановнике при дворе циньского Му-гуна.

2. Ай-гун спросил Конфуция: «Кто из Ваших учеников любит учиться?» Тот отвечал: «Был Янь-хуэй, который любил учиться, не переносил своего гнева на других и не повторял ошибок. К несчастью, его жизнь была коротка, он умер. Теперь таких нет. Не слышно, чтобы были любящие учиться».

Янь-хуэй – надежда Конфуция, единственный из учеников его, которого он признавал способным распространить его Учение; умер 32 лет.

3. Когда Цзы-хуа был отправлен в Ци, то Жань-цзы просил хлеба для его матери.

Философ сказал: «Дай ей один фу (6 мер 4 гарнца)». Жань-цзы просил прибавить. Философ сказал: «Дай ей один юй (16 мер)». Жань-цзы дал ей 5 бинов (80 мешков по 4 пуда 12 фунтов в каждом). Тогда философ сказал: «Я слышал, что когда Чи (Цзы-хуа) отправился в Ци, то он поехал на сытой лошади и одет был в легкую (богатую) шубу. Благородный муж помогает нуждающимся, но не прибавляет к богатствам богатых».

4. Когда Юань-сы был при Конфуции управляющим и Конфуций давал ему 900 мер хлеба, то тот отказывался. Учитель сказал: «Не отказывайся, а возьми и раздай соседям, живущим с тобою в одном хуторе, деревне, селе или волости».

Юань-сы – ученик Конфуция по имени Сянь, бывший при Конфуции управляющим в то время, когда он сам был министром уголовных дел в Лу.

5. Философ отозвался насчет Чжун-гуна следующим образом: «Теленок от пестрой коровы, если он рыжий и притом с рогами, хотя бы люди и не пользовались им для жертвоприношения, разве духи гор и рек им погнушались бы?»

Этим Конфуций хотел сказать, что недостатки отца не могут затмить достоинств сына и что, хотя отец Чжун-гуна человек низкий и дурной репутации, это нисколько не мешает его сыну быть человеком полезным и прекрасным, точно так же, как рыжему и с удовлетворяющими норму рогами теленку от пестрой коровы, т. е. несовершенной по цвету, не мешает служить для такого великого дела, как жертвоприношение Небу. При династии Чжоу при великих жертвах употреблялись быки рыжие.

6. Философ сказал: «О Хуэ я могу сказать, что сердце его в течение трех месяцев не разлучается с гуманностью, тогда как у других ее хватает на день, самое большее – на месяц».

Другой перевод: «Сердце Хуэя всегда остается гуманным, тогда как у других оно бывает таковым лишь временами».

По объяснению Чэн-цзы, этот трехмесячный срок взят потому, что он есть период смены времен года, представляющий собой нечто законченное целое.

7. Цзи Кан-цзы спросил философа: «Можно ли допустить Чжун-ю до участия в управлении?» Тот ответил: «Ю – человек решительный. Что для него значит участвовать в управлении?» Цзи Кан-цзы спросил: «Ну, а Цю можно допустить?» Философ сказал: «Цю, он талантливый человек. Какая трудность для него участвовать в управлении?»

8. Цзи-ши посылал Минь-цзы-цяня правителем города Ми. Минь-цзы-цянь сказал посланному к нему с известием: «Вежливо откажись за меня, а если в другой раз будет приглашать меня, то я непременно уйду на реку Вэнь».

Минь-цзы-цянь – ученик Конфуция по имени Сунь, луский уроженец.

9. Бо-ню заболел. Философ, навестив его, взял через окно его руку и сказал: «Умрет – такова судьба. Такой человек и умирает от такой болезни!»

Бо-ню по фамилии Жань, по имени Цзин, луский уроженец. Согласно церемониям, больного, в случае посещения его владельческими особами, из-под северного окна, где он обыкновенно лежал, переносили под южное для того, чтобы правитель оставался с лицом, обращенным на юг. Родные Бо-ню из уважения к Конфуцию тоже перенесли его под южное окно, но Конфуций отклонил эту честь. Бо-ню умирал от проказы. Он был известен своими добродетелями и уступал в этом отношении только одному Янь-хуэю.

10. Философ сказал: «Какой достойный человек Янь-Хуэй! Он довольствовался одной чашкой риса и одним ковшом воды и жил в отвратительном переулке. Другой бы не мог вынести этих лишений, а он не изменял своей веселости. Какой достойный человек Хуэй!»

11. Жань-цю сказал: «Не потому, чтобы я не находил удовольствия в твоём Учении, а сил у меня не хватает». Философ сказал: «Те, у которых недостает сил, останавливаются на полпути; теперь ты сам себя ограничиваешь».

Этим Конфуций хотел сказать, что Жань-цю имеет достаточно сил, но не хочет

двигаться вперед.

12. Философ, обратившись к Цзы-ся, сказал: «Ты будь благородным ученым, а не низким человеком!»

То есть будь гуманистом, человеком, работающим для общей пользы, а не эгоистом.

13. Когда Цзы-ю сделался правителем города У-чэн, философ спросил: «Что же, достал ли там себе порядочного человека?» Тот отвечал: «Есть некто Тань-тай Ме-мин, который не ходит по тропинкам окольным, а бывает у меня только по делам служебным (общественным)».

14. Философ сказал: «Мэн-чжи-фань не хвастался своими заслугами. Когда его войско обратилось в бегство, он следовал позади его, а при вступлении в город стегнул своего коня, сказав: „Я не смел бы оставаться позади, да конь не шел вперед“.

Мэн-чжи-фань, луский вельможа по имени Це, это тот самый, который, по замечанию Г-на Ху, у Чжуан-цзы известен под именем Мэн-цзы-фаня.

15. Философ сказал: «Без красноречия Чжу-То и красоты сунского принца Чжао трудно избежать ненависти в наш век».

Чжу – название чина в храме предков. То – вэйский вельможа по прозванию Цзы-юй, известный своим красноречием. Сунский принц Чжао, известный своей красотой и развратом, пользовался благосклонностью своей сестры, известной развратницы, вэйской княгини Нань-цзы.

16. Философ сказал: «Кто выходит не через дверь? Но почему же не идет по этому пути?»

То есть кратчайшему, не держится истинного Пути, Учения и т. д.

17. Философ сказал: «Когда природа берет перевес над искусственностью, то мы имеем грубость, а когда искусственность преобладает над природой, то мы имеем лицемерие; и только пропорциональное соединение природы и искусственности дает благородного человека».

18. Философ сказал: «Человек от рождения прям, и если потом, искривившись, остается цел, то это по счастливой случайности».

19. Философ сказал: «Тот, кто знает Учение, уступает тому, кто находит в нем удовольствие».

20. Философ сказал: «С человеком, способности которого выше посредственных, можно говорить и о высоких предметах, а с тем, у которого они ниже посредственных, нельзя».

21. Фань-чи спросил: «Кого можно назвать умным?» Философ ответил: «Умным можно назвать того, кто прилагает исключительное старание к тому, что свойственно человеку, почитает духов, но удаляется от них». «А человеколюбивым?» – спросил Фань-чи. «А человеколюбивым, – сказал философ, – можно назвать того, кто на первом плане ставит преодоление трудного (т. е. победу над собой), а выгоду – на втором».

22. Философ сказал: «Умный находит удовольствие в воде, потому что он видит в ней, вечно текущей, неустанную и никогда не знающую покоя силу ума в его стремлении к познанию истины; тогда как гуманный любит горы как символ постоянства и неизменности тех непреложных и неизменных основ, из которых вытекает гуманизм».

23. Философ сказал: «Одна эволюция в царстве Ци, и оно сравнивается в нравственном отношении с царством Лу, одна эволюция в этом последнем, и оно достигнет

истинного Пути».

Во времена Конфуция нравы удела Ци отличались погоней за славой и корыстью и страстью к хвастовству и лжи как остаткам тирании, тогда как в Лу ценили церемонии и знание и уважали искренность и правду как остатки бывшего славного времени прежних царей – разумеются, конечно, неизменные Яо и Шунь. Правду говоря, мы, однако, не замечаем, чтобы удел Лу во времена Конфуция особенно отличался этими добродетелями.

24. Философ сказал: «Кубок без грани разве это кубок?»

В древние времена, говорят толкователи, кубки делались круглыми, без грани. Этим изречением Конфуций хотел сказать, что всякий предмет, потерявший свои существенные признаки, уже перестает быть этим предметом. Например, человек без человеколюбия уже не есть человек и т. д.

25. Цзай-во спросил: «Гуманный человек, если бы ему сказали, что в колодце есть человек, спустился бы он за ним?» Конфуций сказал: «Зачем так? Благородного мужа нельзя заставить отправиться к колодецу, чтобы спасти упавшего в него, но его нельзя заставить спуститься в колодец; его можно обмануть, но не одурачить».

26. Философ сказал: «Благородный муж, обладающий обширными познаниями в литературе, может также не уклониться от истины, если будет сдерживать себя церемониями».

27. Философ увиделся с Нань-цзы. Цзы-лу был недоволен этим. Тогда философ сказал: «Пусть Небо отринет меня, если я сделал что-нибудь худое!»

28. Философ сказал: «Достоинства прямого пути и неизменных правил – как они совершенны! Но они давно уже редки среди людей».

29. Цзы-гун сказал: «Вот если бы нашлся человек, который, щедро раздавая народу, мог бы помочь всем! Что бы Вы сказали о нем? Можно ли его назвать гуманным?»

«Только не гуманным, – сказал философ, – но непременно мудрым. Ведь об этом скорбели даже Яо и Шунь. Гуманист сам, желая иметь устои, создает их и для других; сам, желая развиваться, развивает и других. Быть в состоянии смотреть на других, как на самого себя, – вот что можно назвать искусством гуманизма!»

По толкованию Чэн-цзы, гуманист смотрит на всю природу, как на один организм, как на самого себя, а признавая ее за самого себя – чего он не может сделать для нее?!

Китайцы называют паралич негуманностью, выражая этим то, что парализованный член уже не принадлежит организму, потерял с ним всякую связь и не входит в область его заботливости. Мысль в основе своей весьма оригинальная и глубокая. Поэтому – то щедрое подаяние и помощь всем членам организма как высшее проявление гуманности – это работа святого, работа мудреца.

Глава VII. Я передаю старину...

1. Философ сказал: «Я передаю старину, а не сочиняю; верю в старину и люблю ее, и позволяю себе сравнивать себя с моим старым Лао-пыном».

Говорят, что Лао-пын был достойный вельможа шанской династии.

Труд Конфуция как собирателя и ценителя всего того, что было сделано и оставлено древними мудрецами, Чжу-си ставит выше творчества.

2. Философ сказал: «В молчании обогащать себя познаниями, учиться с ненасытной жаждой и просвещать людей, не зная усталости, – какое из этих трех качеств есть во мне?»

3. Философ сказал: «То, что мы не преуспеваем в добродетели, не уясняем себе изучаемого, не можем устремляться на зов долга и не в состоянии исправить свои недостатки – вот о чем я скорблю».

4. В свободное время философ имел спокойный и довольный вид.

5. Философ сказал: «Ужасно я опустил и давно уже не вижу во сне Чжоу-гуна».

Этим философ хочет сказать, что, благодаря упадку сил, у него остыло стремление к осуществлению принципов Чжоу-гуна, что составляло всегда его заветную мечту.

6. Философ сказал: «Стремись к истине, держись добродетели, опирайся на гуманность и забавляйся свободными искусствами».

Под свободными искусствами разумеются: церемонии, музыка, стрельба, управление колесницей, письмо и счет.

7. Философ сказал: «Я никому не отказывал в наставлении, начиная с тех, которые приносили гонорар, состоявший из связки сушеного мяса».

8. Философ сказал: «Неретивых я не просвещаю; не сгорающим от нетерпения получить разъяснения – не объясняю; своих уроков не повторяю тем, которые по одному приподнятому углу не отгадывают трех остальных».

Другой перевод: Которые на основании одной сообщенной им о предмете идеи не в состоянии объять остальных его сторон.

9. Когда философу приходилось кушать подле лиц, одетых в траур, он никогда не наедался досыта.

10. Философ не ел в тот день, когда плакал.

11. Философ, обратясь к Янь-юаню, сказал: «Употребляют нас в дело – мы действуем, устраняют нас от него – мы скрываемся. На это способны только мы с тобой».

Цзы-лу спросил: «Если бы Вы предводительствовали армией, то кого бы Вы взяли с собой?» Философ сказал: «Я не взял бы с собою того, кто бросается на тигра с голыми руками или пускается без лодки по реке и умирает без сожаления. Я взял бы непременно того, кто в момент действия чрезвычайно осторожен и, любя действовать обдуманно, достигает успеха».

12. Философ сказал: «Если бы богатства можно было домогаться, хотя бы для этого пришлось быть кучером или погонщиком, я сделался бы им, а как его нельзя домогаться, то я займусь тем, что мне нравится».

По мнению китайцев, богатство зависит от судьбы или предопределения Неба, и оттого благородный муж не ищет богатства и почестей; не потому, чтобы он питал к ним отвращение, а именно в силу того, что достижение их не зависит от человека.

13. Философ с вниманием относился к приведению в порядок своих помышлений перед жертвоприношением, к войне и к болезни.

14. Философ во время пребывания в Ци, услышав музыку Шао, в течение трех месяцев не находил вкуса в мясе, говоря, что он не ожидал, чтобы эта музыка была в такой степени очаровательна.

В исторических записках Сыма-цяня перед словами «три месяца» поставлены еще слова: сию-чжи, изучал ее, т. е. музыку Шао. По объяснению толкователей музыка Шао была самую прекраснейшую и нравственнейшую.

15. Жань-ю спросил Цзы-гуна: «Учитель за вэйского государя, а?» «Хорошо, –

сказал Цзы-гун, – я спрошу его», – и, войдя к Конфуцию, он сказал: «Что за люди были Бо-и и Шу-ци?» «Древние добродетельные люди», – отвечал философ. Цзы-гун снова спросил: «Роптали ли они?» Конфуций отвечал: «Они стремились к гуманности и обрели ее. Чего же им было роптать?» Цзы-гун вышел и сказал Жань-ю: «Учитель не за вэйского государя».

Под именем вэйского государя здесь разумеется Чу-гун-чжэ. Когда после смерти князя Лина, изгнавшего своего сына Куай-гуй'я за покушение на мать Нань-цзы, вэйцы возвели на престол сына последнего – Чжэ, то удел Цзинь принял сторону Куай-гуй'я, но Чжэ оказал вооруженное сопротивление своему отцу. В это время Конфуций находился в Вэй. (См. также гл. XIV, § 20).

О Бо-и и Шу-ци известно следующее. Это были два сына гу-чжуского владельца, который перед смертью назначил своим преемником Шу-ци, т. е. младшего сына. Когда он умер, Шу-ци стал уступать престол Бо-и как старшему брату, но Бо-и, сказав, что такова воля родителя, бежал; в свою очередь Шу-ци также бежал. Потом, когда У-ван собирался в поход против последнего иньского императора Чжоу, то братья, удерживая его лошадь, останавливали его от этого похода. Но У-ван все-таки уничтожил шанскую династию. Тогда братья, стыдясь есть хлеб У-вана как узурпатора, удалились в горы и там погибли с голода. Приведем эти примеры в ответ на вопрос Жань-ю, Конфуций хотел этим сказать, что он не одобряет поступка Чжэ, восставшего против своего отца.

16. Философ сказал: «Есть грубую пищу, пить воду и спать на согнутом локте – в этом тоже заключается удовольствие. Неправедное богатство, притом соединенное со знатностью, для меня подобно мимолетному облаку».

17. Философ сказал: «Если бы мне прибавили несколько лет жизни для окончания изучения „И-цзина“, тогда у меня не было бы больших погрешностей».

18. Предметом постоянного разговора философа служили «Ши-цзин», «Шу-цзин» и соблюдение церемоний; обо всем этом он постоянно говорил.

19. Шэ-гун спрашивал Цзы-лу о Конфуции. Тот не дал ему ответа. Тогда философ обратился к Цзы-лу: «Почему ты не сказал ему, что этот человек в своем энтузиазме забывает о пище, весел до забвения печали и не замечает приближения старости? Вот как следовало бы тебе отвечать ему».

Шэ-гун – правитель уездного города Шэ в уделе Чу, Шэн-чжу-лян, по прозвищу Цзы-гао, присвоивший себе титул гуна.

20. Философ сказал: «Я не тот, который обладает Знанием от рождения, а тот, который, любя древность, усердно ищет ее».

21. Философ не говорил о чудесном, о физической силе, о смутах и о духах.

22. Философ сказал: «Если идут вместе три человека, то между ними непременно есть мой учитель, я избираю из них хорошего и следую за ним, а дурной побуждает меня к исправлению».

23. Философ сказал: «Коль скоро Небо одарило меня высокими качествами, то что может сделать со мною Хуань-туй?!»

Хуань-туй – военный министр удела Сун, хотевший погубить Конфуция.

24. Философ сказал: «Уж не думаете ли вы, детки, что я скрываю от вас что-нибудь? Нет, я от вас ничего не скрываю; все мои деяния вам известны. Таков я».

25. Философ учил четырем предметам: письменам, нравственности, преданности и искренности.

26. Философ сказал: «Мудреца мне не удалось видеть, но если бы мне удалось видеть одаренных выдающихся талантами и нравственными достоинствами, и то ладно». Философ также сказал: «Доброго человека мне не удалось видеть, но если мне удалось видеть человека постоянного, и то ладно. Кто не имеет чего-либо и

делает вид, что имеет; пуст, а делает вид, что полон; беден, а делает вид, что он богат, – тому трудно быть постоянным».

Так как, по объяснению Чжу-си, эти три действия суть проявления хвастовства, то люди, имеющие эти недостатки, без сомнения, не могут соблюдать постоянства.

27. Философ удил рыбу, но не ловил ее сетью; не метал стрел в сидячую птицу.

28. Философ сказал: «Вероятно, есть люди, которые делают что-либо, не зная почему. Я не таков. Я преуспеваю в достижении знаний, потому что знаю, как приобретать их. Много слушать, избирать из этого хорошее и следовать ему; много наблюдать и запоминать – это второстепенное знание».

29. С хусянцами трудно было говорить о добре и потому, когда пришел хусянский мальчик, то ученики отнеслись к нему подозрительно. Тогда Конфуций сказал: «Человек пришел ко мне, очистив себя, и я допускаю, что он мог очиститься, но, конечно, не могу ручаться за его прошлое; я только допускаю его к себе, но не ручаюсь, что он не сделает чего-нибудь нехорошего по выходе от меня. Это уж было бы чересчур!»

30. Учитель сказал: «Разве человеколюбие далеко от нас? Если я хочу быть человеколюбивым, человеколюбие приходит».

31. Чэньский министр спросил Конфуция: «Знает ли князь Чжао церемонии?» Тот отвечал: «Он знает их». Когда Конфуций удалился, он, приветствуя, ввел У-ма-ци и сказал ему: «Я слышал, что благородный муж не партиожен. А ведь случается, что и он бывает партиожен? Государь взял жену в однофамильном с ним уделе У и назвал ее: У Мэн-цзы (первая госпожа из У). Если он знает церемонии, то кто же не знает их?!» У-ма-ци сообщил об этом Конфуцию, который сказал: «Как я счастлив! Если мне придется сделать ошибку, то люди непременно узнают об этом!»

32. Когда Конфуций бывал в компании с человеком, который пел, то если тот пел хорошо, он заставлял его повторить, а потом уже сам аккомпанировал ему.

33. Философ сказал: «В письменности я, может быть, и подобен другим. Что же касается личного исполнения мною того, что требуется от благородного мужа, то в этом я совершенно не успел».

34. Философ сказал: «На святость и гуманность я не смею претендовать; но что я ненасытно стремлюсь к этому и просвещаю людей, не зная усталости, то это еще можно сказать обо мне, но только это!». «Верно, – сказал Гун-си-хуа, – только мы не в состоянии подражать Вам в этом».

35. Когда философ заболел, то Цзы-лу просил у него дозволения помолиться духам о его выздоровлении. Философ сказал: «А существует ли правильное предписание на это?» «Существует, – отвечал Цзы-лу, – в одной эпитафии сказано „молимся за тебя духам Неба и Земли“».

Тогда философ сказал: «Я давно уже молюсь».

Последней фразой: «Я давно молюсь» Конфуций хочет сказать, что вся его деятельность есть молитва. Затем, так как Конфуций признавал человека, достигшего конечного развития добрых свойств, вложенных в него Небом, или святого, не только равным по своим совершенствам самому Небу, но даже отождествлял его с ним, а равно с Землей и духами, то, конечно, в силу этого он и должен был отклонить молитву, тем более что о духовном мире и о связи с ним человека он даже отказывался говорить. Впрочем, по чжоускому обряднику во время болезни допускались молитвы духам ворот, дверей, очага, дороги и середины комнаты, которые возносились родными и близкими больного, а за государя – чинами его.

36. Философ сказал: «Расточительность ведет к непо-слушанию, а бережливость – к скарденности; лучше быть скардным, чем непочтительным».

37. Философ сказал: «Благородный муж: безмятежен и свободен, а низкий человек разочарован и скорбен».

38. Философ был ласков, но строг; внушительен, но не свиреп; почтителен, но спокоен.

Глава VIII. Тай-бо

1. Философ сказал: «О Тай-бо можно сказать, что он был в высшей степени добродетелен; он трижды отказывался от императорского трона; но так как народу было это неизвестно, то он не мог прославлять его».

У родоначальника чжоуской династии Тай-вана, деда Вэн-вана, было три сына: старший Тай-бо, второй Чжун-юн и третий Цзи-ли. В это время шанская династия пришла в упадок, а дом Чжоу с каждым днем усиливался и увеличивался. У Цзи-ли родился сын Чан, будущий Вэн-ван, обладавший качествами мудреца. Имея намерение уничтожить династию Шан и встречая несогласие со стороны старшего сына, Тай-ван решил передать престол третьему сыну, Цзи-ли, чтобы он потом достался многообещающему Чану. Вследствие этого Тай-бо со вторым братом бежали к цзинским (ху-бэйским) инородцам. Вот и вся добродетель его!

2. Философ сказал: «Почтительность, не сдерживаемая церемониями (правилами), ведет к трусости; храбрость – к смутам, прямота – к запальчивости. Когда человек, занимающий высокое положение, крепко привязан к родным, то народ проникается чувствами гуманности; когда он не оставляет старых друзей, то народ не бывает скаредным».

3. Цзэн-цзы, заболевши, призвал своих учеников и сказал им: «Откройте мои ноги, откройте мои руки. В „Ши-цзине“ сказано: „Блуди себя со страхом и трепетом, как будто бы ты стоял на краю бездны или ступал по тонкому льду“. Теперь я знаю, что я сохранил мое тело (т. е. полученное от родителей) в ценности. Да, мои детки!»

4. Когда Цзэн-цзы заболел, его навестил Мэн-цзин-цзы и осведомился о его здоровье. Цзэн-цзы сказал: «Когда птица при смерти, то пение ее жалобно; когда человек при смерти, то слова его добры. Для человека, занимающего высокое положение, в правилах поведения важны три вещи: телодвижения, свободные от грубости и небрежности; выражение лица, близкое к искренности; и тон речи, свободной от вульгарности и несообразности. Что касается (расположения) жертвенных сосудов (т. е. разных мелочей), то для этого есть специальные чины».

По толкованию китайцев птица жалобно кричит от страха смерти, а слова человека добры, потому что энергия у него ослабела и страсти угасли.

Этим изречением Цзэн-цзы хотел выразить, что правитель как лицо, на которое обращено внимание народа, должен держать себя с достоинством и тактом и не заниматься мелочами, для которых имеются специальные чины.

5. Цзэн-цзы сказал: «Будучи способным, обращаться с вопросами к неспособным; обладая большими знаниями, обращаться с вопросами к малознающим; иметь, как бы не иметь, быть полным, как бы пустым, и не считаться за оскорбления – так поступал один мой друг».

Под именем друга разумеют Янь-юаня, единственного из учеников Конфуция, который, как человек, почти достигший свойственного только святому мужу или мудрецу полного отрицания своей личности, мог поступать таким образом; только он, смотревший на других, как на самого себя, мог не обращать внимания на оскорбления, потому что при счетах за оскорбления выступило бы наружу «я» и «не я».

6. Цзэн-цзы сказал: «Не есть ли совершенный (благородный) муж тот, кому можно поручить малолетнего принца, вверить управление небольшим княжеством, и кого нельзя заставить отступить перед великим долгом? Да, это совершенный человек!»

7. Цзэн-цзы сказал: «Ученый не может быть широкою натурой, твердым и выносливым,

потому что обязанность его тяжела и путь его далек. Гуманизм он считает своей обязанностью. Разве это не тяжелое бремя? Только со смертью оканчивается эта обязанность – разве это не далекий путь?»

8. Конфуций сказал: «Начинай образование с поэзии, упрочивай его церемониями и завершай музыкою».

Поэзия, имея своим основанием чувства и целью – возбуждение любви к добру и отвращение ко злу, при размеренном чтении с интонациями легче воздействует на душу и усваивается.

9. Конфуций сказал: «Народ можно заставлять следовать должным путем, но нельзя ему объяснить почему».

Этим конфуцианцы хотят сказать, что народ по своему невежеству не в состоянии понять отвлеченных рассуждений о побуждениях в области нравственной деятельности, а ему нужен живой пример исполнения нравственных принципов их руководителями и правителями. Хороши правители и руководители – хорош и народ, и наоборот. Каков поп, таков и приход, говорит русская пословица.

10. Конфуций сказал: «Отважный человек, тяготящийся бедностью, произведет смуту точно так же, как и человек, лишенный гуманности, если его чрез меру ненавидят».

11. Конфуций сказал: «Пусть человек обладает превосходными талантами Чжоу-луна, но если он тщеславен и скареден, то остальные качества его не заслуживают внимания».

12. Конфуций сказал: «Нелегко отыскать человека, который бы, проучившись три года, не стремился к жалованью».

13. Конфуций сказал: «Искренне веруй и люби учиться, храни до смерти свои убеждения и совершенствуй свой путь. В государство, находящееся в опасности, не входи; в государстве, объятom мятежом, не живи; появляйся, когда во Вселенной царит закон, и скрывайся в эпоху беззакония. стыдно быть бедным и занимать низкое положение, когда в государстве царит закон; равно стыдно быть богатым и знатным, когда в государстве царит беззаконие».

кто беден в государстве, где царит порядок, тот, значит, неучен, а кто богат в государстве беззаконном, тот, значит, человек без поведения, бесчестный.

14. Конфуций сказал: «Не в свое дело не мешайся».

15. Конфуций сказал: «Когда капельмейстер Чжи начал управлять музыкой, то окончание пьесы „Гуань-цзюй“ наполняло слух волною приятных звуков».

Когда Конфуций, возвратившись из княжества Вэй на родину, приступил к упорядочению музыки, то капельмейстер Чжи только что вступил в отправление своих обязанностей.

16. Конфуций сказал: «Заносчив и не прям, невежественен и не кроток, неспособен и неискренен – таких я не признаю».

17. Конфуций сказал: «Учись так, как будто боишься не достигнуть предмета, да еще опасешься потерять его».

18. Конфуций сказал: «Возвышенны Юй и Шунь, которые, обладая Вселенной, относились к этому безучастно».

19. Конфуций сказал: «Как велик был Яо в качестве государя! Как возвышен он! Только одно Небо велико и только один Яо соответствовал ему. По своим доблестям он так необъятен, что народ не может изъяснить его. Высок он и по своим наружным совершенствам».

20. Конфуций сказал: «У Шуня было пять министров, и Вселенная наслаждалась

порядком». У-ван сказал: «У меня десять сановников, устраняющих порядок». Конфуций сказал: «Не правда ли, что трудно отыскать деловитых людей? Но в эпохи Тан и Юй (Яо и Шуня) их было больше, чем при Чжоу, когда было десять министров и из них – одна женщина. Вэнь-ван, несмотря на то, что обладал двумя третями Вселенной (Китая), служил династии Инь. Можно только сказать, что добродетели Чжоу были наивысшими добродетелями».

21. Конфуций сказал: «В Юе я не нахожу никакого недостатка. Он употреблял скудную пищу, но в высшей степени был почитателен к духам; обыкновенное платье было у него плохое, но зато наколенники и корона отличались необыкновенною красотою; дворцовые комнаты были низкие, но зато он прилагал все старание к проведению каналов и арыков. Да, в Юе нет порока».

Глава IX. Конфуций редко...

1. Конфуций редко говорил о выгоде, судьбе и человеколюбии.

Конфуций не говорил о судьбе или предопределении из опасения парализовать человеческую деятельность. Что касается человеколюбия, то он говорил иногда о способах достижения его, но никогда о самой сущности его.

2. Человек из деревни Да-сянь сказал: «Как велик Конфуций! Обладая обширною ученостью, он, однако, ни в чем не составил себе имени». Услыхав об этом, Конфуций, обратясь к своим ученикам, сказал: «Чем бы мне заняться: стрельбою или кучерством?»

3. Конфуций сказал: «Церемонии требуют пеньковой шапки; но так как в настоящее время шелк сходнее, то я последую общему примеру. Кланяться внизу, перед залом – этого требуют церемонии; но ныне кланяются наверху – это дерзко, и потому, хотя это будет вопреки всем, я буду кланяться внизу».

4. Философ был свободен от следующих четырех предметов: предвзятого взгляда, уверенности, упрямства и эгоизма.

5. Конфуций, которому угрожали жители местечка Куань, сказал ученикам: «Со смертью Вэнь-вана разве просвещение не находится здесь, во мне? Если бы Небо хотело погубить это просвещение, то я не имел бы участия в нем. Следовательно, оно не хочет погубить его; в таком случае что же могут сделать мне куанцы?»

Жители местечка Куань, приняв Конфуция по наружности за Ян-ху, от которого они терпели угнетения, продержали философа с учениками в осадном положении 5 дней.

6. Один президент палаты чинов спросил у Цзы-гуна: «Ведь философ – мудрец? Как много у него талантов!» Цзы-гун сказал: «Верно, Небо щедро одарило его, приблизив к святости, и даровало ему много талантов». Конфуций, услышав об этом, сказал: «Президент палаты чинов знает ли меня? В молодости я находился в низком положении и потому знал много вульгарных (низких) профессий. Благородному мужу много ли нужно знать? Немного».

7. Лао сказал: «Конфуций говорил о себе: „Меня не испытывали для государственной деятельности, потому я занимался свободными художествами“».

Лао – ученик Конфуция по фамилии Цинь, по прозванию Цзы-кай, иначе Цзы-чжан, вэйский уроженец.

8. Конфуций сказал: «Есть ли у меня Знание? Нет, я не имею его. Но если простой человек спрашивает меня о чем-нибудь, то, как бы ни был пуст вопрос, я беру его с двух противоположных сторон и объясняю человеку во всей его полноте».

Мудрец – это наивысочайший человек, к которому простому смертному трудно и приблизиться, и потому, чтобы облегчить доступ к себе, он должен снисходить с своей высоты и приближаться к нему.

9. Конфуций сказал: «Феникс не появляется, и река не посылает карты. Конец мне!»

Только в цветущие времена мира и всеобщего благоденствия, по легендарным сказаниям, появляются эти благовещие знамения. Так феникс появляется при Шуне, а при Фу-си из Желтой реки вышел гиппопотам с рисунками на спине, которые навели Фу-си на мысль о гекса-граммах.

10. Конфуций при виде одетого в траурное или парадное платье, а также слепого, если сидел, непременно поднимался, а когда проходил мимо них, то проходил быстро.

Но другие, и, кажется, с большим основанием, дают последней половине этого параграфа следующий смысл: когда он (Конфуций) сидел и видел проходящего... то, хотя бы этот последний был моложе его, он непременно поднимался, а когда он сам проходил мимо такого человека, то непременно проходил быстро (чтобы избавить его от беспокойства сделать приветствие).

11. Янь-юань с глубоким вздохом сказал: «Чем более взираешь на Учение Конфуция, тем оно кажется еще выше; чем более стараешься проникнуть в него, тем оно становится еще непроницаемее; смотришь – оно впереди, как вдруг – уже позади (неуловимо). Но философ – человек систематичный; он умеет завлечь человека, обогащает его всевозможными познаниями и сдерживает его правилами церемоний. Хотел я оставить Учение Конфуция и не мог; и когда истощил все свои способности, оно как будто бы встало предо мною, выдаваясь; хотя бы я хотел последовать за ним (овладеть), но у меня нет для этого средства (пути)».

В этом параграфе Янь-цзы выражает свой восторг и удивление пред высотой Учения своего Учителя, которое было бы недоступно и непроницаемо для него без методического руководства Конфуция, сначала обогащавшего познаниями по части древности, и современности, и уразумения эволюции, а затем сдерживавшего его поведение церемониями. Он стремился к познанию, подобно путешественнику, стремящемуся домой. Желал бы оставить его, но уже не мог, и после необыкновенных усилий он наконец прозрел истину.

12. Однажды Конфуций тяжело заболел. Тогда Цзы-лу прислал к нему своего ученика, чтобы тот состоял при Конфуции в качестве домашнего чиновника. Но Конфуцию стало лучше, и он сказал: «Цзы-лу, давно уже твое поведение фальшиво. Не имея права на чиновника и обладая таковым, кого я обману? Разве Небо? Кроме того, не лучше ли мне умереть на руках моих учеников, чем на руках чиновников? Вдобавок допустим, что я не удостоюсь пышных похорон, но не бросят же меня на дороге, когда умру?!»

13. Цзы-гун сказал: «Если вот тут прекрасная яшма, – спрятать ли нам ее в ящик или же постараться продать ее за хорошую цену?» «Продать, продать, – сказал Конфуций, – я ожидаю покупателя».

14. Конфуций хотел удалиться к восточным варварам. На это кто-то заметил: «Ведь они грубы! Как же можно?» Конфуций отвечал: «Там, где живет благородный муж, нет места грубости».

15. Конфуций сказал: «После моего возвращения из Вэй музыка исправилась, Оды и Восхваления обрели должное место».

16. Конфуций сказал: «Во внешней жизни служить князьям и вельможам, во внутренней – отцу и братьям, не смей не усердствовать в делах похоронных и не пьянеть от вина – что есть во мне из всего этого?»

17. Конфуций, находясь на реке, сказал: «Все проходящее подобно этому течению, не останавливающемуся ни днем, ни ночью».

Этим Конфуций намекает на вечный круговорот в природе, на смену времен года и т. п.

18. Конфуций сказал: «Я не видел, чтобы люди любили добро так же, как красоту».

19. Конфуций сказал: «Например, я делаю горку, и для окончания ее недостает одной плетушки земли, – останавливаюсь, эта остановка моя; возьмем опять для примера уравнивание земли; хотя бы вывалена была одна плетушка и я подвинулся в работе на эту плетушку – ведь это я сам подвинулся».

Пример этот относится к Учению, которое требует непрерывного труда, которым только и обеспечивается успех.

20. Конфуций сказал: «Всегда внимательный к тому, что я говорил – это был Янь-хуэй».

21. Конфуций сказал о Янь-юане: «Жаль мне его! Я видел его двигающимся вперед и никогда не видел, чтобы он останавливался».

22. Конфуций сказал: «Бывают колосья, которые не цветут, а бывают и такие, которые цветут, но не наливаются».

Все – увещание учиться.

23. Конфуций сказал: «На молодежь следует смотреть с уважением. Почем знать, что будущее поколение не будет равняться с настоящим? Но тот, кто в 40–50 лет все еще не приобрел известности, уже не заслуживает уважения».

По древнему толкованию вместо «не приобрел известности» – «не слышал Учения».

24. Конфуций сказал: «Можно ли не следовать резонным советам? Да, но в этом случае важно исправление. Можно ли не быть довольным ласковыми внушениями? Да, но важно, чтобы они понимались. Но если человек доволен внушениями, однако не вникает в их смысл, принимает советы, но не исправляется, – с таким я не могу ничего поделать».

25. Конфуций сказал: «Почитай за главное преданность и искренность, не дружись с не подобными себе; ошибся – не бойся исправиться».

26. Конфуций сказал: «У многочисленной армии можно отнять главнокомандующего, а у обыкновенного человека нельзя отнять его воли».

Потому что храбрость армии зависит от людей, а решимость – от самого себя.

27. Конфуций сказал: «Облаченный в старый посконный кафтан и не стыдящийся стоять с одетым в лисью шубу – это Ю (Цзы-лу). В „Ши-цзине“ сказано: „Тот, кто независтлив и неалчен, к чему ему делать зло?“ Цзы-лу всю жизнь потом повторял этот стих. Конфуций же заметил: „Одного этого правила недостаточно для достижения добра“.

Вызывая в человеке самоуслаждение, оно лишает его энергии к дальнейшему следованию по пути добра и таким образом препятствует достижению высшего блага.

28. Конфуций сказал: «Только с наступлением холодного времени года мы узнаем, что сосна и кипарис опадают последними».

Так точно и благородные люди в мирную эпоху не отличаются от толпы и познаются только в годину испытаний и смут, когда они выделяются из толпы неуклонным исполнением своего долга.

29. Конфуций сказал: «Умный не заблуждается, гуманист не печалится и мужественный не боится».

30. Конфуций сказал: «Человек, с которым можно вместе учиться, еще не есть человек, с которым можно утвердиться в добродетели; человек, с которым можно вместе идти по пути добродетели, еще не есть человек, с которым можно утвердиться в добродетели; человек, с которым можно утвердиться в добродетели, с которым можно утвердиться в добродетели».

еще не есть человек, с которым можно взвешивать должное (т. е. принимать решение, соответствующее с обстоятельствами и требованиями времени)».

31. «Кольшутся и перевертываются цветы груши... Разве я не думаю о тебе? Думаю, да дом далеко». Конфуций сказал: «Не думаешь, а то что за даль!»

Глава X. В своей деревне

1. Конфуций в своей родной деревне имел простодушный вид, как будто бы не мог сказать слова. А в храме предков и при дворе он говорил обстоятельно, но только с осторожностью.

2. В ожидании аудиенции в разговоре с низшими вельможами он был тверд и прям, а в разговоре с высшими был любезен. В присутствии Государя он выступал с благоговением, но с должным достоинством.

3. Когда Государь подзывал его и приказывал принять иностранных посланников, то он менялся в лице, и ноги у него подкашивались. Когда он делал приветствие руками направо и налево стоящим в ряд сослуживцам, то его платье спереди и сзади сидело гладко; когда спешил вперед в царские покои, был подобен птице с растопыренными крыльями. Когда гости удалялись, то он непременно докладывал Государю, говоря: «Гости не оглядываются».

4. В ворота княжеского дворца он входил наклонившись, как бы не помещаясь в них. В воротах он не останавливался и, проходя, не ступал на порог. Следуя мимо престола, он менялся в лице, ноги его подгибались, и он говорил, как будто бы у него не доставало духа. Подобрав подол платья, он вступал в залу, согнувшись и затаив дыхание, словно не дышал вовсе. По выходе, когда он спускался на одну ступеньку, лицо его распускалось и делалось спокойным и веселым. Спустившись, он быстро бежал, растопырив руки, и благоговейно возвращался на свое место.

5. Конфуций держал символ власти своего князя согнувшись, как бы подавленный его тяжестью, поднимая его вверх не выше рук, сложенных для приветствия, и не опуская ниже рук, словно протянутых для отдавания чего-либо. Лицо его менялось и словно трепетало, он двигался мелкими шажками, на пятках, не поднимая ног; при представлении подарков выражение лица его было спокойное. При частных визитах он имел веселый вид.

6. Конфуций не оторачивал своего воротника темно-красной или коричневой материей. Не употреблял на домашнее платье материи красного или фиолетового цветов (как цветов промежуточных, более идущих женскому полу). В летние жары у него был однорядный халат из тонкого или грубого травяного полотна, который при выходе из дому он непременно накидывал поверх исподнего платья. Поверх нагольной шубы из черного барашка он надевал черную однорядку, поверх пыжиковой – белую, а поверх лисьей – желтую. У него был меховой халат, длинный, с коротким правым рукавом (для удобства в работе). Он непременно имел спальное платье длиной в 1,5 своего роста. В домашней жизни Конфуций употреблял (для сиденья) пушистые лисьи и енотовые меха. По окончании траура он носил всевозможные подвески.

Если это было не парадное платье, то оно непременно скашивалось вверх. Барашковая шуба и черная шапка не употреблялись при визитах с выражением соболезнования. Первого числа каждого месяца он непременно одевался в парадное платье и являлся ко двору.

Барашковая шуба – придворное платье; пыжиковая надевалась при представлении вассалов и их послов к сюзеренному двору, и лисья – при принесении благодарственной жертвы в конце года за сохранение хлебов от вредных насекомых и зверей – это па чжа, т. е. жертва 8 духам.

На левом боку висели: утиральник, нож, оселок, маленькое шило для развязывания узлов и зажигательное металлическое зеркало. На правой стороне: кольцо для натягивания лука, дерево для вытирания огня в пасмурную погоду, большое шило из слоновой кости, кисть и ножны.

7. Во время поста после омовения непременно надевал чистое полотняное платье; непременно менял пищу и платье (т. е. не ел скоромного, пряностей и не пил водки, до которой он был большой охотник), и в комнате непременно менял место сидения.

8. Не гнушался кашею из обрушенного риса и мясом, изрубленным на мелкие куски. Он не ел ни каши, испортившейся от жары или влажности, ни испортившейся рыбы и тухлого мяса; не ел также кушанья с изменившимся цветом и запахом, а также приготовленного не в пору и вообще всего несозревшего; порезанного неправильно (не квадратиками) или приготовленного с несоответствующим соусом – не ел. Хотя бы мяса и было много подано, но он не допускал, чтобы оно получало перевес над растительною пищею (рисом); только в вине он не ограничивал себя, но не пил до помрачения. Покупного вина и базарного мяса он не ел (опасаясь, что они не чисты или вредны для здоровья). Он никогда не обходился без имбиря. Ел немного.

Как видно, и в древности китайцы были не только гурманами, но и гигиенистами, заботясь, чтобы каждое кушанье имело соответствующую ему приправу и соус. Между прочим из книги обрядов мы узнаем, что рыба, например, варилась в соусе из икры с *Poludonum* (горец), курица – в мясном соку с тем же горцем.

Преобладание животной пищи над растительной, составляющей главный материал для поддержания жизненных сил, признается китайской гигиеной вредным для здоровья и ведущим к сокращению жизни.

Имбирь – по мнению китайцев – освежает ум и уничтожает зловоние.

9. Участвуя в княжеских жертвоприношениях, он не допускал, чтобы мясо оставалось более трех дней; в противном случае он его не ел.

10. Во время еды не отвечал; во время сна не разговаривал.

Легкие служат главным органом дыхания и источником звуков; во время принятия пищи и сна дыхание несвободно, и потому разговор может повредить человеку – так думают некоторые ученые китайцы.

11. Хотя бы пища его состояла из кашицы или овощного супа, он непременно отделял из них в жертву и непременно делал это с благоговением.

12. На рогожку, постланную неровно, он не садился.

Потому что это могло нарушить душевное спокойствие.

13. На деревенском пире он не выходил из-за стола ранее стариков.

14. Когда жители его родной деревни прогоняли поветрие (т. е. изгоняли духов), то он в парадном платье стоял на восточной стороне крыльца.

Обряд отгнания поветрия совершался волхвом, который накидывал на себя медвежью шкуру с четырьмя золотыми глазами, одет был в черный камзол и красную юбку с копьем в одной и щитом в другой руке, и в этом наряде в сопровождении народа отправлялся по комнатам искать духов заразы и изгонял их. Несмотря на то, что этот древний обычай близок к забаве, тем не менее при совершении его присутствовали в парадном одеянии из почтения, а по другим источникам, потому, что, опасаясь потревожить духов предков и демонов, хотели, чтобы они, благодаря за-ступничеству своих потомков, оставались покойными.

15. Когда отправлял человека в другое владение наведаться о чьем-либо здоровье, то провожал его двукратным поклоном вослед.

16. Когда Кан-цзы послал Конфуцию лекарства, то тот, приняв его с поклоном, сказал: «Не зная их свойств, я не смею отвесть их».

17. Когда у него сгорела конюшня, Конфуций, возвратившись из дворца, сказал: «Ранен ли кто-нибудь?» – а о лошадях не осведомился.

18. Когда владетельный князь жаловал его кушаньем, то он, непременно поправив

рогожку, предварительно отведев его. Если князь жаловал его сырым мясом, то он непременно варил его и делал предложение предкам; а если князь жаловал живую скотину, то он кормил ее. Когда он присутствовал при столе у Государя, то Государь приносил жертву, после чего Конфуций прежде всех начинал есть.

19. Во время болезни, когда Государь навещал его, Конфуций обращал голову на восток и покрывал себя парадным платьем, разложив на нем пояс.

Восток – источник света и жизни.

20. В случае приказа Государя явиться, он отправлялся пешком, не ожидая, пока для него запрягут телегу.

21. Входя в храм предков, Конфуций спрашивал обо всем.

22. Когда умирал друг, которого было некому похоронить, Конфуций говорил: «Я похороню его».

23. За подарки друзей, хотя бы они состояли из телеги и лошади, но не из жертвенного мяса, он не кланялся.

24. Он не спал наподобие трупа навзничь и в обыденной жизни не принимал на себя важного вида.

25. Увидев одетого в траур, хотя бы и коротко знакомого, он менялся в лице; увидев кого-либо в парадной шапке или слепца, хотя бы часто встречался с ними, он непременно выказывал к ним вежливость. Когда, сидя в телеге, он встречал одетого в траур, опираясь на перекладину, наклонялся в знак соболезнования; такую же вежливость он оказывал и лицам, несшим списки населения. При виде роскошного угощения он непременно менялся в лице и вставал [в знак почтения]. Во время грозы и бури он непременно менялся в лице.

26. Поднявшись в телегу, он стоял в ней прямо, держась за веревку. Находясь в телеге, он не оглядывался назад, не говорил быстро и не указывал пальцем.

Древние люди вообще стояли, [передвигаясь] в телеге или колеснице; сидели только старики и женщины, для которых были особые покойные колесницы.

27. При виде недоброго выражения лица человека птицы поднимаются и летают взад и вперед, а потом опять опускаются.

«Сидящая на этом мосту фазаниха, – сказал Конфуций, – действительно знает свое время, знает свое время!» Тогда Цзы-Лу находился поодаль Конфуция, и они вместе направились к птице, как бы имея намерения поймать ее, но она, вскрикнув трижды, поднялась.

Знает свое время, т. е. когда нужно лететь, она летает; когда нужно опуститься, – опускается.

Глава XI. Хотя прежние люди...

1. Конфуций сказал: «Хотя прежние люди в церемониях и музыке были дикарями, а последующие – людьми образованными, если бы дело коснулось употребления их, то я бы последовал бы за первыми».

Потому что у них искусственность, или внешний лоск, и природа находились в полном соответствии, а у последующих поколений искусственность получила перевес над природой.

2. Конфуций сказал: «Все сопровождавшие меня в Чэнь и Цай не достигли моих ворот».

«Не достигли моих ворот» – то есть их нет при нем.

3. Между ними добродетелями отличались Янь-юань, Минь-цзы-цянь, Жань-бо-ню и Чжун-гун, красноречием – Цзай-во, Цзы-гун, в правительственных делах – Жань-ю и Цзи-лу, и ученостью – Цзы-ю и Цзы-ся».

В этом параграфе Конфуций вспоминает тех из своих учеников, которые разделяли с ним все труды и лишения во время путешествия в Чу, но которых теперь не было при нем.

4. Конфуций сказал: «Хуэй – не помощник мне; во всех моих речах он находил удовольствие».

Он молча замечал и душою постигал без всякого сомнения и вопросов.

5. Конфуций сказал: «Как почтителен Минь-цзы-цянь! Все посторонние люди не разнятся в своих отзывах о нем с отзывами его родителей и братьев».

Почтительность его к родителям особенно выразилась в следующем случае: отец его женился на второй жене, от которой имел двух сыновей; мачеха ненавидела его и одевала в рубище. Заметив это, отец хотел выгнать ее, но на это Минь-цзы-цянь доложил ему: «При матери один я терплю голод, а без нее останутся три сироты». Отец остался доволен этими речами и оставил мать, которая потом совершенно переменилась по отношению к Минь-цзы-цяню и сделалась для него любящей матерью.

6. Нань-жун три раза в день повторял стихотворение «Ши-цзина» о белом скипетре; поэтому Конфуций выдал за него дочь своего старшего брата.

В «Ши-цзине» сказано: «Пятнышко на белом скипетре еще можно зашлифовать, но ошибку в слове нельзя поправить».

7. Цзи Кан-цзы спросил у Конфуция: «Кто из Ваших учеников отличается любовью к учению?» Тот отвечал: «Был Янь-хуэй, любил учиться. К несчастью, он был недолговечен, умер, а теперь уже нет таких».

8. Когда Янь-юань умер, то Янь-лу (отец его) просил у Конфуция телегу, чтобы на вырученную за нее сумму сделать саркофаг. Конфуций сказал: «Каждый почитает своего сына вне зависимости от того, способен он или нет. Когда Ли умер, то у него был гроб, но не было саркофага. Не пешком же мне ходить ради саркофага! Так как я состою в списках вельмож, то не могу ходить пешком».

Говорят, что вельможам жаловались экипажи, которые они не могли продавать.

9. Когда Янь-юань умер, то Конфуций сказал: «Ах! Небо погубило меня! Небо погубило меня!»

Такое восклицание глубокой горести вырвалось у Конфуция потому, что из числа своих учеников он считал только Янь-юаня способным распространять свое Учение.

10. Когда Янь-юань умер, то Конфуций горько плакал. Сопутствовавшие ему сказали: «Философ, ты предаешься чрезмерной скорби!» Он отвечал: «Чрезмерной скорби? О ком же мне еще глубоко скорбеть, как не об этом человеке?!»

11. Когда Янь-юань умер, ученики хотели устроить ему богатые похороны. Конфуций сказал: «Нельзя!» Но ученики все-таки пышно похоронили Янь-юаня. Конфуций сказал на это: «Хуэй смотрел на меня как на отца, но я не могу смотреть на него как на сына; не я, а вы виноваты в этом!»

Потому что устроили ему не соответствующие похороны и таким образом лишили его спокойствия в земле.

12. Цзы-лу спросил о служении духам умерших. Конфуций отвечал: «Мы не умеем служить людям, как же можно служить духам?» Цзы-лу сказал: «Осмелюсь спросить о смерти». Конфуций ответил: «Мы не знаем жизни, как же мы можем знать смерть?»

По мнению китайских толкователей для мира загробного и мира живых, для начала и конца, собственно, нет двух законов, а только при изучении их должна быть последовательность, порядок. В природе мы видим только скопление и рассеяние, расширение или сокращение начал Инь и Ян; в первом случае мы имеем жизнь, а во втором – смерть.

13. Минь-цзы, когда стоял подле Конфуция, имел скромный вид, Цзы-лу – воинственный, Жань-ю и Цзы-гун имели вид бесхитростный. Философ был доволен, сказав: «Что касается ю, то он не умрет естественной смертью».

Впоследствии Цзы-лу был убит во время мятежа в Вэй.

14. Лусцы хотели перестроить длинную кладовую. Минь-цзы-цзянь сказал: «Оставить бы по-старому. Как Вы думаете? Зачем перестраивать?» Конфуций сказал: «Этот человек не говорит попусту, но если скажет что-нибудь, то непременно попадет в самую точку».

15. Конфуций сказал: «Ю (Цзы-лу) не в моей школе научился играть на гусях». Ученики Конфуция не уважали Цзы-лу. Философ сказал: «Ю вошел в зал, но не вступил во внутренние покои (т. е. не постиг всей сути мудрости)».

Игра Цзы-лу отличалась грубостью и воинственностью.

16. Цзы-гун спросил Конфуция: «Кто достойнее – Ши (Цзы-чжан) или Шан?» Конфуций ответил: «Ши переходит за середину, а Шан не доходит до нее». «В таком случае, – продолжал Цзы-гун, – Ши лучше Шана». Конфуций сказал: «Переходить должную границу то же, что не доходить до нее».

Цзы-чжан отличался высоким талантом и широтой мысли, но любил легко относиться к трудностям (у В. П. Васильева: «любил заниматься неисполнимым») и поэтому переходил за середину; тогда как Цзы-ся хотя отличался непоколебимой верой в Учение Конфуция и заботливостью в соблюдении его, но был человек узкий и потому не доходил до середины.

17. Некто сказал: «Фамилия Цзи богаче Чжоу-гуна; и все это благодаря Цю (Жань-ю), который собирал для нее доходы и увеличивал ее богатства». «Он не мой ученик, – сказал Конфуций, – детки, бейте в барабан и нападайте на него, он заслуживает этого!»

18. Конфуций сказал: «Чай – он глуп, Шэн – туп, Ши – лицемерен, а Ю – неотесанный».

Чай – ученик Конфуция по фамилии Гао, по прозвищу Цзы-гао, вэйский уроженец; о нем рассказывают, что он не наступал на тень, не убивал оживших насекомых, не ломал распускавшихся растений; находясь в трауре по родителям, три года плакал горячими слезами, никогда не улыбался, не ходил по тропинкам и не пролезал чрез канавы. Шэн был человек безыскусственный, простой и чистосердечный, но тупоумный. Между учениками Конфуция не было недостатка в людях умных и красноречивых, но честь распространения его Учения принадлежала не умницам, а таким бесхитростным и чистосердечным людям, как Цзэн-цзы. Такие люди хотя и медленнее понимали, но зато усваивали лучше и прочнее. Указывая на эти недостатки своих учеников, Конфуций хотел, чтобы они сами сознали их и приняли меры к исправлению этих уклонений от неизменной середины.

19. Конфуций сказал: «Хуэй (Янь-юань) почти близок к Пути (истине) и по своему бескорыстию часто терпит нужду. Цы (Цзы-гун) не мирится с судьбою, приумножает свое имущество, и расчеты его часто бывают верны».

Согласно «Ши-цзи», Ци просто был барышник, который покупал товар по дешевой цене. Чжу-си прибавляет в оправдание его, что он страдал этим пороком в

Конфуций Суждения и беседы filosoff.org
молодости, а потом оставил.

20. Цзы-чжан спросил о характеристике доброго человека. Конфуций отвечал: «Он не идет по стопам древних мудрецов и потому не войдет в храмину мудрости».

Добрый – это человек, прекрасный от природы, но неученый; его желания направлены к гуманизму, он не делает зла и действует по собственной воле, а не по установившимся образцам; но так как он не учился, то и не может войти в храм конфуцианской мудрости.

21. Конфуций сказал: «Признавать ли за благородного человека или же за притворщика того, чьи рассуждения вполне искренни?»

Смысл тот, что нельзя судить о человеке по словам и по наружности.

22. Цзы-лу спросил: «Когда услышу о долге, следует ли мне немедленно исполнять его?» «Как можно, – сказал Конфуций, – когда у тебя живы отец и старший брат?» «А мне – следует?» – спросил Жань-ю. «Тебе – следует», – отвечал Конфуций. Тогда Гун Си-хуа сказал: «Когда тебя спросил Ю, так ты отвечал ему: „У тебя есть отец и старший брат“; а Цю ты отвечал, что следует. Я в недоумении и осмеливаюсь спросить у тебя разъяснения». Конфуций отвечал: «Цю – труслив, и потому я побуждаю его идти вперед, а Ю – стремителен, потому я осаждаю его назад».

23. Когда Конфуцию угрожала опасность в местности Куан и Янь-юань отстал, то он потом сказал последнему: «Я считал тебя умершим». На это последовал ответ: «Когда Учитель жив, как я смею умереть?!»

Этим ответом Хуэй хотел сказать, что жизнь свою он считает принадлежащею ему, Конфуцию; узнав, что Учитель избежал опасности, он не считал себя вправе рисковать жизнью, хотя для спасения его охотно пожертвовал бы ею.

24. Цзи Цзы-жань спросил у Конфуция, могут ли Чжун-ю и Жань-ю называться сановниками. Конфуций сказал: «Я думал, что вы спросите о чем-нибудь необыкновенном, а вы спрашиваете о Ю и Цю! Сановником называется тот, кто служит своему государю истинно и удаляется, если находит невозможным так служить ему. Ныне Ю и Цю можно назвать сановниками для счета». На вопрос, будут ли они повиноваться ему, Конфуций ответил: «Если дело коснется отцеубийства или цареубийства, то и они не исполнят этого».

По объяснению одного из толкователей, служить государю истинно – это значит в исполнении своего долга держаться прямого пути, а не потворствовать его личным желаниям и страстям, чтобы снискать его расположение.

Цзи Цзы-жан – сын Цзи Сунь-и-жу, который выгнал своего государя Чжао-гуна. Усвоив себе образ деятельности своего отца, он уже давно питал мятежные замыслы и, сделавшись луским князем, вероятно, хотел сделать Жань-ю и Цзы-лу своими министрами. Сказав, что эти два ученика его, конечно, не примут участия в цареубийстве и отцеубийстве, Конфуций хотел этим изобличить Цзы-жана в его мятежных замыслах.

25. Цзы-лу хотел послать Цзы-гао начальником в город Ми. На это Конфуций сказал: «Это значит погубить чужого сына». Цзы-лу сказал: «Там есть народ, которым надо управлять, есть и духи земли и хлебов, которым надо приносить жертвы. Какая необходимость в чтении книг, чтобы научиться этому?» Конфуций сказал на это: «Вот почему я ненавижу краснобаев!» Следует отметить, что Цзы Лу в то время достиг изрядных высот, служа аристократической патронимии Цзи, и поэтому обладал полномочиями назначать управляющих уездами.

26. Цзы-лу, Цзэнь-си, Жань-ю и Гун-си-хуа сидели подле Конфуция, который сказал им: «Не стесняйтесь говорить потому, что я несколько старше вас. Вы постоянно говорите, что вас не знают, а что бы вы сделали, если бы вас знали?» На это Цзы-лу легкомысленно отвечал: «Если бы я управлял владением в тысячу колесниц, окруженным большим государством, испытавшим нашествие неприятеля, а вследствие этого – удручаемым голодом, то по прошествии трех лет мог бы внушить ему

мужество и направить к сознанию долга». Конфуций усмехнулся: «Ну а ты как, Цю?» Цю отвечал: «Если бы я управлял маленьким владением в шестьдесят – семьдесят ли, а то и в пятьдесят – шестьдесят ли, то в течение трех лет я мог бы довести народ до довольства. Что же касается церемоний и музыки, то для этого пришлось бы подождать достойного человека». «Ну а ты, Чи, что?» Последний отвечал: «Я не скажу, чтобы я мог это, но я желал бы поучиться; и при жертвоприношениях в храме предков, при представлениях удельных князей и их сановников желал бы в черном парадном платье и парадной шапке исполнять обязанности младшего церемониймейстера». «Ну а ты, Дянь (Цзэн-си), что скажешь?» Когда замерли звуки гуслей, на которых играл Цзэн-си, он отложил их и, поднявшись, отвечал: «Мой выбор отличается от выбора трех господ». Конфуций сказал: «Что за беда? Ведь каждый высказывает свои желания». Тогда Дянь сказал: «Под конец весны, когда весеннее платье все готово, я желал бы с пятью-шестью молодыми людьми, да с шестью-семью юнцами купаться в реке И, наслаждаться затем прохладой на холме У-юй и с песнями возвращаться домой». Конфуций с глубоким вздохом сказал: «Я одобряю Дяня». Когда трое учеников удалились, Цзэн-си, оставшись подле Конфуция, спросил: «Что Вы думаете о речах трех учеников?» Конфуций сказал: «Каждый из них выразил только свое желание». «Почему Вы улыбнулись, когда говорил Ю?» – продолжал Цзэн-си.

«Хочет управлять государством посредством церемоний, а между тем речи его не дышали уступчивостью – вот почему я улыбнулся», – ответил Конфуций. Дянь спросил: «А разве Цю говорил не о государстве?» «Откуда же это видно, что пространство в пятьдесят, шестьдесят или семьдесят ли не государство?» «А разве Чи говорил не о государстве?» «Храм предков и собрание князей разве не касаются князей? Если бы Чи был младшим церемониймейстером, то кто же мог бы быть старшим?»

Достойный человек – цзюнь-цзы, муж, украшенный совершенствами.

Глава XII. Янь-юань

1. На вопрос Янь-юаня о гуманизме Конфуций сказал: «Победить себя и вернуться к церемониям значит стать гуманистом. И в тот день, когда человек победит себя и возвратится к церемониям, Вселенная возвратится к гуманизму. Быть гуманистом зависит ли от себя или от людей?» Янь-юань сказал: «Позволю себе просить Вас указать мне подробности». Конфуций отвечал: «Не смотри на то, что противно правилам, не слушай того, что противно им, не говори того, что противно им и не совершай действий, противных им». Янь-юань сказал: «Хотя я и не отличаюсь быстротой ума, но попытаюсь осуществить эти слова».

По учению конфуцианцев, Небо даровало человеку добрую природу и начертало для него неизменные законы. К сожалению, страсти помрачили, затемнили эту добрую природу, и вот для того, чтобы просветить, очистить ее, человеку необходимо возвратиться к церемониям, т. е. к правилам, которые, являясь выражением присущих человеку небесных законов, определяют деятельность человека во всех ее проявлениях. Законодателями и творцами этих церемоний являются мудрецы, или святые люди, потому что они сохранили дарованную Небом человеку добрую природу с присущими ей законами во всей ее чистоте. Поэтому победа над страстями при содействии церемоний, или правил, воплощающих небесные законы, является единственным средством к достижению гуманизма, обнимающего собою всю совокупность наших душевных качеств и, следовательно, к очищению нашей затемненной природы или возвращению всех присущих ей добродетелей.

Победа над собою и возвращение к дарованным нам Небом правилам представляют собою работу сложную и продолжительную, и однодневная случайная победа над собою не может вернуть утраченных законов или правил, а тем более оказать могущественное нравственно-образовательное влияние на Вселенную.

2. На вопрос Чжун-гуна о человеколюбии (гуманности) Конфуций отвечал: «Вне дома веди себя, как будто бы ты принимал знатного гостя; распорядись народом, как будто бы ты участвовал при великом жертвоприношении; чего не желаешь себе, не делай и другим, и тогда как в государстве, так и дома не будет против тебя ропота». Чжун-юн отвечал: «Хотя я и не отличаюсь быстротой ума, но попытаюсь

Конфуций Суждения и беседы filosoff.org
осуществить эти слова».

Когда с почтением будешь держать себя и снисходительно обращаться с другими, тогда в душе не будет места эгоизму и будет полнота душевных добродетелей.

3. На вопрос Сы-ма-ню о человеколюбии (гуманности) Конфуций отвечал: «Гуманизм – это осторожность в речах». На это Сы-ма-ню сказал: «Осторожность в речах – это ли называется гуманизмом?» Конфуций отвечал: «Что трудно сделать, разве о том можно говорить без осторожности?»

Такой ответ Конфуция объясняется толкователями тем, что Сы-ма-ню был человек болтливый и горячий, и Конфуций, желая предостеречь и исправить его от этих великих недостатков, дал ему этот ответ.

4. На вопрос Сы-ма-ню о благородном муже Конфуций отвечал: «Благородный муж тот, который скорбит и не боится». На это Сы-ма-ню сказал: «Кто не боится и не скорбит – это ли есть благородный муж?» Конфуций сказал: «Если кто, исследуя свой внутренний мир, не находит в себе недостатков, чего же ему скорбеть или бояться?»

5. Сы-ма-ню со скорбью сказал: «У всех есть братья, только у меня их нет». Цзы-ся ответил: «Я слышал, что смерть и жизнь зависят от судьбы, а богатство и знатность – от Неба. Если благородный муж постоянно внимателен к себе, почителен и вежлив к другим, то во всей Вселенной все ему братья. Чего же ему беспокоиться, что у него нет братьев?»

По мнению китайцев судьба дается человеку при его рождении; она неизменна, и ему остается только покориться ей.

6. На вопрос Цзы-чжана об умном Конфуций отвечал: «Умным и даже дальновидным можно назвать того, на кого не действуют ни медленно всасывающаяся клевета, ни жалобы на кровные обиды».

Умный и дальновидный есть тот, кто сумеет по достоинству и в точной мере понять и оценить медленный яд клеветы и горячие жалобы на обиды.

7. На вопрос Цзы-гуна, в чем состоит управление, Конфуций отвечал: «В достаточности пищи, в достаточности военных сил и в доверии народа». Цзы-гун сказал: «Но если бы предстояла неизбежная необходимость исключить одну из этих трех статей, то какую исключить прежде?» «Военную часть», – отвечал Конфуций. Цзы-гун сказал: «А если бы правительство вынуждено было пожертвовать одной из этих двух, то какую прежде?» «Пищью», – сказал Конфуций, – потому что смерть всегда была общим делом, а без доверия народа правительство не может стоять».

То есть заботы правительства должны заключаться в том, чтобы магазины были полны хлеба и на военное дело было обращено внимание; после этого его просветительное влияние распространится на народ и он будет верен ему.

Новейшие толкователи разумеют здесь взаимное доверие между правительством и народом, без которого невозможно их сосуществование.

8. Цзи-цзы-чэн сказал: «Благородному мужу нужна только безыскусственность, к чему еще шлифовка?» Цзы-гун сказал: «Увы! Ваши слова – слова благородного мужа; но четверка лошадей не в состоянии догнать слова, сорвавшиеся с языка. Внешнее украшение подходит к природе, а природа – к украшению. Шкура барса или тигра без волос походит на шкуру собаки или барана».

Цзи-цзы-чэн, вэйский вельможа, скорбя о преобладании в своих современниках внешнего лоска над природой, сказал это изречение.

Толкователи говорят: и то, и другое необходимо; если мы совершенно отбросим внешнее украшение, то в таком случае не будет никакой разницы между благородным, т. е. образованным мужем и низким человеком, или невеждой.

9. Ай-гун спросил у Ю-жо: «Год голодный, средств недостаточно, как быть?» Ю-жо отвечал: «Восстановить бы десятину?» Князь сказал: «Для меня даже двух десятин недостаточно; что же я буду делать с одной?» На это Ю-жо отвечал: «Если у народа будет достаток, то каким же образом у государя будет недостаток? Если у народа будет недостаток, то каким же образом у государя будет достаток?»

По земельным установлениям чжоуской династии поле в 900 му разделялось на 9 равных участков, орошаемых канавами, которые обрабатывались общими силами восьми семей; урожай с них они делили поровну, пропорционально количеству десятин земли, причем 1/10 часть его отделялась в пользу казны. Это и называлось десятиною. С царствования луского князя Сю-аня (601–590 гг. до Р.Х. по Васильеву, 608–590 гг. до Р.Х. по Леггу) кроме этой десятины установлено было взимать еще десятину с каждого, что составило уже 2 десятины.

10. Цзы-чжан спросил: «Как возвысить добродетель и отличить заблуждение?» Конфуций отвечал: «Принимать за руководительное начало преданность и искренность и обращаться к справедливости – это значит возвышать добродетель. Любя, кого вы желаете, чтобы он жил, ненавидя, кого вы желаете, чтобы он умер. Коль скоро вы желаете жизни и в то же время желаете смерти – это будет заблуждение. В „Ши-цзине“ сказано: „Положительно не из-за богатства (он бросил меня), а только из-за разнообразия (т. е. что новая любовь имеет для него особую прелесть)“.

Толкователи замечают, что хотя любовь и ненависть суть обычные человеческие чувства, но жизнь и смерть человеческая зависят от судьбы, а не от человеческих желаний, а потому из-за любви или ненависти желать кому жизни или смерти значит заблуждаться; а желание в одно и то же время и жизни и смерти является еще большим заблуждением. Всякое бессмысленное желание есть заблуждение.

Приведенные слова «Ши-цзина», которые так мало вяжутся с текстом, по мнению Чэн-Цзы, вставлены здесь по ошибке и должны быть помещены в § 12 XVI главы выше слов: «Циский князь Цзин-Гун имел тысячу четверок лошадей».

11. В ответ на вопрос циского князя Ци-на о правлении, предложенный им Конфуцию, последний отвечал: «Правление есть там, где государь есть государь, министр – министр, отец – отец и сын – сын». На это князь сказал: «Прекрасно! Действительно, если государь не будет государем, министр – министром, отец – отцом и сын сыном, то хотя бы у меня был хлеб, буду ли я в состоянии пользоваться им?»

Это великий и неизменный закон человеческих отношений и корень правительственной политики.

Князь Цзин-гун, хотя и одобрил слова Конфуция, но не сумел воспользоваться ими. Впоследствии, действительно, неопределенность в наследовании княжеств послужила поводом к тому, что фамилия Чэн (Тянь-ци) убила князя и овладела государством Ци, население которого уже давно было расположено к нему за то, что он выдавал народу хлеб большою мерой, а принимал от него малою.

12. Философ сказал: «Полусловом могущий решить судебное дело – это Ю (Цзы-лу). Он никогда не откладывал своих обещаний до другого дня».

13. Философ сказал: «Слушать тяжбы я могу подобно другим, но что действительно необходимо, это чтобы не было тяжб».

14. В ответ на вопрос Цзы-чжана на счет правления философ отвечал: «Управление заключается в том, чтобы неустанно сосредоточиваться на нем и нелицемерно осуществлять его».

15. Философ сказал: «Если бы при обширной учености сдерживать себя церемониями (т. е. правилами), то благодаря этому также можно не уклониться от истины».

16. Философ сказал: «Благородный муж содействует людям в осуществлении их добрых дел, но не злых, а низкий человек поступает противно этому (наоборот)».

17. На вопрос Цзи Кан-цзы насчет правления философ отвечал: «Правление – это есть исправление. Если вы будете подавать другим пример прямоты, то кто же осмелится быть непрямым?»

Небывалое дело, чтобы человек, сам будучи непрямым, мог исправлять других.

18. Цзи Кан-цзы, озабоченный развившимся воровством, спросил на этот счет совета у Конфуция. Последний отвечал ему: «Если вы сами не будете алчны (т. е. не будете воровать), то, хотя бы вы давали людям награды, они не станут воровать».

Этим ответом Конфуций хотел сказать Цзи Кан-цзы, что он своим узурпаторством подает народу пример воровства.

19. Цзи Кан-цзы, спрашивая у Конфуция о правлении, сказал: «Что вы скажете, если мы будем казнить (убивать) незаконных людей для образования нравственных людей?» Конфуций отвечал: «Вы управляете, зачем же прибегать к убийству? Если вы пожелаете быть добрым, то и народ будет добр. Добродетели благородного мужа – это ветер, а качества низкого человека – это трава, и ветер, гуляющий по траве, непременно пригибает ее».

20. Цзы-чжан спросил: «Каков должен быть ученый, которого можно было бы назвать истинно славным?» «Кого это ты называешь истинно славным?» – спросил Конфуций. Цзы-чжан отвечал: «Того, кто непременно пользуется известностью как в государстве, так и в семье». «Но это будет известный, а не истинно славный, – возразил Конфуций, – истинно славный обладает природною прямою и любит правду, вникает в слова и вглядывается в выражение лица, заботится о том, чтобы поставить себя ниже других, – такой, без сомнения, будет истинно славным как в государстве, так и в семье. А известный – это тот, кто принимает вид гуманиста, тогда как действия его противоречат этому и он, не подозревая, пребывает в этом заблуждении. Такой будет известен как в государстве, так и в семье».

Учащийся должен ставить своею задачею внутреннее самоусовершенствование, а не домогательство славы.

21. Фань-чи, сопутствуя Конфуцию, в прогулке под У и Юй, сказал: «Осмелюсь спросить Вас о возвышении добродетели, искоренении зла и различении заблуждения». «Прекрасный вопрос, – сказал философ, – прежде дело, а потом успех, разве это не значит возвышать добродетель? При нападении на свое зло не нападать на чужое зло, разве это не значит искоренять зло? Под влиянием минутной досады забывать себя и своих родителей, разве это не заблуждение?»

Ставить долг на первом плане, а выгоды на втором. Зло нельзя искоренить, если мы не будем обращать внимания на свои погрешности, а только замечать погрешности других. Ничто так легко не возбуждает человека и не доводит его до самозабвения, влекущего к самым пагубным последствиям для него и родителей, как мгновенные вспышки гнева и досады, а потому для избежания великих заблуждений необходимо различать их в самом зародыше.

22. На вопрос Фань-чи о человеколюбии (гуманности) философ отвечал: «Гуманность – это любовь к людям». На вопрос, что такое знание, философ отвечал: «Знание – это знание людей». Фань-чи не понял. Философ сказал: «Возвышая людей честных (прямых) и преграждая путь бесчестным (кривым), мы можем сделать бесчестных честными». Фань-чи ушел и, встретив Цзы-ся, сказал: «Недавно я был у философа и спросил его, в чем состоит знание. Он отвечал: „Возвышая людей честных и преграждая путь бесчестным, мы можем сделать бесчестных людей честными“. Что это значит?» Цзы-ся отвечал: «Богатое (капитальное) изречение! Шунь, получив царство, выбирал из всех и возвысил Гао-яо; вследствие этого люди негуманные удалились. Тан, получив престол, выбирая из всех, возвысил И-иня, и люди негуманные также удалились».

Толкователи говорят, что эти достойные люди своим примером обратили негуманных людей в гуманных. Знание Шуня и Тана выразилось в умении узнавать и выбирать достойных людей, а гуманность их выразилась в том, что благодаря им дурные люди сделались хорошими.

23. Цзы-гун спросил: «В чем состоит дружба?» философ ответил: «В искреннем увещании и в добром руководстве; нельзя – прекрати, не срами себя».

24. Цзэн-цзы сказал: «Благородный муж: сходится с друзьями чрез ученость и пользуется ими для усовершенствования в гуманности (добродетели)».

Глава XIII. Цзы-лу

1. Цзы-лу спросил: «В чем состоит правление?» философ ответил: «В том, чтобы предупреждать народ своим примером и трудиться для него». На просьбу о дальнейших объяснениях философ сказал: «Не ленись».

Толкователи говорят, что энтузиаст охотно предается деятельности, но энергия его скоро ослабевает, потому Конфуций и советует не облениться.

2. Чжун-гун, сделавшись правителем у фамилии Ци, спросил об управлении. философ сказал: «Сначала обращай внимание на подчиненных чиновников, прощай малые ошибки и возвышай достойных и способных». Чжун-гун сказал: «Как узнавать достойных и способных и возвышать их?» философ ответил: «Возвышай известных тебе, а неизвестных тебе люди не бросят».

3. Цзы-лу сказал: «Вэйский государь Чу-гун-чжэ ожидает Вас, философ, чтобы с Вами управлять государством. С чего Вы намерены начать?» «Необходимо исправить имена», – ответил Конфуций. «Вот как! Вы далеко заходите. К чему это исправление?» – спросил Цзы-лу. «Дикарь ты, ю, – отвечал философ. – Благородный муж осторожен по отношению к тому, чего не знает. Если имя неправильно (не соответствует сущности), то слово противоречит делу, а когда слово противоречит делу, то дело не будет исполнено, а если дело не будет исполнено, то церемонии и музыка не будут процветать, а если церемонии и музыка не будут процветать, то наказания не будут правильны, а когда наказания будут извращены, то народ не будет знать, как ему вести себя. Поэтому для благородного мужа необходимо, чтобы он непременно [мог назвать правильные имена вещей с тем, чтобы] сказанное исполнить и чтобы в словах его не было ничего бесчестного (недобросовестного)».

По выражению китайских ученых, имя – это часть действительного предмета, а действительный предмет есть хозяин имени, и что между тем, и другим должно быть полное соответствие. Например: для тушения пожара необходима вода, а человеку говорят: «принеси огня», – ясно, что дело не может быть сделано вследствие извращения имени.

Все это довольно-таки туманное резонирование направлено было Конфуцием против следующего случая: вэйский наследник Куай-туй, стыдясь развратного поведения своей матери Нань-цзы, хотел умертвить ее, но это ему не удалось, и он бежал. Тогда отец его Лин-гун хотел сделать наследником второго сына своего Ина, но он отказался. Сам князь умер, и княгиня опять-таки хотела назначить Ина, но он снова отказался, и тогда на место его был назначен сын Куай-туй'я Чжэ (Чу-Гун. – Ред.), ставший во враждебные отношения к отцу. Таким образом, Куай-туй и Чжэ явились людьми, не признававшими своих отцов, и Конфуций под исправлением имен будто бы разумел возведение на княжеский престол Ина.

4. Фань-чи просил научить его земледелию. философ ответил: «Я хуже опытного земледельца». «Ну, прошу научить огородничеству», – попросил Фань-чи. философ ответил: «Я хуже опытного огородника». Когда Фань-чи вышел, философ сказал:

«Мелкий человек этот Фань-сюй. Если наверху любят церемонии, то народ не осмелится быть непочтительным; если наверху любят правду, то народ не осмелится не покоряться; если наверху любят искренность, то народ не осмелится не выражать привязанности. А при таких условиях народ, неся в пеленках за плечами малых детей, устремится к вам. Зачем же заниматься земледелием?»

5. Конфуций сказал: «Человек прочитает весь „Ши-цзин“, а дадут ему какое-нибудь

правительственное дело, то он не понимает его; пошлют его в чужое государство, а он не в состоянии один справиться с ним. Хотя он и много знает, но какая от этого польза?»

Конфуций здесь вовсе не отрицает пользы «Ши-цзина», к которому он питал такую привязанность и уважение, а указывает только на то, что в его время изучение «Ши-цзина» ограничивалось распеванием фраз его без углубления в смысл их и приложения на практике.

6. Конфуций сказал: «Если сам правитель корректен, то народ без приказаний будет исполнять, что нужно; если же правитель сам не корректен, то, хотя бы он приказывал, его не послушают».

7. Философ сказал: «Государства Лу и Вэй по своему правлению сходны между собою».

Луские князья были потомками Чжоу-гуна, а вэйские – младшего брата его Кан-шу. Говорят, что здесь Конфуций оплакивает упадок этих двух родственных домов. Княжество Вэй располагалось в Северной Хэнани между Сан-си и Чжи-ли.

8. Философ отозвался о взыском княжиче Цзине, что он умел жить (хозяйничать). «Как только у него появилось кое-что, он говорил: „Кое-как накапливается“; когда у него был малый недостаток, он говорил: „Кое-как наполняется“; а когда разбогател, то говорил: „Однако славно!“

9. Философ отправился в Вэй с Жань-сю в качестве кучера и, обратившись к нему, сказал: «Как много народа!» Жань спросил: «Коль скоро много, то что еще можно было бы прибавить?» «Обогатить его», – отвечал философ. «А когда он разбогатеет, то что еще можно бы сделать для него?» «Научить его», – отвечал философ.

Толкователи по этому поводу замечают: Небо, сотворив людей, дало им правителей (пастырей), вручив им три дела: отцу – питание, наставнику – обучение и правителю – управление.

10. Философ сказал: «Если бы кто воспользовался мною для службы, то через год правление было бы уже порядочное, а через три года оно было бы уже совершенно устроено».

11. Философ сказал: «Если бы хорошие люди управляли государством сто лет, то тогда возможно бы было победить жестоких и уничтожить казни».

По толкованиям, «победить жестоких» – значит просветить их настолько, чтобы они не делали зла. Обращение народа на путь добра сделало бы наказания ненужными.

12. Философ сказал: «Если бы появился государь, проникнутый чувством законности, то по истечении века (поколения) воцарилось бы человеколюбие».

Под именем государя разумеется мудрый человек, уполномоченный Небом на царство.

13. Философ сказал: «Если кто исправит себя, то какая трудность для него участвовать в управлении? Если же кто не в состоянии исправить самого себя, то каким образом он будет исправлять других?»

14. Когда Жань-цзы возвратился из дворца, философ спросил: «Почему так поздно?» Жань-цзы отвечал: «Были государственные дела». На это философ возразил: «Вероятно, это было частное дело, потому что, если бы были государственные дела, то я бы знал о них, несмотря на то, что я не у дел».

Во время господства в царстве Лу фамилии Цзи государственные дела обсуждались не в княжеской думе, а на дому у вельмож Цзи. Ввиду этого Конфуций и называет государственное дело, как не обсуждавшееся в княжеской думе, делом частным фамилии Цзи.

15. Дин-гун спросил: «Возможно ли одним словом возвысить государство?» Конфуций отвечал: «От одного слова нельзя ожидать таких результатов. Людская пословица говорит: „Быть государем трудно, но нелегко быть и министром“. Если будем понимать, что трудно быть государем, то разве нельзя надеяться одним этим словом поднять государство?» «А бывало ли, чтобы одно слово губило государство?» – спросил Дин-гун. Конфуций отвечал: «От одного слова нельзя ожидать этого. Народная пословица говорит: „Я не радуюсь быть правителем, потому что словам его только поддакивают, и никто не противоречит ему“. Если слова его хороши и им не противоречат, разве это не хорошо? Если же они не хороши и им не противоречат, не близко ли это к тому, что одно слово губит государство?»

16. Шэ-гун спросил о правлении. Философ ответил: «Правление хорошо, когда окружающие (близкие) довольны, а отдаленные приходят к тебе».

Шэ-гун – правитель города Шэ в княжестве Чу, присвоивший себе титул гуна.

17. Цзы-ся, сделавшись правителем города Цзюй-фу, спросил о том, как управлять. Философ ответил: «Не торопись и не гонись за малыми выгодами. Будь торопиться – не уразумеешь дела; будешь гоняться за малыми выгодами большого дела не сделаешь».

18. Шэ-гун в разговоре с Конфуцием сказал: «В нашей деревне был один прямолинейный парень; отец его удержал (угнал) чужого барана, а сын явился в качестве обвинителя». Конфуций сказал: «В нашей деревне прямолинейные люди отличаются от этого: у нас отец прикрывает сына, сын прикрывает отца. В этом и есть прямота».

Взаимное укрывательство отца сыном и сына отцом составляет высшее проявление небесных законов и человеческих чувств, поэтому в таком укрывательстве хотя и не видно стремления к прямоте, но она естественным образом заключается в этом деянии.

19. На вопрос фань-чи о гуманизме философ ответил: «Будь скромн в частной жизни, управляй делами с благоговейным вниманием, будь искренен к людям; хотя бы ты ушел к дикарям, – и там нельзя бросить этого».

20. Цзы-гун спросил: «Каков должен быть тот, кого можно бы назвать ученым?» Философ сказал: «Ученым можно назвать того, кто не зазорен в своем поведении и, будучи послан в чужие края, не посрамит повеления государя». «Смею спросить: кто будет следующий за этим?» – поинтересовался Цзы-гун. «Тот, кто непременно остается верен своему слову и непременно приводит в исполнение то, что делает; таким образом, крепкие и ограниченные люди все-таки могут занимать следующее место (в разряде ученых)». Цзы-гун сказал: «А каковы настоящие соучастники в правлении?» «Эх, – ответил философ, – стоит ли брать в расчет этих мелких людишек?»

21. Философ сказал: «За неимением людей, идущих путем неуклонной середины, с которыми бы я мог иметь дело, я непременно обратился бы к людям пылким и сдержанным, потому что первые берут натиском, а у вторых есть нечто, сдерживающее от противозаконного».

Толкователи говорят: у пылких – перевес ума над поведением, а у сдержанных – перевес поведения над умом; для того, чтобы образовать из них людей, подходящих к конфуцианскому масштабу, т. е. могущих идти путем неуклонной середины, – первых необходимо сдерживать, а вторых возбуждать, подстрекать.

22. Конфуций сказал: «У южан есть поговорка: „Человек, не обладающий постоянством, не может быть ни знахарем, ни доктором“. Прекрасно! В „И-цзине“ сказано: „Непостоянный в своем призвании иногда может подвергнуться посрамлению“. Это известно и без гадания».

Что люди, не отличающиеся постоянством в своих профессиях, иногда подвергаются посрамлению – это до такой степени очевидно, что не требует никакого гадания. Но даже, говорят некоторые, если бы человек непостоянный и получил при гадании

такое предсказание, то он скорее рискнул бы посрамлением, чем прозрел бы.

23. Философ сказал: «Благородный муж миролюбив, но не льстив, а низкий льстив, но не миролюбив».

24. Цзы-гун спросил: «Что Вы скажете о человеке, которого все земляки любят». «Не годится», – сказал философ. «А что Вы скажете о человеке, которого все ненавидят?» – продолжал спрашивать Цзы-гун. «Тоже не годится, – сказал философ. – Лучше тот, которого любят хорошие земляки и ненавидят нехорошие».

25. Философ сказал: «Благородному человеку легко служить, но трудно угодить; угождаешь ему не по закону, он не будет доволен. Что касается употребления им людей на службу, то он дает им дело, смотря по их способностям. Подлому человеку трудно служить, но легко угодить, потому что хотя угождаешь ему и не по закону, но он будет доволен. Что же касается употребления им людей на службу, то он ищет таких, которые были бы способны на всё».

Благородный муж беспристрастен и снисходителен, а подлый своекорыстен и придиричив.

26. Философ сказал: «Благородный муж отличается спокойным достоинством, но не тщеславен; а подлый человек, наоборот, тщеславен, но не имеет спокойного достоинства».

27. Философ сказал: «Человек твердый, решительный, безыскусный и простосердечный подходит близко к гуманизму».

28. Цзы-лу спросил: «Каков должен быть человек, чтобы можно было назвать его ученым?» Конфуций отвечал: «Ученым можно назвать того, кто настойчив, убедителен и любезен. По отношению к другим – настойчив и убедителен, по отношению к братьям – любезен».

Конфуций дал такой ответ Цзы-лу, потому что последний в недостаточной степени обладал перечисленными качествами.

29. «Когда хороший человек будет учить народ в течение семи лет, то с таким народом можно идти на войну», – сказал Конфуций.

По толкованию китайских ученых, под обучением здесь разумеется обучение нравственным принципам, земледелию, как основе народного благосостояния, военному искусству и развитие в народе чувства патриотизма.

30. Философ сказал: «Посылать на войну людей необученных – значит бросать их».

Глава XIV Сянь спросил...

1. Сянь спросил: «Что постыдно?» философ ответил: «Думать только о жалованье, когда в государстве царит порядок, и думать о том же, когда в нем нет порядка, – это постыдно». «Когда тщеславие, самомнение, ропот и алчность подавлены, то можно ли это считать за гуманизм?» – снова спросил Сянь. Философ ответил: «Это можно считать за совершение трудного дела, но гуманизм ли это – я не знаю».

Гуманизм, или человеколюбие, представляет собою всю совокупность совершенств, дарованных Небом человеку, – это то целостное, что делает человека человеком, а потому и не может быть исчерпано отсутствием четырех вышеупомянутых недостатков, хотя только гуманист может подавить в себе тщеславие, самомнение, ропот и алчность. Засим ведь подавление в себе этих страстей не означает еще полного искоренения их, а предполагает, что они продолжают пребывать в человеке в скрытом состоянии.

Сянь (Юань Сянь) – один из учеников Конфуция. Уроженец княжества Лу.

2. Философ сказал: «Ученый, думающий о спокойствии и удобствах, не заслуживает этого имени».

Заботливость о комфорте постоянно сопровождается стремлением к выгодам и нарушением долга.

3. Философ сказал: «Когда в государстве царит порядок, то как речи, так и действия могут быть возвышенны и смелы; но когда в государстве царит беззаконие, то действия могут быть возвышенны, но слова – покорны».

Поведение благородного мужа не может меняться; но что касается слов, то во избежание несчастий он иногда не дерзает говорить всего.

4. Философ сказал: «Человек, одаренный добродетелями, без сомнения, обладает даром слова, но обладающий даром слова не всегда бывает одарен добродетелями; человек гуманный, конечно, обладает храбростью, но храбрость не всегда соединяется с гуманностью».

5. Нань-гун-ко спросил Конфуция: «И стрелял искусно, а Ао двигал лодку посуху, и оба они умерли неестественною смертью. Юй и Цзи лично занимались земледелием и получили Вселенную». Философ не отвечал. Когда Нань-гун-ко вышел, философ сказал: «Благородный муж этот человек, уважающий достоинства!»

И, владетель Ю-цзюни, был искусный стрелок. Умертвив сясского государя Сяна, он овладел его престолом, но министр его Хань-чжо убил его самого и сам занял его место. Ао, или Яо, его сын, отличался силою и мог посуху двигать лодку (зависит от размеров); он был убит сясским государем Шао-каном (2118–2057 гг. до н. э.). Потомок Цзи, сына императора Ди-ку (за 2435), У-ван также получил Вселенную (Китай).

6. Философ сказал: «Что благородный муж бывает иногда не гуманен – это случается; но чтобы низкий человек был гуманным – этого не бывает».

Благородный муж иногда на один миг по рассеянности может быть нечеловеколюбивым.

7. Философ сказал: «Любящий человек разве может не поощрять к труду того, кого он любит? Преданный разве может не вразумлять своего государя?»

Без первого условия любовь будет чисто животным чувством, а без второго преданность будет преданностью женщин и евнухов, т. е., хочет сказать толкователь, небескорыстною.

8. Философ сказал: «При составлении приказов в уделе Чжэн Би-чэнь писал начерно, Ши-шу обсуждал, заведующий посольским приказом Цзы-юй исправлял, а дунлиский Цзы-чань отделявал слог».

Би Чэнь, Ши Шу, Цзы Юй – сановники княжества Чжэн, трудившиеся под руководством знаменитого своей мудростью советника Цзычаня.

9. Некто спросил философа о Цзы-чане. Он отвечал: «Милосердный человек». Спросили его о Цзы-си. Он сказал: «А, тот-то, а, тот-то!» Спросили его о Гуань-чжуне. Он сказал: «Это тот человек, для которого у фамилии Бо был отнят город Пянь с тремя сотнями семейств; Бо, питаюсь грубой пищей, до конца своих дней не произнес ни одного слова ропота против Гуань-чжуна».

Цзы-си – чуский царевич по имени Шэнь, который уступил престол Чжао-вану и после поражения, нанесенного чусцам усцами, привел в порядок государственное управление, но не сумел уговорить своего князя сложить предвосхищенный им титул великого князя и воспротивился приглашению на службу Конфуция. Вот почему философ отозвался с таким презрением о Цзы-си – «а, тот-то!».

10. Философ сказал: «Быть бедным и не роптать – трудно. Быть богатым и не гордиться – легко».

11. Философ сказал: «Мэн-гун-чо, сделавшись министром двора у Чжао и Вэй, был с избытком годен для этого поста, но не мог бы быть вельможей в Тэн и Сюэ».

Объясняют это многосложностью и трудностью государственных обязанностей, лежавших на вельможе в таких маленьких уделах, как Тэн и Сюэ, так как в таких больших уделах, как Чжао и Вэй, должность министра двора была почетная и не-ответственная и потому, Мэн при своей честности и бесстрастии мог свободно занимать ее, но, как человек малоспособный, он не мог занимать никакого ответственного поста.

12. На вопрос Цзы-лу о совершенном человеке философ отвечал: «Если взять знание Цзан У-чжуна, бесстрастие Гунь-чо, мужество Чжуан-цзы, искусство Жань-цю и украсить церемониями и музыкой, то такого еще можно было бы признать совершенным». «Для современных совершенных людей, – прибавил он, – зачем непременно такая роскошь? Если ныне человек при виде корысти – думает о долге, при виде опасности – готов пожертвовать жизнью, отдает людям давно обещанное и не забывает слов, данных в жизни, то и такого можно назвать совершенным».

У-чжун, по имени Хэ, славился своим умом, и современники называли его мудрецом. Чжуан-цзы правитель города Бянь в княжестве Лу.

13. Философ спросил у Гун-мин-цзя о Гун-шу-вэнь-цзы: «Правда ли, что твой учитель не говорит, не смеется и не берет взятки?» Гун-мин-цзя отвечал: «Сказавший вам пересолил. Мой учитель говорит вовремя, и потому его речь не надоедает людям; смеется, когда весел, и его смех не надоедает людям; берет, когда справедливость допускает, и люди не тягостятся тем, что он берет. Так-то!» «Неужели это так?» – спросил философ.

Гун-шу Вэнь-цзы – вэйский вельможа Гун-сунь-чжи. Гун-мин Цзя – также вэйский уроженец; Гун-мин – это его имя, а Цзя фамилия.

14. Философ сказал: «Цзан-у-чжун, владея местом фан, просил луского князя о назначении ему преемника. Хотя и говорят, что он не вымогал этого у своего государя, я не верю этому!»

15. Философ сказал: «Цзиньский Вэнь-гун лукав и не прям, и циский Хуань-гун прям и не лукав».

Оба эти князя были главами сеймов удельных князей; из уважения к чжоускому дому прогоняли варваров, и хотя оба они были люди не прямые, но все-таки Ци Хуань-гун был лучше Вэнь-гуна.

16. Цзы-лу сказал: «Когда Хуань-гун умертвил княжича Цю, то Шао-ху умертвил себя, а Гуань-чжун остался жив. Не могу ли я сказать, что он не был гуманистом?» Философ сказал: «Что Хуань-гун соединил удельных князей не силою оружия – это заслуга Гуань-чжуна. Кто был так человеколюбив, как он? Кто был так человеколюбив, как он?»

По поводу этих событий мы узнаем из «Чунь-цю» следующее: вследствие того, что циский Сян-гун был беззаконник, Бао-шу-я с княжичем Сяо-бо бежали в Цзюй, а Гуань-чжун и Шао-ху после убиения Сян-гуна бежали с другим княжичем Цю, младшим братом Сяо-бо, в княжество Лу. Впоследствии Сяо-бо, сделавшись циским князем под именем Хуань-гуна, убил своего брата Цю и просил выдать Гуань-чжуна и Шао-ху; последний покончил самоубийством, а Гуань-чжун, доставленный в клетку, по рекомендации Бао-шу-я сделался министром у Хуань-гуна.

17. Цзы-гун сказал: «Мне кажется, что Гуань-чжун не гуманист. Когда Хуань-гун умертвил своего брата, княжича Цю, то он не только не мог умереть вместе с ним, но еще сделался министром у убийцы его». На это философ заметил: «Гуань-чжун, в качестве министра Хуань-гуна, поставил его во главе удельных князей, объединил и

упорядочил всю Вселенную, и народ до сего времени пользуется его благодеяниями. Если бы не Гуань-чжун, мы ходили бы с распущенными волосами и запахивали левую полу (т. е. были бы дикарями). Разве можно требовать от него щепетильности простых мужиков и баб, умерщвляющих себя в канавах и рвах в полной неизвестности?»

Конфуцианская мораль оказывается весьма покладистой, признавая для Гуань-чжуна необязательным исполнение его долга по отношению к принятому им под свое покровительство младшему брату Хуань-гуна Цю на том только основании, что он был младшим, а не старшим братом, и оправдывая этим поступление его на службу к убийце своего протеже.

18. Чиновник правителя Гун-шу вместе с самим Вэнь-цзы, министром, управляющим делами правителя, поступили на службу к сюзеренному двору. Услышав об этом, философ сказал: «Гун шу можно назвать „Вэнь“ (т. е. образованный)».

Положение управляющего дворцом какого-либо вельможи было довольно низкое, и потому рекомендация Вэнь-цзы своего управляющего на службу к сюзеренному двору, куда он и сам поступал, была некоторым образом подвигом, показавшим знание людей, забвение себя и желание служить сюзерену хорошими людьми; почему Конфуций, узнав об этом факте после смерти Вэнь-цзы, назвал его Вэн (образованный), как бы признавая за ним право на этот посмертный титул.

19. Философ отзывался о взыском князе Лине, как о человеке беспутном. Кан-цзы на это сказал: «Если он так беспутен, то почему он не потерял трона?» Конфуций сказал: «У него Чжун Шу-юй управляет иностранными делами, Чжу-то – жертвенными, Ван Сун-цзя – военными. При таких условиях, как же он может потерять трон?»

20. Философ сказал: «Кто бесстыдно хвастается, тому трудно исполнить свое слово».

21. Когда Чэнь Чэн-цзы умертвил Цзянь-гуна, тогда Конфуций обмылся и, представившись во дворец, заявил Ай-гуну, своему государю: «Чэнь Хэн убил своего государя, прошу о наказании его». Ай-гун сказал ему: «Сообщи трем именитым мужам». Конфуций сказал самому себе: «Так как я принадлежал к вельможам, то не смел не объявить об этом государю, а он говорит: „Объяви трем именитым мужам!“ Конфуций пошел к ним, а они объявили ему, что все-таки нельзя требовать наказания. Тогда Кун-цзы и им сказал, что, как состоявший в числе вельмож, он не смел не заявить им.

Чэн-цзы – циский вельможа по имени Хэн. Цзянь-гун – циский государь по имени Жэнь. Убийство случилось в 480 г. до Р.Х. Пред отправлением к своему государю Конфуций купался и даже постился ввиду важности такого ужасного преступления, как цареубийство. Ввиду того, что государственная власть находилась в руках трех фамилий Цзи, Мэн и Сунь – Ай-гун, конечно, не мог сделать никакого самостоятельного шага, а трое сильных временщиков, всегда питавших мятежные замыслы против своего государя, конечно, не могли согласиться на предложение Конфуция. Факт этот указывает на крайне смутное положение Китая в то время.

22. Цзы-лу спросил: «Как нужно служить государю?» философ отвечал: «Не обманывая и укоряя его в лицо».

23. Философ сказал: «Благородный муж постепенно поднимается вверх по пути нравственного и умственного совершенствования, а подлый человек постепенно опускается вниз, погрязает в страстях».

24. Философ сказал: «В древности люди учились для себя, а ныне учатся для других».

Т. е. в древности учились для нравственного самоусовершенствования, а теперь – для славы.

25. Цюй-бо-юй послал человека к Конфуцию. Сидя с ним, Конфуций спросил его: «Чем занимается твой господин?» «Он желает уменьшить свои погрешности и не может», –

отвечал посланный. По уходе посланного Конфуций сказал: «Вот так посланный, вот так посланный!»

Цюй-бо-юй – вэйский вельможа по имени Юань, гостеприимством которого пользовался Конфуций во время пребывания в Вэй. До глубокой старости он без устали работал над своим нравственным самоусовершенствованием и потому поступки его отличались полнейшей искренностью и слава его гремела повсюду. Ныне (в 1910 году) занимает первое место на восточной стороне во внешнем (переднем) дворе храма Конфуция, своего Учителя.

26. Конфуций сказал: «Не занимая известного места, не мешайся в дела его (не суйся не в свое дело)». Цзэн-цзы сказал: «Мысли благородного мужа не выходят из пределов его положения».

27. Цзэн-цзы сказал: «Благородный муж скромнен в своих словах, но неумерен в своих действиях».

Другой перевод: «Благородный муж мало говорит, но много делает».

28. Конфуций сказал: «У благородного мужа есть три предмета, которых я не в состоянии достигнуть: человеколюбия без скорби, знания без заблуждения и храбрости без страха». Цзы-гун на это сказал: «Это Учитель сказал из скромности».

29. Цзы-гун часто сравнивал (пересуживал) людей. Философ сказал на это: «Ты сам, должно быть, добродетельный человек, а вот у меня нет досуга для этого».

30. Философ сказал: «Не беспокойся, что люди тебя не знают, а беспокойся о своей неспособности».

Мысль эта, которой Конфуций придавал чрезвычайно важное значение, встречается в афоризмах четыре раза. Проф. Васильев предполагает, что это просто четыре редакции одной и той же мысли.

31. Философ сказал: «Не предполагать обмана и не подозревать недоверия к себе со стороны, но в то же время наперед прозревать их – это ум».

Не пускаться в догадки и не подозревать – это есть выражение искренности по отношению к данному предмету, а прозрение – это ум, освещающий законы вещей.

32. Вэй-шэн Му, обратившись к Конфуцию, сказал: «Цю, зачем ты здесь засел? Уж не сделался ли ты льстецом?» «Нет, – отвечал Конфуций, – я не смею заниматься лестью, но я ненавижу упрямство».

Из того, что Вэй-шэн позволял себе называть Конфуция по имени, толкователи заключают, что это был какой-нибудь анахорет, старше Конфуция по возрасту, который, зная, что Конфуций был приглашаем на службу, подозревал его в том, что он красноречием старался угождать людям.

33. Философ сказал: «Отличный конь славится не за силу, а за свои качества».

Под этими качествами разумеется, что он хорошо выезжен и смирен.

34. Некто сказал: «Что Вы скажете о воздаянии добром за обиду?» На это Конфуций сказал: «А чем же тогда платить за добро? Следует воздавать справедливостью (т. е. должным) за обиду и добром за добро».

Под прямою здесь разумеется абсолютная справедливость, полнейшее беспристрастие, исключаящее всякую идею о личных чувствах любви, ненависти и т. п.

35. Философ сказал: «Люди не знают меня». На это Цзы-гун сказал: «Что значит, Вас не знают?» Философ сказал: «Я не ропщу на Небо, не виню людей и, изучая низшее, достигаю понимания высшего. Если кто и знает меня, это не Небо ли?»

Под именем низшего разумеются человеческие действия, а под именем высшего – Небесные законы, присущие каждой вещи.

36. Гун-бо-ляо оклеветал Цзы-лу перед Цзи-сунем. Цзы-фу Цзин-бо донес об этом Конфуцию, говоря: «Мой господин действительно введен в заблуждение Гун-бо-ляо, но у меня еще достаточно силы, чтобы выставить его труп на площади (рынке)». На это Конфуций сказал: «Пойдет ли мое Учение или уничтожится – то зависит от судьбы. Что же может сделать с судьбою Гун-бо-ляо?»

В оправдание такого очевидного фатализма Конфуция последователи его не нашли ничего лучше, кроме утверждения, что святой человек в критические минуты руководствуется в своей деятельности одной справедливостью, не ожидая решения от судьбы, и что в данном случае им был допущен фатализм для вразумления Цзин-бо и для устрашения Бо-ляо.

37. Конфуций сказал: «Люди умные и нравственные удаляются от мира, когда во Вселенной царит беззаконие; другие удаляются из государства, объятаго смутой, в государство, наслаждающееся покоем; другие удаляются от небрежного обращения (при упадке вежливости); а другие удаляются из-за слов государя (оскорбительных, конечно)». Конфуций добавил: «Удалившихся таким образом было 7 человек».

38. Цзы-лу заночевал в Ши-мыне. Привратник у городских ворот спросил его: «Ты откуда?» «От Конфуция», – отвечал Цзы-лу. Тогда привратник сказал: «А, это тот, который, сознавая невозможность исправить мир, тем не менее действует?»

39. Философ, находясь в царстве Вэй, ударял в било. Человек с плетушкой за плечами, проходивший у ворот дома фамилии Кун, сказал: «С душой ударяющий в било!» Потом он прибавил: «Как отвратителен ты со своими назойливыми звуками! Не хотят знать тебя, ну и остановись! Где глубоко, там переправляются в платье, а где мелко, там поднимают его». На это философ сказал: «Как он решителен в своем отрешении от мира! Но это нетрудно».

Этот человек с плетушкой за плечами, которого толкователи признают отшельником, оставившим мирские дела ввиду страшных смут, царивших в Китае в период уделов, своим замечанием относительно удара в било хотел сказать: «Зачем ты надоедаешь людям своим Учением, они не знают тебя, ну и оставь их». Ответ Конфуция заключает в себе мысль, что бросить мир в годину смут и взаимных войн дело нетрудное, которое по плечу всякому мало-мальски честному человеку, а действовать в это время – дело нелегкое и не всякому по плечу. Только святой человек смотрит на Вселенную, как на одну семью, на государство, как на одного человека, и потому ни на одну минуту не может забыть общих интересов.

40. Цзы-чжан сказал: «В „Шу-цзине“ сказано, что Гао-цзун пребывал в трауре три года и не говорил, – что это значит?» На это философ сказал: «Зачем непременно Гао-цзун? Так поступали все древние люди. Когда государь умирал, то все чины исполняли свои обязанности, подчиняясь решению первого министра в течение трех лет».

Так как наследник должен был провести у могилы покойного государя в шалаше три года и, конечно, не мог заниматься государственными делами, то управление ими переходило в руки первого министра.

Иньский Гаоцзун (1323–1263 гг. до Р.Х.).

41. Философ сказал: «Когда правитель любит церемонии, то народом легко повелевать».

42. На вопрос Цзы-лу, что значит быть благородным человеком, философ сказал: «С благоговением относиться к самосовершенствованию». «Это все?» – спросил Цзы-лу. Философ сказал: «Исправлять себя для доставления спокойствия народу – о трудности этого скорбели даже Яо и Шунь».

По учению конфуцианцев, благотворные плоды самоусовершенствования в крайнем своем развитии распространяются не только на людей, но и на всю природу в полном ее объеме – все будет тогда на своем месте и исполнит свое назначение.

43. Юань-жан сидел по-варварски на корточках, поджидая Конфуция. Философ сказал: «Кто в юности не отличался послушанием и братской любовью, возмужав, не сделал ничего замечательного, состарился и не умирает, – тот разбойник (т. е. человек, вредный для общества)», – и при этом ударил его палкою по лодыжке.

Говорят, что Юань-жан был старый приятель Конфуция; у него умерла мать, и он, вероятно, пришел к нему за помощью; но его непочтительная поза вызвала со стороны Конфуция упреки в варварстве.

44. Когда мальчик из деревни Цюэ докладывал, то некто спросил Конфуция: «Преуспевает?» Философ отвечал: «Смотря на то, что он занимает место с нами, идет со старшими рядом, я думаю, что он не стремится к преуспеянию, а желает поскорее достигнуть совершенства».

Толкователи полагают, что мальчик был докладчиком у Конфуция. В его поведении хотя и усматривается нарушение правил приличия – что он держал себя со старшими, как с равными, но Конфуций, говорят, допускал это, чтобы дать мальчику возможность присматриваться к людям и изучать их образ действий и манеры.

Глава XV. Вэйский князь Лин-гун

1. На вопрос вэйского князя Лин-гуна о военном деле Конфуций отвечал: «Дело жертвоприношений мне известно, но военного дела я не изучал». На следующий день он пустился в путь.

Лин-гун был незаконный государь и вдобавок замышлял войну. Как сторонник мира и науки, Конфуций отвечал ему, что военного дела он не изучал и, чтобы показать князю свое неудовольствие, на другой же день оставил его царство.

2. Во время истощения запасов продовольствия в царстве Чэнь ученики Конфуция заболели от голода и не могли подняться. Тогда Цзы-лу, в досаде явившись к Конфуцию, сказал: «Видно, и благородный человек бывает в стесненном положении!» Философ отвечал: «Благородный человек строго соблюдает себя в стесненном положении, а подлый (низкий) делается распущенным (т. е. способным на беззакония)».

Другой перевод: «Конечно бывает, – ответил философ, – но подлый человек, когда бывает в стесненном положении, то делается распущенным».

3. Философ сказал: «Цы, ты считаешь меня многоученым и знающим». Тот отвечал: «Конечно. А разве нет?» «Нет, – сказал философ, – я одним все связываю».

Мудрость истинного мудреца заключается не в обширной учености и многознании, а в том, что он одним законом связывает, объединяет все.

4. Философ сказал: «Ю, знающих добродетель – мало».

Под именем добродетели здесь разумеются справедливость и законы, присущие всем явлениям и предметам видимого мира.

5. Философ сказал: «Управлявший Вселенной без деятельности – это ведь был Шунь? Что ему было делать, как не сидеть на троне с самоуважением [обратив лицо на юг]?»

Полнота совершенств таких мудрых людей, как Шунь и его предшественник, просветила народ в такой степени, что он сам исполнял все требования нравственного закона, не ожидая с их стороны никакой деятельности, никаких приказаний. Кроме того, у Шуня были достойные чиновники.

6. Цзы-чжан спросил: «Как сделаться известным?» философ сказал: «При искренности и верности в слове, твердости и благоговении в деятельности и в царстве дикарей можно преуспевать (сделаться известным). При отсутствии этих качеств, хотя бы даже в близком соседстве, разве можно преуспевать? Когда стоишь, представляй, что они (эти качества) предстоят пред тобою; когда находишься в экипаже, представляй, что они опираются на ярмо, и тогда преуспеешь». Цзы-чжан записал эти слова на пояс.

7. философ сказал: «Какой прямой человек историк Юй! Он был прям, как стрела, как в то время, когда в государстве царил закон, так и во время беззакония. Какой благородный человек Цюй-бо-юй! Когда в государстве царил закон, он служил, а когда в нем царило беззаконие, то он скрывал свои убеждения в своей душе».

Юй был вэйский вельможа по имени Цю, который, не имея возможности рекомендовать достойных людей и удалять недостойных, продолжал увещевать своего государя даже по смерти (своим трупом). Дело заключалось в следующем: Юй настойчиво рекомендовал князю Линь-гуну некоего Цюй-бо-юйя, как человека достойного, и советовал удалить Ми-цзы Ся как человека негодного. Но его советы и настояния не были уважены. Чувствуя приближение смерти, он завещал сыну поставить свой труп у дверей, вместо того чтобы выставить его на западной стороне крыльца, как того требовал обычай. Сын исполнил волю отца. Князь Лин, прибывший для выражения соболезнования, увидя труп у двери, был удивлен этим. Но когда сын Юйя объяснил ему, в чем дело, то князь, сознавая свою вину, немедленно принял на службу Цюй-Бо-юйя и удалил Ми-цзы Ся.

8. философ сказал: «Не говорить с человеком, с которым можно говорить, – значит потерять человека; говорить с человеком, с которым нельзя говорить, – значит потерять слова. Умный человек не теряет человека и не теряет слов».

9. философ сказал: «Ученый с твердою волею, направленною к гуманным целям, и гуманист не стремятся сохранить жизнь во вред гуманизму, а жертвуют собою для сохранения в целостности последнего».

Под гуманистом понимается человек совершенных добродетелей, так как гуманность есть *Summa summarum* всех добродетелей, т. е. то, что составляет человека.

10. На вопрос Цзы-гуна о том, как сделаться гуманистом, философ сказал: «Ремесленник, желая хорошо исполнить свою работу, должен предварительно непременно оттачивать свои инструменты. Живя в известном государстве, служи его достойным сановникам и дружись с его гуманными учеными».

11. На вопрос Янь-юаня о том, как устроить государство, философ сказал: «Руководствоваться счислением времени династии Ся; ездить в колеснице династии Инь; носить шапку династии Чжоу; употреблять музыку шао с пантомимами; исключить чжэнский напев и удалить льстецов, потому что первый сладострастен, а вторые – опасны».

Три династии: Ся, Шан и Чжоу – начинали свой год в разное время. Ся начинала свой год с месяца под циклическим знаком Инь, так как под этим знаком родился человек; Шан – с Чоу, под которым, говорят, появилась земля, и Чжоу – с Цзы, под которым появилось небо. Луна под знаком Цзы приходится на 11-ю луну, в которую бывает зимнее солнцестояние. Конфуций отдает предпочтение сяскому времясчислению, потому что время предназначается для деятельности, которая начинается с появлением человека. Иньскую колесницу Конфуций предпочитает по ее простоте и солидности, тогда как при Чжоу ее стали уже украшать золотом и яшмой. Чжоускую шапку он предпочитает, потому что по своему совершенству она более прилична торжественным случаям, при которых она надевалась, и притом, как вещь малая, не разорительна. Музыка «Шао» считается самую прекрасною и совершенною. В объяснении по поводу музыки знаменитый воскреситель Конфуция Чэн-цзы между прочим замечает, что «все инструменты трех династий изменялись сообразно требованиям времени». Но, проповедуя такое совершенно разумное и прогрессивное начало, конфуцианизм до последнего времени являлся противником всякого прогресса и изменения более или менее радикального.

12. философ сказал: «Человек, не имеющий дальних замыслов, без сомнения,

Конфуций Суждения и беседы filosoff.org
подвергнется близкой скорби».

13. Философ сказал: «Кончено, увы! Я не видал, чтобы люди любили добродетель так, как любят красоту».

14. Философ сказал: «Цзан Вэнь-чжун – ведь он незаслуженно занимал свой пост, потому что он знал о достоинствах Лю-Ся-хуэя и не служил с ним при дворе (т. е. не старался рекомендовать его своему государю)».

Лю-Ся-хуэй был луский вельможа по имени Чжань-ху, по прозванию Цинь, имевший в кормление город Лю-ся и посмертный титул Хуэй.

15. Философ сказал: «Если будешь требователен к самому себе и снисходителен к другим, то избавишься от ропота».

16. Философ сказал: «Если человек во всяком деле не спрашивает себя „как же быть, как же быть?“, то и я не знаю, как с ним быть (как ему помочь)».

Толкуют, что если человек поступает без зрелого размышления, наобум, то с таким сам мудрец не может ничего сделать. Так как успех всякого дела зависит от внимательного к нему отношения, а неуспех – от небрежности, то во всяком деле человек сначала должен спрашивать себя: «как же я должен поступить, как же я должен поступить?» Если он этого не делает, то сам мудрец не в состоянии помочь ему.

17. Философ сказал: «Трудно тем, которые, проводя целые дни в компании, не обмолвятся словом о делах долга, а только любят пробавляться своим хитроумием».

Отсутствие разговоров о долге ведет к распущенности и безнравственности, а хитроумие научает искусству строить оковы и добиваться успеха в жизни незаконным путем.

18. Философ сказал: «Благородный муж, признавая справедливость за основу своей деятельности, проводит ее при помощи правил и церемоний, проявляет ее в уступчивости и завершает ее искренностью. Вот это – благородный муж».

Другой перевод: «Благородный человек, признавая справедливость за основу, поступает по церемониям; в жизни проявляет уступчивость и совершенствуется посредством искренности».

19. Философ сказал: «Благородный муж болеет о своей неспособности, а не о том, что люди не знают его».

20. Философ сказал: «Благородный муж скорбит, что по смерти его имя не будет прославлено».

21. Философ сказал: «Благородный муж ищет причины своих неудач в себе самом, а подлый человек ищет их в других».

22. Философ сказал: «Благородный муж важен, но не сварлив, общителен, но не партиолен (ни с кем не идет на сговор)».

23. Философ сказал: «Благородный муж не рекомендует людей из-за их хороших слов и не отвергает хороших слов из-за людей (т. е. потому, что они были сказаны людьми нехорошими)».

24. Цзы-гун спросил: «Есть ли слово, которым можно было бы руководствоваться всю жизнь?» Философ сказал: «Это – снисходительность; чего сам не желаешь, того не делай другим».

25. Философ сказал: «В моих отношениях к людям – кого я поносил и кого превозносил? Если кто и был превознесен мною, то не без испытания. Современный народ тот же, что и народ Трех династий, который посему также поступает по присущему ему закону справедливости».

Конфуций хочет сказать этим, что в своих похвалах и порицаниях он беспристрастен.

26. Философ сказал: «Я еще застал, как историки оставляли сомнительные места в стороне (для исследования и исправления) и как люди, имевшие лошадей, одалживали их другим для езды, – но теперь этого нет».

27. Философ сказал: «Льстивые речи запутывают добродетель, а маленькое нетерпение расстраивает великие замыслы».

28. Философ сказал: «Когда все ненавидят или любят кого-либо, необходимо подвергать это проверке».

Только гуманный человек, как свободный от всякого пристрастия, может правильно любить и ненавидеть.

29. Философ сказал: «Человек может расширить истину, но не истина человека».

Истина, или закон, вместилищем которой в ее скрытом виде служит человек, сама по себе инертна, и оттого самодеятельность человека может развить ее до полной ее нормы.

30. Философ сказал: «Ошибки, которые не исправляются, – вот настоящие ошибки!»

31. Философ сказал: «Я целые дни проводил без пищи и целые ночи – без сна, но нашел, что одни размышления бесполезны и что лучше учиться».

Одни только пустые размышления без прочных реальных основ, которые даются наукой, признаются не только бесполезными, но даже опасными.

32. Философ сказал: «Благородный муж заботится об истине, а не о насущном хлебе. Вот земледелие, но и в нем скрывается возможность голода; а вот – Учение, в котором скрывается и жалованье. Благородный муж беспокоится о том, что он не достигнет познания истины, а не о том, что он беден».

33. Философ сказал: «Если, достигнув знания, мы не в состоянии будем хранить его при помощи гуманности, но будем управлять без соблюдения внешнего достоинства, то народ не будет уважать нас. Но если и знание достигнуто, и мы сможем хранить его при помощи гуманности, и будем управлять с достоинством, но не будем вдохновлять народ при помощи обрядовых правил, то это нехорошо».

Одни теоретические познания без практического применения их, т. е. без постоянной и непрерывной практики в гуманизме, и подавления своекорыстных желаний, останутся мертвым капиталом.

34. Философ сказал: «Благородный муж иногда может не знать мелочей, но может нести важные обязанности; между тем как мелкий человек не может нести важных обязанностей, но он может проявить свое знание в малых делах».

Другой перевод: «Благородный муж едва ли может показать себя в мелочах, но он в состоянии нести важные обязанности. Ничтожный же человек не может нести важных обязанностей, но может показать себя в малых делах».

Ничтожный человек, несмотря на узость своей природы, конечно, может обладать одной какой-либо способностью.

35. Философ сказал: «Народ нуждается в гуманности более, чем в огне и воде; я видел людей, умиравших от огня и воды, но не видел умиравших от того, что они были гуманны».

36. Философ сказал: «В гуманности не уступай и Учителю».

37. Философ сказал: «Благородный муж прям и непоколебим, но не упрям».
38. Философ сказал: «Служа Государю, заботься о своем деле, а потом уже о жалованье».
39. Философ сказал: «Для Учения нет категорий».

Так как задача Учения заключается в возвращении к добру людей, добрых по природе, но испорченных привычками и влияниями, то оно не делает разницы между добрыми и злыми, а тех и других одинаково ведет к возвращению потерянного добра.

40. Философ сказал: «Люди, идущие различными путями, не могут работать вместе».
41. Философ сказал: «От слов требуется только то, чтобы они были понятны».
42. Когда учитель музыки капельмейстер Мянью, представляясь Конфуцию, приблизился к крыльцу, то философ сказал: «Здесь крыльцо». Когда музыкант подошел к рогожке, на которой обыкновенно сидел, он сказал ему: «Здесь рогожка». Когда оба сели, философ объявил ему: «Здесь такой-то, а здесь такой-то». Когда слепой музыкант ушел, Цзы-чжан спросил: «Следует ли так говорить со слепым музыкантом?» «Да, это неперемнное правило для того, кто ведет слепого», – отвечал философ.

Глава XVI. Цзи-ши

1. Когда фамилия Цзи намеревалась сделать нападение на феодальное владение Чжуань-юй, Жанью и Цзы-лу, явившись к Конфуцию, сказали: «Цзи намерены вступить в войну с Чжуань-юй». Тогда Конфуций сказал: «Цю, на самом деле, не твоя ли это вина? Ведь Чжуань-юйский владетель сделан был владетелем горы Дун-мэн в старину прежним царем, кроме того, владение его находится в пределах княжества Лу и владетель его есть подданный сюзеренного двора. С какой же стати нападать на него?» На это Жанью сказал: «Наш господин желает этого, а мы оба не желаем». Конфуций сказал: «Цю, Чжоу-жэнь говаривал: „Покажи силу своего содействия, оставаясь на посту; не можешь – удались“. Если вожак не поддерживает в опасном месте и не удерживает от падения, то на что нужен он? Кроме того, твои слова ошибочны. Когда тигр или носорог выскочат из клетки, или же черепаха и яшма будут изломаны, находясь в шкафу, то чья это будет вина?» Жанью на это сказал: «В настоящее время владение Чжуань-юй сильно и смежно с городом Би; если теперь не взять его, впоследствии оно непременно будет предметом беспокойства для потомства фамилии Цзи». На это Конфуций сказал: «Цю, благородный муж не любит, когда люди умалчивают о своих корыстных побуждениях и непременно приискивают отговорки. Я слышал, что правители государства и главы домов не беспокоятся о том, что у них мало людей, а печалются о неравномерном распределении, не опасаются бедности, а опасаются смут; потому что при равномерном распределении богатств нет бедных, при согласии не бывает недостатка в людях, а при спокойствии – невозможно падение государства. Поэтому, если отдаленные народы не идут с покорностью, то для привлечения их следует заботиться о просвещении и нравственности, а когда придут, следует предоставить им спокойную жизнь, а не принуждать к военной службе. Теперь вы, Ю и Цю, помогаете вашему господину, а отдаленные народы не покоряются, и вы не в состоянии привлечь их; его государство распадается, народ удаляется и разбредается, и вы не можете сохранить его; а тут задумываете еще поднять войну внутри государства! Я боюсь, что опасность для Цзи-суня не в Чжуань-юе, а в стенах собственного дворца».

Чжуань-юй – небольшое вассальное владение, находившееся недалеко от горы Тай-шань в Шань-дуне, в нынешнем уезде Фэй-сянь, области И-Чжоу.

Чжоу-жэнь – замечательный древний историк.

2. Конфуций сказал: «Когда во Вселенной царит закон, то церемонии, музыка и войны исходят от Сына Неба; когда же в ней царит беззаконие, то церемонии, музыка и войны исходят от удельных князей. Когда все это исходит от удельных князей, то редкие из них через десять поколений не теряют власти. Когда все исходит от вельмож, то редкие из них через пять поколений не теряют власти;

а когда бразды правления государством находятся в руках чиновников-вассалов, то редкие из них не теряют власти через три поколения. Когда во Вселенной царит закон, то правительственная власть не находится в руках вельмож, и народ не участвует в обсуждении дел».

По уставам прежних царей вассальные князья не имели права изменять музыку и обрядовые постановления, а также самовольно объявлять войну.

3. Конфуций сказал: «Прошло уже пять поколений, как княжеский дом лишился доходов, и четыре поколения, как правление перешло в руки вельмож. Поэтому-то потомки трех Хуаней измельчали».

После смерти луского князя Вэня (608 г. до Р.Х.) побочный сын его Суй убил законного наследника Чи, и на престол был возведен Сюань-гун, при котором княжеская власть была утрачена и, наконец, чрез четыре поколения, захвачена была Ян-ху, их домашним чиновником (т. е. фамилии Цзи). Под пятью поколениями разумеются княжения Сюаня, Чэна, Сяна, Чжао и Дина, объявшие ровно 100 лет, с 608 по 509 гг. до Р.Х. Три Хуаня – это известные уже нам три фамилии: Цзи-сунь, Мэн-сунь и Шу-сунь.

4. Конфуций сказал: «Полезных друзей трое и вредных – трое. Полезные друзья – это друг прямой, друг искренний и друг много слышавший. Вредные друзья – это друг лицемерный, друг льстивый и друг болтливый».

5. Конфуций сказал: «Влечений, доставляющих человеку пользу, три, и влечений, причиняющих ему вред, три. Полезные влечения – это находить удовольствие в упражнении в церемониях и музыке, не преступая должных границ; в рассказах о добре других и во множестве достойных друзей. Вредные влечения – это находить удовольствие в стремлении к роскоши, в разгуле и в страсти к пирам».

6. Конфуций сказал: «В присутствии лиц достойных и почтенных возможны три ошибки: говорить, когда не следует говорить, – это называется опрометчивостью; не говорить, когда следует говорить, – это называется скрытностью; и не обращать внимание на выражение лица почтенного человека – это называется слепотой».

7. Конфуций сказал: «Благородный муж должен остерегаться трех вещей: в молодости, когда жизненные силы не окрепли, – сладострастия; в возмужалом возрасте, когда они только что окрепли, – драки; и в старости, когда они ослабели, – любостяжания».

8. Конфуций сказал: «Для благородного мужа существуют три предмета, пред которыми он благоговеет: определение Неба, великие люди (по положению, возрасту и добродетели) и слова мудреца. Подлый человек не знает велений Неба и не боится их, неучтиво обращается с великими людьми и презрительно относится к словам мудреца».

9. Конфуций сказал: «Те, которые имеют знание от рождения, суть высшие люди, следующие за ними – это те, которые приобретают знания учением; следующие за этими – это те, которые учатся, несмотря на свою непонятливость; непонятливые и не учащиеся составляют самый низший класс».

10. Конфуций сказал: «У благородного мужа – девять дум: взирая на что-либо, думает о том, чтобы видеть ясно; слушая – чтобы слышать отчетливо; по отношению к выражению лица думает о том, чтобы оно было любезное; по отношению к наружному виду думает о том, чтобы он был почтительным; по отношению к речи – чтобы она была искренна; по отношению к делам – чтобы быть внимательным к ним; в случае сомнения думает о том, чтобы кого-нибудь спросить; по его отношению к гневу думает о тех бедствиях, которые он влечет за собою; при виде возможности приобрести что-либо думает о справедливости».

11. Конфуций сказал: «Людей, которые при виде добра неудержимо стремятся к нему, как бы опасаясь не достигнуть его; при виде зла – бегут от него, как от кипятка, опасаясь обвариться, – я видел и слышал об этом. Что люди живут отшельниками для уяснения своих стремлений и осуществляют справедливость для преуспевания своего Учения – об этом я слышал, но не видел таких людей».

По мнению толкователей, только И-инь и Тай-гун удовлетворили этому требованию, т. е. в уединении уяснили себе свои стремления, и затем, будучи призваны к широкой государственной деятельности, осуществляли на практике принципы справедливости и таким образом распространяли свой путь, т. е. принципы.

И-инь – министр Чэн-тана, основателя шанской династии в XVIII в. до Р.Х., принимавший участие в низвержении Цзе-куй'я, последнего Государя сяской династии, и своими мудрыми советами много содействовавший благосостоянию государства.

12. Конфуций сказал: «У циского князя Цзина была тысяча четверок лошадей, а когда он умер, то народ не нашел в нем никаких добродетелей для прославления его; Бо-и и Шу-ци умерли с голоду в горах Шоу-ян, а народ донине прославляет их. „Истинно прославляют не за богатство – не то ли это значит?“

Народ прославляет не за богатство, а за нравственные достоинства, как сказано в «Ши-цзине», замечают толкователи, присовокупляя при этом, что здесь пропуск в тексте.

Гора Шоу-ян находится в Шань-си, в округе Пу-чжоу.

13. Чэнь-кан спросил у Бо-юя, сына Конфуция: «Вы слышали что-нибудь особенное от вашего батюшки?» Тот отвечал: «Нет, а только когда отец один стоял и я пробежал по двору, он спросил меня: „Учишь ли „Книгу Стихотворений“? «Нет“, – отвечал я.

«Если не учишь, то мне не о чем говорить с тобой». Я удалился и стал учить «Ши-цзин». В другой раз он опять стоял один, а я пробежал по двору. Он спросил меня: «Изучаешь ли церемонии?» «Нет», – отвечал я. «Без изучения их у тебя не будет успехов», – сказал он. Я удалился и принялся за изучение церемоний. Я слышал от него только об этих двух предметах». Чэнь-кан, удалившись, с удовольствием заметил: «Я спросил об одном, а услышал о трех предметах: о „Ши-цзине“, церемониях и о том, что благородный муж удаляется от своего сына».

14. Философ сказал: «Владетельный князь называет княгиню „фу-жэнь“ – супруга; а княгиня называет себя „сяо-тун“ – подросток. Подданные величают ее „цзюнь-фу-жэнь“ – супруга князя; по отношению к иностранным государствам она называет себя „гуа-сяо цзюнь“ – недостойный маленький государь; а иностранные подданные также величают ее „цзюнь-фу-жэнь“ – супруга князя».

Глава XVII. Ян-хо

1. Ян-хо хотел видеть Конфуция. Конфуций не являлся к нему. Тогда Хо послал ему поросенка. Конфуций, улучив время, когда Хо не было дома, отправился к нему с визитом и встретился с ним на дороге. Тогда Хо, обратившись к Конфуцию, сказал: «Поди сюда, я с тобой поговорю, – и вслед за тем спросил его: – Можно ли назвать гуманным того, кто скрывает свою драгоценность и тем оставляет в смутном положении государство?» «Нельзя», – был ответ. «Можно ли назвать умным того, кто, любя действовать на пользу человечества, неоднократно упускал время? Дни и месяцы уходят безвозвратно, годы не ждут нас», – продолжал Ян-хо. Конфуций сказал: «Верно. Я поступлю на службу».

Под именем драгоценности разумеются доктрины и добродетели Конфуция, которые он не прилагал к делу и не употреблял непосредственно для того, чтобы водворить в государстве порядок и прекратить смуты. Ян-хо, по имени Ху, был домашним чиновником у известной фамилии Цзи. Заключив в темницу своего владыку Цзи-хуань-цзы и захватив правление в свои руки, он хотел, чтобы Конфуций представился ему, и для того, чтобы сделать этот визит обязательным для Конфуция, послал ему в подарок поросенка, за которого Конфуций обязан был по правилам вежливости благодарить.

2. Философ сказал: «По натуре люди близки между собою, но по привычкам далеки».

Под именем природы здесь разумеют не ту общую всем людям основную природу, отождествляемую конфуцианцами с врожденным человеку законом его бытия и признаваемую ими доброю, а индивидуальную природу каждого человека, которую привычки направляют к добру или ко злу, делают ее доброю или злою. Материализация всеобщей человеческой природы, или закона, или его воплощение в известную индивидуальную форму, без которой она не может осесть, занять определенного места, как вода без сосуда, – разница сосудов производит разницу и характеров. Конфуций говорит здесь о природе, смешивая первичную, общую всем природу с индивидуальной формой, в которую она отлилась, воплотилась, а потому и не называет ее тождественною для всех людей, а только близкою, и не такую далекою, как делают ее индивидуальные привычки. Таким образом, добрая индивидуальная природа, направляясь к добру, достигает полноты добра, и, наоборот, злая природа, получая привычки ко злу, теряет свое добро и, наоборот, дурная, направляясь к добру, приобретает его.

3. философ сказал: «Только высшее знание и высшая глупость пребывают неизменными».

Для того, чтобы примирить несогласие этого изречения с доктриною о доброте человеческой природы и возможности усовершенствования для самого глупого человека, толкователи говорят, что под самыми глупыми здесь следует разуметь два класса людей – упорных и отчаянных.

4. философ, прибыв в У-чэн и услышав звуки музыки и пения, с улыбкою сказал: «Чтобы зарезать курицу, зачем употреблять нож, которым режут быков?» Цзы-ю сказал ему в ответ: «В прежнее время я слышал от тебя, Учитель, следующее: „Человек, занимающий высокое положение, если он изучил нравственный закон, то любит людей; человек же, занимающий скромное положение, когда он изучал нравственный закон, то высшему легче им распоряжаться“». Тогда философ сказал: „Ученики мои, слова Яня верны, а прежние слова мои были шуткою“.

Цзы-ю был в это время начальником города У-чэн и научил жителей его церемониям и музыке, что, конечно, содействовало смягчению нравов. Но Конфуций нашел, что музыка для такого ничтожного городка – роскошь.

5. Гун-шань фу-жао взбунтовался в городе Би и призывал к себе философа, который хотел отправиться к нему. Цзы-лу, недовольный этим, сказал: «Не ходите, да и только. Что за надобность идти к Гун-шаню?» философ сказал: «Он зовет меня разве попусту? Если употребить меня в дело, то и я могу создать Восточное Чжоу».

фу-жао, бывший начальник города Ми, вместе с Ян-ху захватил Ци Хуан-цзы. Потерпев поражение, Ян-ху бежал, а фу-жао, захватив город, взбунтовался. В оправдание авантюризма Конфуция, как совершенно справедливо отмечает В. П. Васильев, толкователи говорят, что для деятельности святого человека нет пределов и что нет людей, которые не могли бы исправиться; но видя, что надежда на исправление фу-жао плоха, философ оставил свое намерение.

Под словами: «создать Восточное Чжоу» толкователи разумеют введение на восток гуманных и благодетельных начал чжоуской династии.

6. Цзы-чжан спросил относительно гуманности. Конфуций сказал: «Кто в состоянии исполнить пять требований, тот будет гуманным повсюду». «Позволю спросить, что это такое?» – поинтересовался Цзы-чжан. Конфуций сказал: «Почтительность, великодушие, искренность, сметливость и доброта. Если человек почтителен, то он не подвергается пренебрежению; если человек великодушен, то он привлекает к себе всех; если он честен, то люди полагаются на него; если он сметлив (умен), то он будет иметь заслуги (успех); если он милостив, то в состоянии будет распоряжаться людьми».

Говорят, что это сказано было для Цзы-чжана, который будто бы не в достаточной мере обладал вышеупомянутыми качествами.

7. Би-си звал Конфуция к себе, и философ хотел отправиться к нему. Тогда Цзы-лу сказал ему: «Прежде я слышал, как Вы, Учитель, говорили, что благородный муж не вступает в сообщество с теми людьми, которые сами лично делают себе зло. Би-си возмутился и держит Чжун-моу. Как же это так, что Вы отправитесь туда?» «Правда, – сказал философ, – были такие слова, но не говорил ли я, что крепкий предмет не стачивается? Не говорил ли я, что белое, погруженное в черную краску, не делается черным? Что я – тыква горлянка?! Как можно привязать меня так, чтобы люди не старались воспользоваться мною?»

Би-си был цзиньский вельможа и правитель города Чжун-моу, принадлежащего фамилии Чжао. Очевидно, Конфуцию было досадно, что ученик удерживал его от ложного шага, и потому он привел в свое оправдание сказанные им прежде два изречения, смысл которых заключался в том, что чужая грязь к нему пристать не может, что основные убеждения его не могут измениться, но что ему не хотелось бы оставаться не у дел.

8. Философ сказал: «Ю, слышал ли ты шесть слов о шести недостатках?» «Нет», – был ответ. «Ну, постой, я объясню тебе: питать любовь к гуманности и не учиться – недостатком этого будет глупость (простота); питать любовь к знанию и не любить учиться – недостатком этого будет шаткость (беспочвенность); питать любовь к четкости и не любить учиться – недостатком этого будет нанесение вреда людям; любить прямоту и не любить учиться – недостатком этого будет горячность; любить мужество и не любить учиться – недостатком этого будет возмущение; любить твердость и не учиться – недостатком этого будет сумасбродство».

Для того, чтобы шесть таких прекрасных качеств, как гуманность, знание, честность, прямота, мужество и твердость, были свободны от вышеуказанных недостатков, необходимо Учение, образование, которое одно только и может уяснить присущие каждому из них законы и таким образом дать должный ход каждому из них. Таким образом, по учению конфуцианцев только Учение может сделать человека сознательно нравственным существом.

9. Философ сказал: «Дети, почему не изучаете „книгу стихотворений“? Ведь она может воодушевлять, может служить для того, чтобы видеть свои достоинства и недостатки, может делать человека общительным, может вызывать законное негодование; в семье – научить служить отцу, в государстве – правителю; из нее вы узнаете множество названий птиц, животных, деревьев и растений!»

10. Философ, обратясь к Бо-юю, сказал: «Усвоил ли ты „Чжоу-нань“ и „Шао-нань“? Если человек не усвоил их, то не походит ли он на того, кто стоит, приткнувшись прямо лицом к стене?»

«Чжоу-нань» и «Шао-нань» – две главы из «Книги стихотворений», в которых будто бы трактуется о делах, касающихся самоусовершенствования и управления семьей. В частности, в первой из них будто бы воспеваются благодетельное, преобразовательное влияние добродетелей и совершенств жены Вэнь-вана на нравы в южных царствах; а во второй прославляются добродетели удельных княгинь и жен сановников, образовавшиеся под влиянием жены Вэнь-вана. «Упереться в стену» значит преградить себе путь к дальнейшему прогрессу, усовершенствованию.

11. Философ сказал: «Церемонии, говорят, да церемонии! А разве под ними разумеются только подарки (яшмы и шелка)? Музыка, говорят, да музыка! А разве под нею разумеются только колокола и барабаны?»

Сущность церемоний, их основа, заключается в почтении, а подарки служат только внешним выражением их. Точно так же и основа музыки заключается в гармонии, а инструменты являются только орудием для внешнего выражения ее. Церемонии – это порядок, а музыка – гармония; поэтому в мире нет ни одного предмета, в котором бы отсутствовали эти два начала. Они есть даже у воров и разбойников, потому что им для совершения воровства и грабежей необходимо иметь начальника, которого бы все слушались; без этого у них пойдут раздоры и безначалие, при которых они не могут заниматься своим ремеслом.

12. Философ сказал: «Строгого по наружности и слабого в душе можно сравнить с

Конфуций Суждения и беседы filosoff.org
человеком из простого класса; не походит ли он на вора, который проделывает отверстие в стене или перелезает через нее?»

13. Философ сказал: «Деревенский смиренный – враг добродетели!».

Толкователи говорят, что эти смиренные своим лицемерием действуют гораздо более растлевающим образом на окружающую среду, чем настоящие открытые беззаконники и негодяи.

14. Философ сказал: «Уличные слухи и рассказы – это поругание добродетели!»

Другой перевод: Слышать на дороге и пересказывать – это значит бросать добродетель.

Так как в уличные слухи и рассказы мы не вдумываемся и не усваиваем их, то значит, мы ничего не приобретаем для своего нравственного и умственного усовершенствования.

15. Философ сказал: «С низким человеком можно ли служить государю? Когда он не достиг желаемого, то заботится о достижении его, а когда достигает, боится, как бы не потерять; а при боязни потерять – он готов на всё».

16. Философ сказал: «В древности люди имели три недостатка, которых ныне, пожалуй, и нет. Древние сумасброды были своевольны в мелочах, а нынешние отличаются полной разнузданностью; прежде строгие люди отличались суровостью, а ныне отличаются злобой и гневом; прежние простаки отличались прямою, а нынешние – ложью».

17. Философ сказал: «Хитрые речи и притворная наружность редко соединяются с гуманностью».

18. Философ сказал: «Я не люблю фиолетовый цвет, потому что он затмевает красный; не люблю сладострастный чжэньский напев, потому что он нарушает истинную музыку; не люблю говорунов, ибо они губят государство».

Этим изречением Конфуций хочет сказать, что в мире все не прямое чаще торжествует над всем прямым и потому заслуживает ненависти.

19. Философ сказал: «Я хочу перестать говорить». На это Цзы-гун сказал: «Если Вы не будете говорить, то что же будут передавать Ваши ученики?» Философ отвечал: «Говорит ли что-нибудь Небо? А между тем, времена года сменяются и твари рождаются. Говорит ли что-нибудь Небо?»

20. Жу-бэй хотел представиться Конфуцию. Конфуций отказался под предлогом болезни; но лишь только посланный вышел из дверей, как он взял арфу и стал петь, чтобы уходивший слышал игру и пение.

Жу-бэй – луский уроженец, изучавший похоронные церемонии у Конфуция. Полагают, что он чем-нибудь оскорбил Конфуция, который поэтому не хотел принять его, чтобы прочесть его за это.

21. Цзай-во сказал: «Трехгодичный траур слишком продолжителен. Благородный муж, если в течение трех лет не будет упражняться в церемониях, то они непременно придут в расстройство. Если в течение трех лет не будет заниматься музыкой, то она непременно падет. Можно бы ограничиться годичным трауром, так как в течение года старый хлеб кончается и новый поступает, и огонь, получаемый от трения, меняется». Философ сказал: «Был ли бы ты спокоен, кушая рис и одеваясь в парчу?» «Был бы спокоен», – последовал ответ. «Ну, если бы ты был спокоен, – продолжал Конфуций, – то и делай так. А вот для благородного мужа во время траура пища не сладка, музыка не доставляет ему удовольствия, и, живя в доме, он не спокоен. Поэтому он не делает этого (т. е. не ограничивается годичным трауром). Теперь, если ты спокоен, ну и делай так!» Когда Цзай-во вышел, философ сказал: «В этом заключается негуманность Юя. Сын только через три года после рождения сходит с рук отца и матери. Трехгодичный траур есть всеобщий траур. А Юй разве не

Конфуций Суждения и беседы filosoff.org
пользовался трехлетней любовью своих родителей?!»

Относительно получения огня посредством трения дерева мы встречаем у китайцев следующие замечания: весной огонь добывается из тополя и ивы, летом – из жужуба и абрикосового дерева, в конце лета – из тутового дерева и шелковичного дуба, осенью – из дуба и акации и зимой – из *Sophora japonica* и красного дерева. Это годичный кругооборот добывания огня из дерева. Таким образом, год составляет небесный кругооборот, в течение которого и периоды времени и сама природа меняются, а потому и траур можно ограничить этим круговоротом.

По смерти родителей китайцы в течение года должны одеваться в грубое полотно, есть грубую пищу и отказываться от всякого комфорта и от всех удовольствий.

22. Философ сказал: «Есть досыта целый день и ничем не заниматься – разве это не тяжело? Разве нет шахмат и шашек? Играть в них все-таки лучше, чем ничего не делать».

И, или в просторечии игра в шашки, состоящая из 361 шашки, – изобретение которой приписывается Императору Яо. У китайцев есть также игра в шахматы, называемая Сян-ци, имеющая большое сходство с нашей игрой в шахматы. Некоторые полагают, что она занесена в Китай из Индии.

23. Цзы-лу спросил: «Предпочитает ли высокопоставленный человек мужество?» Философ отвечал: «Он ставит долг выше всего, потому что человек, занимающий высокое положение, обладая мужеством, но не имея сознания долга, делается мятежником, а человек, занимающий низкое положение, обладая мужеством, но не имея сознания долга, делается разбойником».

24. Цзы-гун спросил: «У благородного мужа есть также и ненависть?» «Есть ненависть, – сказал философ, – он ненавидит людей, говорящих дурно о других, ненавидит тех, которые, занимая низкое положение, злословят о высших; ненавидит храбрых, но бесцеремонных, смелых, но неразумных. А у тебя, Цы, также есть ненависть?» – спросил Конфуций. «Да, я ненавижу признающих шпионство – за ум, непокорность – за храбрость и кляузничество – за прямоту», – ответил Цзы-гун.

25. Философ сказал: «С женщинами, да и со слугами, трудно справиться. Приблизись их, они становятся непокорными, а отдалишь – ропщут».

26. Философ сказал: «Если кого ненавидят в сорок лет, тому уже делать нечего».

Сорокалетний возраст – это та пора, в которую человек должен достигнуть добродетели, т. е. приобрести нравственные устои, которые снискивают ему уважение других, а если вместо этого он возбуждает в людях чувство ненависти, то значит, он никуда не годен, так как в 40 лет невозможно измениться к лучшему.

Глава XVIII. Вэй-цзы ушел...

1. Вэй-цзы ушел, Цзи-цзы сделан рабом, а Би-гань умер за увещания. Конфуций сказал: «Иньский дом имел трех гуманных людей».

Вэй-цзы был родной брат иньского государя Чжоу от наложницы, а Цзи-цзы и Би-гань будто бы были его дяди. Вэй-цзы при виде беззаконий Чжоу-вана удалился, а Цзи-цзы и Би-гань стали увещивать, за что Чжоу-синь умертвил Би-ганя, а Цзи-цзы был сделан рабом и притворился сумасшедшим.

2. Лю Ся-хуэй был судьей, и его трижды отставляли от должности. Некто сказал ему: «Разве вы не можете удалиться?» Лю Ся-хуэй отвечал: «Если я буду служить людям честно, с прямотой, то куда бы я ни пошел, всюду подвергся бы троекратному изгнанию со службы; а если служить людям кривою, то зачем же тогда уходить из родного государства?»

3. Циский князь Цзин по поводу обхождения с Конфуцием сказал: «Я не могу принять

его как Цзи-ши (первого сановника); приму его по этикету, среднему между приемом Цзи-ши и Мэн-ши», а вслед за тем сказал: «Я уже стар и не могу воспользоваться его услугами». Конфуций удалился.

4. Цисцы послали лускому князю певиц. Цзи Хуань-цзы (временщик) принял их. В течение трех дней не было представлений ко двору. Конфуций удалился.

В 14 г. правления Дин-гуна Конфуций, говорят, был министром уголовных дел (Президентом уголовной палаты) и в течение трех месяцев привел все в такой порядок и благоустройство, что циский князь, опасаясь, что дальнейшая деятельность Конфуция доставит лускому князю первое между удельными князьями место, решился при помощи циских певиц отвлечь князя от правительственной деятельности и выжить Конфуция, – что, как мы видим, ему вполне удалось.

5. Чуский сумасшедший Цзе-юй, проходя мимо Конфуция с песнями, сказал: «О феникс, феникс! Как упали твои добродетели! Прошедшего невозможно остановить увещаниями, а будущее еще поправимо. Оставь, оставь службу! В настоящее время участие в правлении опасно». Конфуций вышел из телеги и хотел поговорить с ним, но тот убежал, и им не удалось поговорить.

Цзе-юй, говорят, был отшельник, притворившийся сумасшедшим. Он встретил Конфуция на пути его в Чу. Сравнивая Конфуция с фениксом, который будто бы появляется в эпоху мира и благоденствия, он как бы издевается над ним за несвоевременное появление и советует ему исправить свою ошибку – удалиться от мира и отказаться от опасной погони за служебной карьерой.

6. Чан-цзюй и Цзе-ни вместе пахали. Конфуций, проезжая, послал Цзы-лу спросить у них, где переправа. Чан-цзюй сказал: «А кто это правит повозкою?» Цзы-лу отвечал: «Это Кун-цю». «А, это луский Кун-цю?» «Да». «Так он сам знает, где переправа». Цзы-лу обратился с тем же вопросом к Цзе-ни. Последний спросил его: «Вы кто такой?» «Я Чжун-ю». «Ученик луского Кун-цю?» «Да». «Волны беспорядков, – сказал Цзе-ни, – разлились по всему миру. Кто-то усмирит их? Кроме того, чем следовать за ученым, удаляющимся от одного к другому, не лучше ли последовать за ученым, удалившимся от мира?» Сказав это, он снова принялся боронить. Цзы-лу удалился и доложил Конфуцию, который с досадою сказал: «Нельзя быть человеку с животными в одном стаде. Если мне не иметь общения с людьми, то с кем же иметь его? Если бы во Вселенной царил порядок, то моего участия в изменении ее было бы не нужно».

7. Сопровождая Конфуция на пути из Чу в Цай, Цзы-лу отстал и, встретившись со старцем, несшим на палке за плечами навозную корзину, обратился к нему со следующим вопросом: «Не видели ли вы моего Учителя?» Старец сказал: «Ты не трудишься, не в состоянии различить сортов хлеба. Почему я знаю, кто твой учитель?» С этими словами он воткнул палку в землю и стал полоть. Цзы-лу стоял, сложив почтительно руки. Тронутый его почтительностью, старик оставил Цзы-лу ночевать, зарезал курицу, приготовил просо, накормил его и представил своих двух сыновей. На другой день Цзы-лу отправился в путь и сообщил о случившемся Конфуцию. Философ сказал: «Это отшельник», и послал Цзы-лу опять повидаться с ним. Но когда Цзы-лу пришел к прежнему месту, то увидел, что старец уже ушел. Цзы-лу сказал: «Не служить – значит отрицать долг. Если нельзя упразднить нравственную связь между старшими и младшими, то как же можно упразднить долг между государем и подданным? Желая держать себя чистым (т. е. укрыться от житейской грязи и смуты), мы нарушаем великие социальные законы. Службою благородный муж исполняет свой долг по отношению к государю. Что Учение не распространяется, это мы знаем».

Старец, или почтенный человек, о котором идет речь, также принадлежал, говорят, к категории отшельников, которые в то смутное и бесправное время, не видя возможности принести пользу своей родине и, быть может, из желания спасти свою жизнь, удалялись от мира и вели уединенную жизнь, заботясь о своем нравственном преуспевании. Им не нравилась суетливая и, по их мнению, бесполезная деятельность Конфуция и его учеников, направленная к осуществлению на практике в государственном управлении своих идеалов. Потому-то все они и относились к Конфуцию и его последователям с явным пренебрежением. Последние также платили им той же монетой, считая их нарушителями одного из пяти основных принципов социальных отношений, который, по их мнению, они приносят в жертву своему эгоизму. Эти пять принципов суть: любовь в отношениях между родителями и детьми,

долг в отношениях между государем и подданным, различие между супругами, порядок между старшими и младшими и искренность (доверие) между друзьями.

8. Отшельники – это Бо-и, Шу-ци, Юй-чжун, И-и, Чжу-чжан, Лю Ся-хуэй и Шао-лянь. Философ сказал: «Не поступившие своими убеждениями и не посрамившие себя – это были отшельники Бо-и и Шу-ци». Об отшельниках Лю Ся-хуэе и Шао-ляне он отозвался, что те поступились своими убеждениями и посрамили себя; но слова их согласовались с разумом вещей, а действия – с общим мнением (т. е. справедливостью); у них было только это. Об отшельниках Юй-чжуне и И-и он отозвался, что те, живя в уединении, хотя и были разнузданы в речах, но сами лично удовлетворяли условиям нравственной чистоты, и их удаление от мира соответствовало силе обстоятельств. Философ добавил: «Я отличаюсь от всех этих – я не предрешаю ничего, я ни за, ни против, а руководствуюсь сознанием долга».

О Бо-и и Шу-ци было говорено в гл. V § 32. Что касается Юй-чжуна, иначе Чжун-юна, то он вместе с Тай-бо бежал к цзинским инородцам. Живя в царстве У, он остриг волосы, татуировался и ходил голый. О Чжу-чжане нам ничего неизвестно из классиков. Шао-лянь хотя и был восточный варвар, но строгим соблюдением правил о трауре заслужил одобрение ритуалистов.

9. Главный капельмейстер Чжи отправился в Ци; Гань, распорядитель музыки при завтраке, отправился в Чу; Ляо, распорядитель музыки при обеде, ушел в Цай, и Цюэ, распорядитель музыки при ужине, отправился в Цинь; барабанщик Фан-Шу удалился в Хэ-нэй, к северу от Желтой реки; тамбу-рист У удалился в Хань-чжун, а младший капельмейстер Ян с [игравшим на каменном гонге] Сянем удалились на взморье.

Известно, что музыка составляла одну из прерогатив владетельных князей. Между тем, после преобразования музыки Конфуцием, в царстве Лу три знатные фамилии предвосхитили это право; тогда музыканты, не желая служить узурпаторам, разбрелись по разным частям тогдашнего Китая.

10. Чжоу-гун обратился к Лу-гуну с такою речью: «Благородный государь не бросает своих родственников, не доводит сановников до ропота из-за того, что их не употребляют на службу; аристократию без важных причин не бросает и не ищет всех совершенств в одном человеке».

Это наставление, с которым Чжоу-гун обратился к своему сыну Бо-циню, отправлявшемуся на княжение в Лу.

11. У Чжоу было восемь знаменитых чиновников: Бо-да, Бо-го, Чжун-ту, Чжун-ху, Шу-е, Шу-ся, Ци-суй и Ци-гуа.

Одни говорят, что эти знаменитости, рожденные от одной матери с четырьмя сосцами, процветали при Чэн-ване (1115–1078 гг. до Р.Х.), а другие полагают, что они жили при Сюань-ване (827–781 гг. до Р.Х.). Приводятся они здесь с целью показать, как богата была талантами династия Чжоу.

Глава XIX. Цзы-чжан

1. Цзы-чжан сказал: «Если ученый при виде опасности жертвует жизнью, при виде корысти думает о справедливости, при жертвоприношении думает о благоговении и при похоронах – как бы проявить свою скорбь, – то этого довольно».

2. Цзы-чжан сказал: «Безразлично существование таких людей, которые хранят только приобретенные добродетели, не заботясь о расширении их, верят в Учение, но не отличаются непоколебимостью».

3. Ученики Цзы-ся спросили у Цзы-чжана относительно сношений с людьми. Цзы-чжан сказал: «А как говорил об этом Цзы-ся?» Ученики отвечали, что он говорил так: «С годными людьми водитесь, а негодных отталкивайте». Цзы-чжан сказал: «Это

отличается от того, что слышал я. Благородный муж уважает людей, выдающихся своими талантами и нравственными достоинствами, и снисходительно относится ко всем остальным; он хвалит добрых и сострадает к немощным. Допустим, что я обладаю великими талантами и достоинствами, в таком случае, чего я не снесу от других? А если я недостойный человек, то люди отвергнут меня. Но каким же образом отвергать остальных?»

Чжу-си находит, что хотя Цзы-чжанова ирония над Цзы-ся основательна, но он сам с своим широким либерализмом также неправ, потому что от вредных друзей нельзя не удаляться.

4. Цзы-ся сказал: «Всякое малое знание, конечно, включает в себе что-нибудь заслуживающее внимания; но едва ли оно будет пригодно для отдаленных государственных целей. Поэтому благородный муж и не занимается ими».

Под именем «малого знания» разумеются все роды занятий, ремесел и художеств, например: земледелие, огородничество, врачевание, гадание и т. п.

5. Цзы-ся сказал: «О том, кто ежедневно узнает, чего он не знал, и ежемесячно вспоминает то, чему научился, можно сказать, что он любит учиться».

6. Цзы-ся сказал: «В многоучении и непреклонной воле, неотступном вопрошании и тщательном размышлении есть также и гуманность».

Так как эти четыре качества являются необходимыми агентами в выборе, усвоении и осуществлении добра, то само собой разумеется, что и гуманность как *Summa summagum* всякого добра заключается в них.

7. Цзы-ся сказал: «Ремесленники, чтобы изучить в совершенстве свое дело, помещаются в казенных мастерских; благородный муж учится, чтобы достигнуть высшего понимания своих принципов».

Если бы ремесленники, говорят толкователи, помещались в других местах, то могли бы обратиться к другим занятиям, обращали бы внимание на другие дела и, конечно, не могли бы достигнуть совершенства в своем ремесле. Если такое исключительное сосредоточение внимания на своем ремесле необходимо для простого ремесленника, то тем более необходимо ученому для достижения наивысшего знания сосредоточить все свое внимание на Учении.

8. Цзы-ся сказал: «Ничтожный (подлый) человек непременно прикрывает свои ошибки».

Низкий человек не боится обманывать самого себя, а боится исправить свои ошибки.

9. Цзы-ся сказал: «Благородный муж является в трех видах: когда посмотришь на него издали, он величествен; приблизишься к нему, он ласков; послушаешь его речи, он строг».

10. Цзы-ся сказал: «Государь может утруждать свой народ после того, как приобретет его доверие, а в противном случае народ будет считать служение за тиранию. Точно так же и государя можно увещевать после того, как он стал верить тебе, в противном случае он примет это за злословие».

11. Цзы-ся сказал: «Если великие обязанности не нарушаются, то в малых возможны отступления».

12. Цзы-ю сказал: «Ученики Цзы-ся в подметании пола, в ответах и движениях (манерах) годятся, но ведь это – последнее дело! Что же касается существенного, то этого у них нет (т. е. познаний нравственно-философских). Как же тут быть?» Услышав это, Цзы-ся сказал: «Эх, янь-ю ошибается! Разве благородный муж в системе обучения признает что-либо за главное и потому преподает его, равно как не признает чего-либо за второстепенное и потому ленится преподавать его? Подобно растениям он только сортирует своих учеников по степени их развития. В

преподавании благородный муж разве может прибегать к обману? Ведь только для святого мужа возможно достижение полного высшего Знания».

Отчаянный лаконизм этого параграфа делает правильный и удобопонятный перевод его, без помощи толкований и внимания к каждой букве его, совершенно невозможным. На саркастическое замечание Цзы-ю, что знание учеников Цзы-ся ограничивается только подметанием пола, умением отвечать и знанием, как подходить, как отступать, – последний совершенно основательно замечает, что благородный муж в обучении людей не обращает внимания на то, что главное и что второстепенное, а соотнобразует со степенью развития своих учеников, подобно тому, как в уходе за растениями соотнобразуются со степенью их роста и различием пород; что насильственное преподавание высших истин всем, не соразмеряясь со степенью их подготовленности к восприятию их, было бы обманом. Подметание же пола, умение отвечать и обращаться служат средством для обуздания природы, воспитания добра, ограждения от соблазна и укрепления природной чистоты. Ведь только один мудрец, обладающий врожденным знанием, может достигнуть высшего знания без постепенного накопления его.

13. Цзы-ся сказал: «Если от службы остается досуг, то употребляй его на учение, а если от учения остается досуг, то употребляй его на службу».

14. Цзы-ю сказал: «Траур должен ограничиваться только доведением скорби до высшей степени».

Траур заключается в искренней душевной скорби, а не во внешнем выражении ее посредством пышных похорон и других церемоний, так говорит один из китайских ученых; но, несмотря на это, у китайцев, под влиянием того же конфуцианства, в деле траура форма, или внешнее выражение скорби, получила такое полное преобладание над душевной скорбью, что китаец для того, чтобы устроить приличные похороны, не жалеет никаких расходов и входит в долги.

15. Цзы-ю сказал: «Мой друг Чжан делает вещи трудноисполнимые, но ему недостает гуманности».

Словами «недостает гуманности» хотят сказать, что у Цзы-чжана мало искренности и сострадания к другим, но много высокоумия.

16. Цзэн-цзы сказал: «Величественный человек Чжан, но с ним трудно вместе упражняться в гуманности».

17. Цзэн-цзы сказал: «Я слышал от Учителя, что люди, которые не проявили самих себя (т. е. своей истинной природы) во всей полноте непременно проявят себя в случае смерти родителей».

Если в этом случае они не проявят своей искренности, где же они проявят ее?!

18. Цзэн-цзы сказал: «Я слышал от Учителя о сыновней непочтительности Мэн Чжуан-цзы, все другие проявления которой достижимы, но что он не переменял ни слуг отца, ни его образа управления, – вот это трудно достижимо».

Мэн Чжуан-цзы – луский вельможа по имени Су. Отец его Сянь-цзы отличался умственными и нравственными совершенствами, и сын после его смерти оставил и его чиновников и порядки.

19. Мэн-ши сделал Ян-фу уголовным чиновником, и тот обратился за советом к Цзэн-цзы, который сказал ему следующее: «Правительство утратило истинный путь, народ давно отшатнулся от него. Если ты констатируешь факт преступления, то пожалей преступника, а не восхищайся своим умом».

Ян-фу был учеником Цзэн-цзы. В толкованиях китайских ученых для нас весьма интересен взгляд их на причины, вызывающие преступления. Когда правительство, говорят ученые, перестает заботиться о пропитании и просвещении народа, то народ отшатывается от него, между ним и правительством теряется связь. При таких условиях преступления совершаются если не по нужде, то по невежеству. Поэтому к

преступникам следует относиться с сожалением, а не с жестокостью. Как однако китайская криминальная практика далеко расходится с этими гуманными теоретическими началами! К каким бесчеловечным пыткам и истязаниям прибегают представители китайского правосудия для того, чтобы выудить у человека сознание иногда даже в небывалом преступлении!

20. Цзы-гун сказал: «Беззакония Чжоу не были уж такими ужасными, как о них рассказывают. Поэтому-то благородный муж не желает оказаться в грязи, чтобы ему не приписали все пороки мира.

Как в низменные места стекают все воды, так и человеку, пользующемуся дурной репутацией, приписывают всевозможные пороки, в которых он в действительности не повинен, и потому человеку следует вести жизнь нравственную и ревниво оберегать свою репутацию.

21. Цзы-гун сказал: «Ошибки благородного мужа подобны солнечному и лунному затмениям. Люди видят все его ошибки, а когда он исправит их, они взируют на него с уважением».

22. Вэйский вельможа Гун Сунь-чао спросил у Цзы-гуна: «Где и у кого учился Чжун-ни?» Цзы-гун сказал: «Учение Вэнь-вана и У-вана не погибло, а находится между людьми. Люди мудрые запомнили из него более важное (главные основания), а люди немудрые (не одаренные высокими талантами и нравственными достоинствами) – менее важное (т. е. подробности). Таким образом, учение Вэнь-вана и У-вана царило повсюду. Где же мог учиться философ? И к чему же было ему иметь постоянного Учителя?»

23. Шу-сунь У-шу, обратившись к вельможам при дворе, сказал: «Цзы-гун даровитее и умнее Чжун-ни». Цзы-фу Цзинь-бо на это сказал: «Возьмем для примера дворцовую стену; моя стена доходит до плеч, и через нее можно видеть, что есть хорошего в комнатах (т. е. стена низкая и комнаты плохие); стена же философа – в несколько сажений, и если не отыскать надлежащих ворот и не войти в них, то не увидишь красот храмов предков и богатства чинов империи; но отыскавших эти ворота, кажется, немного. Не таково ли должно бы быть и замечание твоего начальника?»

Шу-сунь У-шу был луским вельможей и носил имя Чжоу-чоу.

24. Шу-сунь У-шу стал порицать Чжун-ни. Цзы-гун сказал: «Не стоит делать этого. Чжун-ни нельзя порицать, ибо таланты и достоинства других людей – это холмики, чрез которые можно перешагнуть, а Чжун-ни – это Солнце и Луна недосыгаемые (непереходимые), так что, хотя бы кто и захотел отрешиться от них, то какой вред он причинил бы им? Он только весьма показал бы (обнаружил) незнание своих сил».

25. Чэнь Цзы-цин, обратившись к Цзы-гуну, сказал: «Ты только из почтения говоришь так. Возможно ли, чтобы Чжун-ни был достойнее тебя?» Цзы-гун сказал: «Благородного мужа за одно слово считают умным и за одно слово считают невежей; поэтому в словах нельзя не быть осторожным. Философ недосыгаем подобно Небу, на которое нельзя подняться по ступенькам. Если бы философ получил в управление княжество, то на нем оправдалось бы следующее изречение: „Кого он поставил бы на ноги, тот стоял бы; кого он повел бы, тот последовал бы за ним; кого приласкал бы, тот покорился бы ему; кого поощрил бы, те жили бы в согласии и мире“. При жизни он был бы славен; его смерть была бы оплакиваема. Каким же образом возможно сравняться с ним?»

Здесь Цзы-гун только иллюстрирует, так сказать, не-однократно выраженную самим его Учителем мысль о тех благодетельных и блестящих результатах, которые дало бы его управление.

Глава XX. Яо сказал...

1. Яо сказал: «О Шунь! Небом установленное преемство царственной власти остановилось на тебе. В управлении следует неуклонно держаться середины (т. е.

Конфуций Суждения и беседы filosoff.org
справедливости). Если китайский народ в пределах четырех морей обеднеет, то и благополучие государя прекратится навеки». С таким же наказом обратился к Юю и сам Шунь, уступая ему престол.

Тан (Чэн-тан), обращаясь к Верховному Владыке, сказал: «Я, недостойный сын твой Ли, осмеливаюсь принести тебе в жертву черного быка и осмеливаюсь заявить тебе, Верховный Владыка, что император Цзе был виноват, и я не смел простить его, а достойные слуги твои мною не сокрыты под спудом. Его (императора) преступления и их (твоих слуг) добродетели зримы тебе, Владыка. В твоём сердце я был избран. Если я лично согрешу, то пусть это не будет вменено в вину моим подданным; если же они согрешат, то вина не должна пасть на меня».

Чжоуский У-ван раздал большие награды, добрые люди обогатились. Он говорил:

«У Чжоу-синя хотя и были ближайшие родственники, но они не стоили моих добродетельных (гуманных) людей. Грехи моего народа лежат на мне одном».

Он (У-ван) обратил тщательное внимание на меры и весы, уяснил законы, восстановил упраздненные чины, и государственное правление пошло! Он восстановил угашенное государство, возобновил прервавшееся поколения, вызвал к деятельности отшельников, и народ искренне покорился ему. Особенное внимание его было обращено на народное пропитание, на траур и на жертвоприношения.

Если государь великодушен, то он приобретет расположение народа; если он разумен, то совершит подвиги, и если будет справедлив, то будут довольны им.

Это манифест Чэн-тана 1766 г. до Р.Х., приведенный из «Шу-цзина», с которым он обратился к своим вассалам после того, как наказал последнего сяского императора Цзе.

В начале этой главы заключается наказ императора Яо, обращенный к Шуню, по случаю отречения его от царства в пользу последнего. Далее, начиная со слова, пред которым, по толкованию, должно стоять имя основателя иньской династии Чэн-тана, говорят, идет заимствованный из «Шу-цзина» манифест этого государя к своим вассалам по случаю низложения последнего государя династии Ся тирана Цзе, с молитвенным воззванием к Верховному Владыке. Затем следует краткая характеристика чжоуского князя У-вана, начинающаяся щедрыми наградами по случаю утверждения дома Чжоу в царственном достоинстве. Заключительные же слова о «великодушии, приобретающем расположение народа», и т. д. сами толкователи, не зная, кому приписать, считают их общими рассуждениями о принципах, которыми должны руководствоваться цари в своей деятельности.

2. Цзы-чжан спросил у Конфуция: «Каким бы образом можно было вести дела правления?» философ отвечал: «Следовать пяти прекрасным качествам и изгонять четырех скверных – этим путем можно вести дела правления». «А что такое пять прекрасных качеств?» – спросил Цзы-чжан. философ отвечал: «Когда правитель благодетельствует, не расходуясь; налагает работу, не вызывая ропота; желает без алчности; доволен, но не горд; внушительен, но не свиреп». Цзы-чжан спросил: «Что значит благодетельствовать, не расходуясь?» философ отвечал: «Когда он будет доставлять пользу народу исходя из того, что для него полезно, – разве это не будет благодеянием без затрат? Когда он будет выбирать пригодную работу и заставлять людей трудиться над ней, то кто же будет роптать? Когда он будет желать гуманности и приобретет ее, то где же тут место для алчности? Когда для него не будет ни сильных, ни слабых по численности, ни малых, ни великих дел и он будет относиться с одинаковым уважением ко всем и ко всему, то разве это не будет самодовольством без гордости? Когда он оправит свое платье и шапку, его взор будет проникнут достоинством, и, глядя на его внушительный вид, люди будут чувствовать уважение – разве это не будет величием без свирепости?»

Цзы-чжан спросил: «А что такое четыре дурных качества?» философ отвечал: «Казнить людей, не наставив их, – это бесчеловечность; требовать немедленного исполнения чего-либо, не предупредив заранее, – это торопливость; медлить с распоряжениями и требовать срочного исполнения их – это пагубность; давая людям что-нибудь, проявлять при выдаче скарденность (т. е. нежелание расставаться с выдаваемым предметом), – это будет мелочность, свойственная чиновнику, но не правителю».

Относительно достоинств этого параграфа один ученый говорит следующее: «В «Лунь-юй'е» много встречается вопросов и объяснений по поводу государственной политики, но нигде она не изложена с такой полнотой, как в настоящем параграфе, который поэтому и записан для того, чтобы служить царям пособием в государственном управлении и в то же время показать, каков был философ в деле управления».

3. философ сказал: «Кто не признает судьбы, тот не может сделаться благородным мужем. Кто не признает церемоний, тому неоткуда приобрести прочные устои. Кто не знает силы слова, тому неоткуда будет узнать людей».

Конфуций

Если верить китайцам, род Конфуция должен считаться одним из древнейших родов в мире. Они ведут его родословную за 11 веков до Р.Х. от Ци, старшего брата Чжоу-синя, последнего государя иньской династии, получившего потом от чжоуского князя Чэн-вана удел Сун. Но ближайшим родоначальником китайского мудреца, от которого он унаследовал свое прозвание, был Кун-фу-цзя, живший за 7 веков до Р.Х., правнук которого и прадед Конфуция вынужден был из-за родовой вражды с влиятельной фамилией Хуа переселиться в Царство Лу, где, получив в управление город Фан, стал именоваться Фан-шу.

Отец Конфуция Шу Лян-хэ, говорят, был храбрый воин, обладавший богатырской силой, а мать его по имени Чжэн-цзай происходила из фамилии Янь. Не имея от первой жены сыновей, за исключением одного убогого Мэнни, на которого нельзя было рассчитывать как на продолжателя рода, Шу Лян-хэ, несмотря на свой 70-летний возраст, взял другую жену – именно Чжэн-цзай. От этой-то четы в 551 г. до Р. Х. в уезде Цзоу, которым управлял его отец, родился Конфуций. При рождении ему было дано имя Цю, а впоследствии ему дали прозвание Чжун-ни.

Имя «Цю» и прозвание «Ни» даны были Конфуцию его родителями в память о горе, на которой они молились о даровании им сына.

О детстве Конфуция, как это ни странно, мы почти не имеем никаких сведений; рассказывают только, что он любил играть, расставляя жертвенные сосуды и представляя разные обряды. Уж не послужила ли эта детская склонность к развитию в нем страсти и педантического благоговения к церемониям, которые сковали всю последующую жизнь Китая?

Недостаток средств, а может быть и смутные времена удельного периода, когда было не до науки, лишили Конфуция возможности получить в молодости правильное образование, несмотря на то, что у него, по его собственным словам, в 15 лет была охота учиться. В 19 лет он женился на девице из семейства Цянь-гуань, а в следующем году у него родился сын Ли (кит. – карп), которому он дал это имя, будучи тронут вниманием князя, приславшего ему в ознаменование этого счастливого семейного события пару карпов. Как бы то ни было, но тот факт, что владетельный князь удостоил Чжун-ни по случаю рождения у него сына подарком, указывает, что Конфуций, несмотря на свои 20 лет, был уже некоторым образом известен князю.

Обычай посылать карпов в подарок по особенно счастливым и приятным случаям до сих пор сохраняется в Китае. Так, Ли-Хунь-чжан послал в 1897 г. князю Ухтомскому двух карпов как выражение того, насколько он был рад его видеть.

Вскоре после этого события мы встречаем Конфуция в качестве смотрителя хлебных магазинов, затем в должности смотрителя жертвенных животных. Так как, представая в некоторых памятниках в качестве смотрителя хлебных магазинов, он именовался чиновником фамилии Цзи, то из этого можно заключать, что он был сначала на службе не у самого луского князя. Как бы то ни было, но служебная карьера ему, по-видимому, не улыбалась, о чем можно заключать из того, что в 22 года он является в качестве учителя, вокруг которого собирается немало молодых людей, жаждущих познакомиться с церемониями и истинами древней мудрости, и Конфуций, по его собственным словам, не отказывал в наставлении никому, кто являлся к нему со связкой вяленого мяса (т. е. платой за учение) и с горячим стремлением к познанию истины («Лунь-юй». Гл. VII. § 7–8). Такой учительской деятельностью он

занимался до тех пор, пока ему представился случай, благодаря богатству и влиянию двух новых учеников своих – Хэ-цзи и Нань-гуань-цзин-шу – осуществить свою заветную мечту – совершить путешествие к сюзеренному двору в столицу Лоян (в Хэ-паши) для изучения на месте чжоуских церемоний и древностей и чтобы расспросить о них Лао-цзы, который будто бы был придворным библиотекарем. О свидании этих двух мудрецов ни классические книги, ни история не сохранили нам ничего заслуживающего внимания, за исключением нескольких банальных фраз. Так, например, Конфуций, после свидания с Лао-цзы, сказал своим ученикам: «О птице я знаю, что она может летать, о рыбе, что она может плавать и о животном, что оно может ходить; птица может быть поражена стрелой, рыба поймана удочкой, а животное – тенетами. Что же касается дракона, то я не могу знать, что с ним можно сделать, потому что он на облаках уносится в небеса. Я видел Лао-цзы – не походит ли он на дракона?»

Оставляя в стороне подобные рассказы, мы должны заметить, что путешествие это, несомненно, обогатило пытливым ум Конфуция новым запасом сведений по части церемоний, истории, языка и древности и в то же время подняло его значение как ученого. Вероятно, благодаря этому число учеников его по возвращении из Ло значительно возросло.

Но ему не пришлось долго отдыхать в своем отечестве; в нем начались большие смуты, обязанные своим происхождением возмутительному поведению трех знатных фамилий: Цзи, Мэн и Шу, по отношению к своему государю, князю Чжао, который после безуспешной борьбы с ними в 25-й год своего княжения принужден был бежать в соседнее царство Ци; за ним последовал туда и Конфуций. В Ци в то время княжил Цзин-гун. Своими политическими беседами с этим князем, которому, между прочим, на его вопрос об управлении он сказал, что доброе правление может быть только там, где государь – государь, министр – министр, отец – отец и сын – сын («Лунь-юй». Гл. XII, § 11), Конфуций настолько успел снискать его расположение, что князь готов был дать ему землю под аренду в Ни-ци, если бы против этого не восстал первый министр Янь-ин. Эта неприятность в соединении с недовольством этикетом, который князь хотел приложить по отношению к Конфуцию, т. е. третировать его ниже первого магната Цзи и выше Мэн, сделала дальнейшее пребывание его в княжестве Ци довольно щекотливым, и он опять возвратился в Лу.

Он застал свою родину в состоянии ужасных смут. Чжао-гун продолжал оставаться в княжестве Ци, где вскоре и умер, и на место его был возведен брат его, известный под именем Дин-гуна (509 г. до Р.Х.). Известные знатные фамилии Цзи, Мэн и Шу, о которых упоминалось выше, державшие в руках своих государей, сами не в состоянии были обуздать своих подчиненных; один из них – Ян-ху – открыто поднял знамя восстания. Такое положение дел заставило Конфуция отказаться от служебной деятельности на долгие годы, которые были им посвящены поэзии, истории, церемониям и музыке. Богатый материал для разработки этих предметов он нашел, конечно, в том, что он видел и что вывез из своего путешествия в столицу чжоуских царей. Немалое утешение он находил в учениках, которых у него была масса. Проповедник порядка и законности, наш мудрец едва сам не был увлечен на путь беспорядка и беззакония духом того времени, когда бесправие и необузданный произвол были общим правилом, а право и разумная свобода – редким исключением. Конфуцию был уже 51 год, когда некто Гун-шань-буню, взбунтовавшись против фамилии Цзи, пригласил его присоединиться к восстанию. Мудрец был готов отправиться на приглашение, но против этого восстал ученик его, Цзы-лу. Учитель, по-видимому, неохотно уступил своему ученику, как об этом можно заключать из следующего ответа его Цзы-лу: «По всей вероятности, он не попусту пригласил меня. Если бы нашелся человек, который бы воспользовался мной, разве я не создал бы восточное Чжоу?»

Вскоре за сим Дин-гун назначил Конфуция правителем города Чжун-ду в округе Дун-пин. В течение своего годовичного управления он до такой степени упорядочил вверенный ему город, что все окрестные правители хотели подражать ему. Такая блестящая деятельность его как администратора доставила ему более высокий пост товарища министра работ Сы-куна, затем Министра уголовных дел (Ды-сы-коу). Вслед за сим он в качестве первого министра, сопровождал своего князя Дина на свидание с циским князем Цзином, имевшее место в местечке Цзя-гу, и своим тактом, осторожностью и знанием приличий до такой степени пристыдил циского владетеля, что он возвратил некоторые земли, отрезанные у Лу. Желая ослабить силу и влияние трех вышеупомянутых знатных домов, Конфуций добился того, что два из них согласились разрушить свои укрепленные города. Как Министр уголовных дел он отличался полным беспристрастием в отправлении правосудия. В течение трех

месяцев он, говорят, успел настолько изменить распущенные нравы своих соотечественников, что в княжестве Лу восстановился полнейший порядок. Такая необычная реформа, которая при дальнейшей деятельности Конфуция должна была повести к быстрому усилению княжества Лу, навела такой страх на соседнее царство Ци, что там немедленно было решено принять меры к тому, чтобы парализовать дальнейшую благотворную деятельность Конфуция по упрочению доброго правления и порядка в Лу. С этой целью решено было прибегнуть к излюбленному в Китае средству – воздействию на чувственность правителей. В Лу немедленно было отправлено в подарок князю 80 красивейших циских девиц с музыкальными инструментами, вероятно певиц. Результаты этой хитрости оказались вполне блестящими. Князь и вельможа Ци-хуань были настолько очарованы красавицами, что не только перестали заниматься государственными делами и совершенно забыли о Конфуции, но даже, после великого жертвоприношения, не послали сановникам остатков жертвенного мяса. После такого ужасного нарушения великого обряда и пренебрежения делами правления Конфуций решил оставить свою злополучную родину и направился в царство Вэй (на границе Чжи-ли и Хэ-нань).

С этого времени начинается его скитальческая жизнь по разным княжествам, продолжавшаяся 12 лет (с 495 по 483 гг. до Р.Х.) и сопровождавшаяся разными приключениями. Так, в начале своих странствований на пути из Вэй в Чэнь (в Хэнань) он подвергся нападению со стороны жителей местечка Куан, принявших его по наружному сходству за Ян-ху, которому они хотели отомстить за его жестокое обращение. Когда сопровождавшие его ученики испугались, то Конфуций, стараясь успокоить их, сказал: «Разве после смерти Вэнь-вана просвещение не заключается во мне? Если бы Небо хотело погубить это просвещение, то без сомнения оно не сделало бы меня причастным к нему, а так как оно вручено мне, значит Небо не хочет погубить его, а в таком случае, что же могут сделать мне куанцы?» («Лунь-юй». Гл. IX. § 5). Освободившись от этой опасности, Конфуций не продолжал своего пути в Чэнь, а возвратился в Вэй, где с ним приключился другой случай, хотя и не такой опасный, но зато бросающий неблагоприятную тень на его нравственный облик – это свидание его с развратницей Нань-цзи, женой владетельного князя Лин-гуна, которое заставило его поклясться пред своим учеником Цзы-лу в невинности этого свидания. «Пусть отвергнет меня небо, пусть отвергнет меня небо, если с моей стороны было что-нибудь предосудительное», – сказал мудрец («Лунь-юй». Гл. VI. § 26). Мало того, он сопровождал князя с Нань-цзи в ее прогулке по городу. И такое неприличие, с точки зрения китайских церемоний, сделано было лицом, которое во время управления города Чжун-ду в видах соблюдения чистоты нравов установило, чтобы женщины ходили по одной, а мужчины – по другой стороне улицы. Значит, и китайский мудрец иногда поступался своими принципами в угоду сильным мира сего.

Из Вэй он отправился в Сун. Следуя туда через Цао, он расположился со своими учениками под деревом для упражнения в церемониях. Сунский офицер Хуань-туй приказал срубить дерево и умертвить Конфуция, который успокоил испугавшихся учеников, назвав себя носителем небесной добродетели, которому Хуань-туй, конечно, ничего не может сделать. Отсюда он направился в Чжэн, где у городских ворот отстал от своих учеников. Цзы-гун, отыскивая его, обратился к одному туземцу, который сказал ему, что у восточных ворот он видел человека, лоб которого походил на лоб императора Яо, шея – на шею императора Гао-тао, плечи имели сходство с плечами Цзы-чана; вообще же он имел несчастный вид, словно заблудившаяся собака.

Из Чжэна он направился в Чэнь, где прожил три года и затем возвратился опять в Вэй. На пути туда он попался в руки возмущившегося вэйского офицера, который отпустил его под клятвой не идти в Вэй; Конфуций спокойно нарушил эту клятву, найдя, что она, как вынужденная обстоятельствами, не могла иметь обязательной силы. Вообще, как видно, китайский философ часто действовал сообразуясь с обстоятельствами, а не со своими убеждениями. Вэйский князь Лин-гун, хотя и принял Конфуция с почетом, но никакой должности ему не предложил, несмотря на его заявление, что если бы какой-нибудь из князей и принял его на службу, то он в течение трех лет привел бы управление княжеством в совершенный порядок.

Дух авантюризма, которого, по-видимому, не чужд был Конфуций, едва не увлек его из Вэй в Цзинь, куда призывал его Би-си, правитель города Чжун-моу, возмущившийся против своего правителя. Опять тот же Цзы-лу выступил со своим увещанием в следующем роде: «Когда-то я слышал, как ты, Учитель, сказал: благородный муж не входит в общение с людьми, делающими зло. А Би-си – мятежник. Как же ты пойдешь к нему? На это Конфуций, по-видимому, нисколько не смутившись,

отвечал: «Совершенно верно, я говорил это. Но не говорил ли я также, что твердое не становится тонким от трения, а белое не чернеет от погружения в черную краску? Разве я тыква-горлянка, чтобы мне висеть и не быть съеденным?» Несмотря на страстное желание философа играть выдающуюся политическую роль – желание, которое так сквозит в его ответе, благоразумный совет его ученика взял верх, и он отказался от своего намерения и снова направил стопы свои в княжество Вэй. Как видно, и в этот раз здесь ему не повезло, и когда князь Лин обратился к нему с вопросом о стратегии, то он, как поборник мира, не удостоив его ответом, немедленно удалился и направился в Чэнь.

Во время пребывания его здесь в царстве Лу умер временщик Цзи-хуань-цзы и на смертном одре завещал своему сыну Кан-цзы непременно вызвать Конфуция; но этот последний, по совету своих приближенных, пригласил вместо него ученика его, Жань-цю. После этого случая, огорченный и разочарованный в своих надеждах лично переустроить Китай по своему образцу и водворить в нем мир и тишину, он, как бы в минуту овладевшего им отчаяния, воскликнул: «Пора мне возвратиться домой! Пора мне возвратиться домой!» Но прежде чем возвратиться в отечество ему еще пришлось долго вести скитальческую жизнь и даже снова подвергаться опасностям. Так, по дороге из Чэнь в Цай у путешественников истощилась провизия, и они голодали целых семь дней. Ученики его совершенно упали духом, но Конфуций со спокойствием истинного стоика переносил это несчастье.

Из Цай он отправился в Шэ (в провинции Хэ-нань). К этому времени (490-е гг. до Р.Х.) относится встреча его на пути в Чу с одним чуским юродивым по имени Цзе-юй, который, проходя мимо телеги Конфуция, пел: «О, Фын-хуан! До какой степени упали твои качества! За прошлое не стоит укорять, но будущее еще поправимо. Оставь, оставь! Теперь участие в управлении опасно». При этих словах Конфуций вышел из телеги, желая поговорить с юродивым отшельником, но последний скрылся. По толкованию китайцев баснословная птица Фын со своей подругой Хуан появляется на земле тогда, когда на ней царствуют правда и мир. Приравнивая Конфуция к этой птице, юродивый отшельник хотел в своей песне сказать: ты забыл свою природу, стремишься к власти в годину смут и нестроения; но еще не поздно. Оставь свои честолюбивые намерения и скройся от мира, в котором участие в управлении грозит бедой!

После этого счастье, по-видимому, улыбнулось неугомонному старику – его пригласил к своему двору в Сян-ян чуский Чжао-ван; мало того, он, говорят, сам довез его до своей столицы и хотел пожаловать его большими землями в кормление, но этому воспротивился первый министр Лин-инь, представив князю всю опасность пожалованья Конфуцию больших земельных владений. Вот как передает этот факт Сыма-цянь в своих «Исторических записках». Когда шла речь о пожаловании Конфуцию обширных земель, то министр Цзы-си, обратясь к князю, сказал: «Есть ли между Вашими посланниками при дворах князей такие, как Цзы-гун?» «Нет», – отвечал князь. «Есть ли между Вашими советниками такие, как Цзы-лу?» «Нет», – был ответ. «А есть ли у Вас такие правители, как Цзы-юй?» «Нет. Что касается Кун-цю, то он излагает систему управления трех чжоуских государей и уяснил себе деяния Чжоу-гуна и Шао-гуна. Если Кун-цю получит землю и будет иметь помощниками своих достойных учеников, то это не послужит к благополучию чуского дома».

Эта новая неудача заставила Конфуция снова возвратиться в Вэй, где Лин-гун уже умер, и наследник его Чу изъявил желание, чтобы Конфуций принял на себя управление, но он почему-то отклонил от себя эту честь. В это время Жань-цю, бывший военачальником у фамилии Цзи, отличился в войне с Ци, и Цзи-кан (или Кан-цзы), узнав от Жань-цю, что он научился военному искусству у Конфуция, вызвал последнего в Лу, для чего за ним было отправлено специальное посольство. Возвращение его имело место в 11-й год правления Ай-гуна (483 г. до Р.Х.), когда ему уже минуло 68 лет.

Усталый и разочарованный, Конфуций не искал уже более службы, зная по долгому горькому опыту всю бесполезность этого стремления, и занялся учеными работами – составил предисловие к «Шу-цзи-ну», привел в порядок обрядник, урезал древние стихотворения, оставив из трех тысяч всего триста пять и переложив все их на музыку, упорядочил самую музыку. На склоне лет он с особенной любовью занимался «И-цзином», «Книгой Перемен», на которую составил пояснения, кои, по-видимому, не вполне удовлетворяли его самого, о чем можно заключить из следующих слов его: «Если бы мне прибавили еще несколько лет жизни для окончательного изучения «И-цзина», тогда бы я мог обойтись без больших ошибок» («Лунь-юй». Гл. VII. § 16).

Кроме того, он был занят составлением летописи «Чунь-цю» («Весны и Осени»), обнимающей историю луского княжества за 242 года, начиная с князя Иня и оканчивая 14-м годом княжения князя Ай-гуна, т. е. с 722 по 480 гг. до Р.Х. Рассказывают, что в этом году на охоте был пойман Ци-линь, будто бы тот самый зверь, который появлялся незадолго до рождения Конфуция, рога которого мать мудреца украсила тогда лентой. Глубоко опечаленный появлением этого чудесного зверя, предвещавшего его близкую кончину, Конфуций сломал кисть и уже более не продолжал своей летописи. Спустя два года он скончался семидесяти трех лет в 16-й год правления Ай-гуна, соответствующий 478 г. до Р.Х. Говорят, у него было три тысячи учеников, но из них только семьдесят два понимали в совершенстве весь округ тогдашнего образования, обнимавший шесть предметов, а именно: церемонии, музыку, стрельяние из лука, управление колесницей, письмо и арифметику. Все ученики носили по своему Учителю трехгодичный траур и только Цзы-гун прожил на его кладбище шесть лет.

П. С. Попов

Переводы Конфуция и цитируемая литература

1. Алексеев В. М. Китайская литература. М., «Наука», 1978.
2. Алексеев В. М. Наука о Китае. М., «Наука», 1982.
3. Головачева Л. И. Беседы и суждения Конфуция // Рубеж, 1992, № 1.
4. Кривцов В. А. (пер.) Лунь Юй // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1, 1972.
5. Маслов А. А. Колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала в Китае. М., «Алетейя», 2003.
6. Переломов Л. С. Конфуций. Лунь Юй. М. «Восточная литература», 1998.
7. Попов П. С. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. Перевод с китайского с комментариями. СПб, 1910.
8. Попов П. С. Китайский философ Мэн-цзы. Перевод с китайского, снабженный примечаниями. СПб, 1904.
9. Семенов И. И. (Сост. и комментарии) Конфуций. Я верю в древность. М., 1995.
10. Мэн-цзы. Пекин, Жэньминь чубаньшэ. 1978.
11. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Шанхай, 1993.
12. Цзочжуань чушу («Хроники Цзо» с комментариями). Пекин, Жэньминь чубаньшэ, 1998.
13. Цзочжуань чу шу («Хроники Цзо» с комментариями). Шанхай, 1998.
14. Цзя Жуго. Чжунго жуцзяо шихуа (Рассказы по истории китайского конфуцианства). Баодин: Хэбэй дасюэ чубаньшэ, 1999.
15. Чжу Си. Сы шу чжан цзюй цзичжу («Четверокнижие» с собранием комментариев).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!